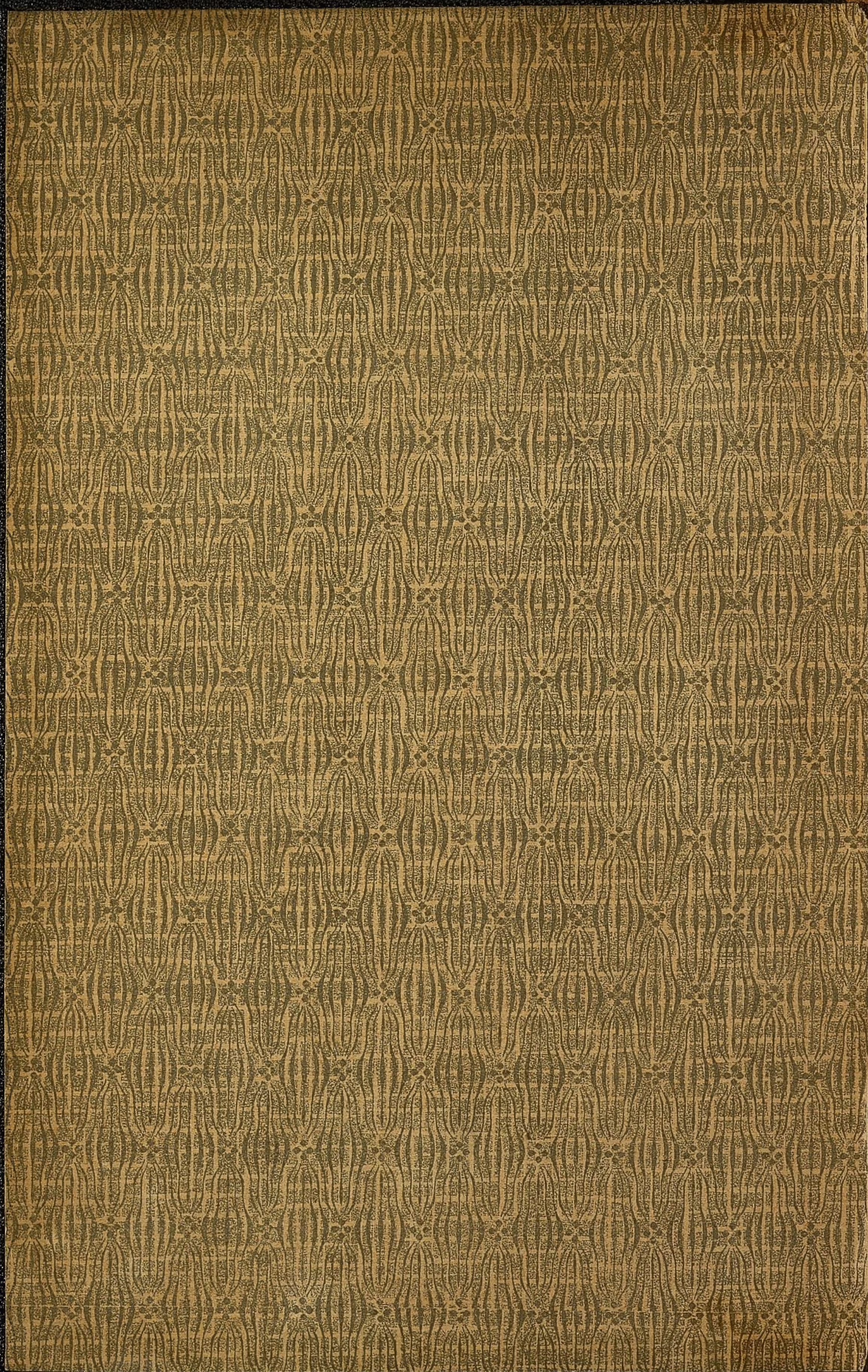

МАТЕРІАЛЫ

ДЛЯ

ЭТНОГРАФІИ РОССІИ.

КАЗАНСКАЯ ГУБЕРНІЯ.

XIV-тая

Составилъ полковникъ А. Ф. РИТТИХЪ.

ЧАСТЬ II.

Приложенія: Молитва Господня на 6 языкахъ; сравнительный словарь на 10 языкахъ; казанскіе типы и одежды; сравнительная музыка татаръ, чувашъ и черемисъ.

КАЗАНЬ.
Печатано въ типографіи Императорскаго казанскаго университета.
1870.

МАТЕРІАЛЫ
ДЛЯ
ЭТНОГРАФІИ РОССІИ.

КАЗАНСКАЯ ГУБЕРНІЯ.

XIV-тая

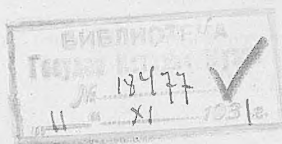
Составилъ полковникъ А. Ф. Риттихъ.

ЧАСТЬ II.

Приложенія: Молитва Господня на 6 языкахъ; сравнительный словарь на 10-ти языкахъ; казанскіе типы и одежды; сравнительная музыка татаръ, чувашъ и черемисъ.

КАЗАНЬ.
Печатано въ типографіи Императорскаго казанскаго университета.
1870.

Цензурою дозволено. Казань 9 декабря 1869 года.

ЧАСТЬ II.

ТАТАРЫ.

Отличительную черту казанскихъ татаръ составляетъ ихъ религія, которая имѣетъ вліяніе на ихъ: нравы, обычаи, языкъ, литературу, характеръ и типъ. Мухаммеданство, сложившись на фанатическихъ началахъ, должно было поработить всецѣло, мирно-торговыхъ жителей Болгаріи, къ которымъ оно привилось, какъ свое родное. Распространеніе новой религіи сначала шло довольно медленно, но впослѣдствіи, когда кипчакская орда также обратилась къ мухаммеданству, а Болгарія перестала существовать, поводъ къ распространенію сдѣлался общимъ, увеличивая семью ислама, изъ года въ годъ, при полной вѣротерпимости его впослѣдствіи русскими. Нынѣ религія казанскихъ татаръ, составляетъ главное звено, посредствомъ котораго малочисленное ихъ населеніе въ Россіи составляетъ въ государствѣ, религіозное государство, которому подчиняется вся ихъ жизнь, дѣятельность и направленіе; на пользу же Россіи остается одно наружное и все то, что можетъ послужить въ пользу самому мухаммеданину.

Іоаннъ грозный овладѣвъ Казанью и разоривъ татарскія мечети, съ построеніемъ православныхъ храмовъ и съ запрещеніемъ строить впредь мечети въ Казани, превратилъ городъ въ чисто христіанское жилище, гдѣ кромѣ того воспрещалось жить всякому некрещеному народу.

Татары отступали, но съ тѣмъ большимъ упорствомъ, они старались удержаться при своихъ началахъ и до нынѣ между ними нѣтъ признаковъ къ сближенію, ни съ русскою народностью, ни съ просвѣщеніемъ. Послѣднее для нихъ, съ европейской точки зрѣнія, какъ бы не доступно, а введеніе гласнаго суда, многіе изъ нихъ по деревнямъ, считали

концомъ свѣта. Они остановились на давно упрочившихся началахъ той религіи, которая опередила человѣчество въ VII столѣтіи и могло потому охватить дремлющій элементъ восточныхъ народовъ того времени, задѣвъ его тонкія струны. Но съ теченіемъ времени эти струны натянулись до нельзя, они теперь даже уже и лопнули, остался инструментъ безъ звука, равный по значенію своему тому мухаммеданскому ученію, которое въ школахъ преподаетъ все то, что пригодно на востокѣ, въ тѣсной сферѣ дѣйствія, но ни въ европейскомъ государствѣ; что потребно и полезно отдѣльнымъ личностямъ, мухаммеданскому духовенству, для избавленія его, сообразно сану, отъ рекрутства, но не массѣ мухаммеданъ, не понимающихъ того что читаютъ, не примѣняющихъ къ жизни, своего трудоваго 5-ти лѣтняго ученія.

Все населеніе не болѣе какъ послушные исполнители тѣхъ немногихъ татаръ, которые по собственному ли убѣжденію, либо вліяніемъ извнѣ или благодушіемъ существующихъ у насъ законовъ, толкуемыхъ нерѣдко вкось и вкривь нашими далеко не національными дѣятелями,—держутъ въ рукахъ всѣхъ остальныхъ.

Мухаммеданство сидитъ чрезвычайно крѣпко въ казанской губерніи, представляя непреодолимыя трудности къ водворенію христіанства между татарами. Тому отчасти виною, послѣдовавшія за Іоанномъ IV распоряженія, которыя хотя и имѣли достаточно разумныхъ основаній, но постоянныя отступленія и исключенія отъ общихъ правилъ, привели къ настоящимъ, далеко не отраднымъ результатамъ.

До конца XVI столѣтія, мухаммеданство при полной вѣротерпимости, должно было однакожъ уступать, предъ каждымъ шагомъ христіанства. Въ этотъ періодъ въ Казани не было мечетей и всѣ некрещеные жили отдѣльною слободою. Вообще же мечетей было въ казанской губерніи по дѣйствительной въ нихъ потребности.

Въ XVII вѣкѣ и до вступленія на престолъ императрицы Екатерины II, вліяніе духовенства на распространеніе мухаммеданства и на интересы татарскихъ мечетей, было довольно ощутительно, такъ что къ этому времени всѣхъ мечетей, состояло въ казанской губерніи (прежняя, но не настоящая губернія) не болѣе 250 [1]. Кромѣ того принима-

[1] О татарскихъ мечетяхъ въ Россіи, Е. Малова.

лись разныя мѣры для крещенія татаръ и отъ совращенія. Такъ напримѣръ не дозволяли строить мечетей тамъ, гдѣ ограниченное число душъ мухаммеданъ жило совмѣстно съ преобладающимъ христіанствомъ. При значительномъ преобладаніи тѣхъ или другихъ и ничтожномъ меньшинствѣ крещеныхъ татаръ либо мухаммеданъ, ихъ переселяли въ предупрежденіе совращенія, къ однороднымъ по религіи поселенцамъ.

Старо-крещеныхъ татаръ въ настоящее время насчитывается до 27901 д. об. пола. И нужно замѣтить, что каковы бы не были средства, которыми они пріобщены къ христіанству,—они вѣроятно были достаточно убѣдительны, такъ какъ между старо-крещеными татарами, не замѣтно было того отпаденія, которое столь недавно совершилось и совершается до нынѣ между ново-крещеными татарами. Едва ли не вѣрно то предположеніе, что всѣ ново-крещеные, скорѣе мухаммедане, чѣмъ христіане.

Удержаніе христіанства между старо-крещеными можно объяснить себѣ тѣмъ, что въ XVI и XVII столѣтіяхъ, въ татарахъ не былъ еще развитъ тотъ политическій характеръ, который въ особенности сильно обнаружился, послѣ восточной войны. Ихъ отцы были крещены еще въ то время, когда фанатическая ученость муллъ, не достигла настоящихъ размѣровъ. Когда сообщеніе по Волгѣ, препятствовало проникать мухаммеданскимъ агентамъ внутрь страны безнаказанно. Эти крещеные татары, исповѣдуя христіанство въ 7 генераціи, сроднились съ нимъ, воспользовавшись прежде тѣми льготами, какія давались всѣмъ крестившимся и потому могли утвердиться и признать его дѣйствительность, среди той вѣротерпимости, какая была до екатериненскаго вѣка.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ замѣчательно, что эти старо-крещеные татары, сохранили вполнѣ многіе обычаи, свою одежду и языкъ. Въ особенности замѣчательна одежда женщинъ, ничѣмъ не отличающаяся отъ ихъ національнаго костюма, хотя при этомъ онѣ лицъ своихъ не закрываютъ. Также встрѣчаются весьма рѣдко женитьбы православныхъ русскихъ съ крещеными татарками и обратно, но то и другое бываетъ съ крещеными чувашами, черемисами, вотяками и мордвою. Языкъ старо-крещеныхъ татаръ, отличается своею чистотою, при полномъ отсутствіи арабской и персидской примѣсей.

Въ Казани основана г. Ильминскимъ миссіонерская школа крещеныхъ татаръ, гдѣ богослуженіе идетъ на татарскомъ

языкѣ. Нужно отдать полную справедливость прекрасному направленію этой школы и вѣрнѣйшему будущему преуспѣянію этого новаго дѣла. Татарскій языкъ, далеко не благозвученъ и потому мало гармонируетъ съ торжественною православною службою, тѣмъ не менѣе это не мѣшаетъ, быть ученикамъ на столько же хорошими христіанами, а впослѣдствіи миссіонерами, какъ любому русскому.

Не считаемъ лишнимъ приложить вѣдомость старо-крещенымъ татарамъ по уѣздамъ:

Въ Мамадышскомъ уѣздѣ	13942
— Лаишевскомъ	8150
— Чистопольскомъ	3292
— Казанскомъ	1601
— Цивильскомъ	916 (1).
Всего	27901.

Если бы снабдить всѣ эти приходы лучшими и даже богатѣйшими средствами для образованія, съ цѣлію сдѣлать изъ нихъ отличныхъ учителей-миссіонеровъ, то они были бы надежнѣйшими поборниками христіанства. Одинаково нужно обратить вниманіе на развитіе въ казанской губерніи собственно русскаго населенія и тѣмъ поставить его лицемъ къ лицу съ татариномъ. Послѣдній никогда не повѣритъ тому, что услышитъ изъ устъ образованнаго человѣка; онъ не желаетъ даже и вникнуть въ суть этихъ рѣчей, но онъ невольно прислушается къ разговору разумныхъ простолюдиновъ, одинаково какъ нынѣ ходитъ изъ любопытства слушать православную службу на татарскомъ языкѣ. Неслыханная до того разумная рѣчь простолюдина, западетъ глубоко, заставитъ призадуматься надъ своимъ положеніемъ, пошатнетъ непогрѣшимость ученія муллъ, привлечетъ мухаммеданина къ общимъ интересамъ и совокупному дѣйствію съ русскимъ народомъ и уменьшитъ то число преступленій, которое нынѣ у некрещеныхъ татаръ не признается за грѣхъ, во имя ихъ вѣры и установившихся понятій. Большее образованіе русскаго народа казанской губерніи, отразится непремѣнно и на другія сосѣднія губерніи; вотъ почему столь необходимо также основать училище въ Болгарахъ, какъ громоотводъ тѣхъ татарскихъ убѣжденій, которыя тамъ укоре-

(1) Статистическія свѣдѣнія о крещеныхъ татарахъ, Е. Малова.

няются сильнѣе, въ виду ихъ святыхъ и среди развалинъ ихъ древней столицы. Безграмотность и невѣжество народа, вмѣстѣ съ неприхотливою архитектурою русской деревни и ея избъ, составляютъ поразительный контрастъ съ настоящими требованіями въ виду полуобразованнаго татарина, гордо озаряющаго развалины своихъ Болгаръ.

Необходимость смягченія нравовъ татаръ доказывается послѣдующимъ сравнительнымъ числомъ преступленій между русскимъ и татарскимъ населеніями казанской губерніи за 1867 и 1868 года:

	у русскихъ	у татаръ	
Какъ	1: 370	1: 219	1867 г.
—	1: 446	1: 154	1868 г. (1).

Эти два послѣдніе года доказываютъ смягченіе нравовъ у русскихъ, уменьшеніемъ числа преступленій и увеличеніе послѣднихъ у татаръ. То и другое объясняетъ, на сколько благотворно подѣйствовали реформы настоящаго времени, на прежнихъ крѣпостныхъ и какъ мало имѣли они вліяніе на мухаммеданъ, которые никогда не находились въ крѣпостномъ состояніи, видимо набожны, грамотны, хотя эта грамотность и не приноситъ имъ ни малѣйшей нравственной пользы, развивая лишь въ нихъ средне-азіятскія уловки и плутовство.

Одинъ изъ здѣшнихъ поселяниновъ разсказывалъ между прочимъ, что если у нихъ въ волости были и есть разнаго рода недоимки, то тому виною исключительно татары, которые весьма дурные плательщики. Далѣе онъ говорилъ, что имъ трудно повѣрить, что нибудь въ долгъ, такъ какъ они не только лукавы, увертливы и сутяги, во всѣхъ случаяхъ и въ судахъ, но не рѣдко предвидя дурной конецъ, совершенно исчезаютъ, отправляясь въ степи за Уралъ, либо въ Бухару. Разумѣется это небольшая потеря, еслибъ ихъ и больше отправлялось изъ казанской губерніи, чѣмъ какая нибудь единичная личность, но дѣло въ томъ, что такими поступками доказывается несостоятельность убѣжденія этого народа къ государству, правительству и землѣ.

Все это подтверждается еще до настоящаго времени рекрутскими наборами. Русскіе уже давно перестали себя уродовать и свыклись съ этою повинностью, какъ бы съ самимъ

(1) Отчетъ о дѣйствіяхъ казанскаго губернскаго статистическаго комитета за 1867 годъ и труд каз. губ. ст. комитета, выпускъ II, 1868 годъ.

съ собою, тогда какъ ни проходитъ ни одного рекрутскаго набора, безъ умышленнаго уродованія татаръ. Выпаденіе прямой кишки, разные опасные нарѣзы и т. п. свидѣтельствуютъ, какъ мало они склонны исполнять общую народную повинность. Въ продолженіи же службы, наибольшее число преступленій, побѣговъ, всегда падаетъ на татаръ. Но занимательнѣе всего то обстоятельство, что до нынѣ они вѣруютъ еще въ возможность возстановленія казанскаго царства. Въ 1855 году изъ набранныхъ рекрутъ по мамадышскому уѣзду, бѣжало 200 человѣкъ, подъ покровительствомъ вліятельныхъ татаръ. По поимкѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ, они отвѣчали, что не желаютъ сражаться со своими единовѣрцами (1). Какъ такое убѣжденіе могло вкорениться, при всей безсознательности массы народа, можно усмотрѣть изъ послѣдующаго краткаго очерка усиленія мухамеданства, въ послѣднее время.

Указомъ 1773 года, водворена въ Россіи терпимость всѣхъ вѣръ. Столь благотворная мѣра въ отношеніи къ христіанству, отразилась еще выгоднѣе въ утвержденіи и распространеніи мухаммеданства по всей Россіи. Число мечетей съ ихъ муллами и школами начало значительно увеличиваться и водворяться даже между башкирами и киргизами, которые до того исповѣдывали шаманскую вѣру и одинаково разумно могли быть обращены въ христіанство. Этимъ средствомъ хотѣли смягчить нравы, подвластныхъ кочующихъ народовъ, не освѣдомившись предварительно о потребности ихъ, что никогда не могло бы случиться, при болѣе вѣрныхъ этнографическихъ свѣдѣніяхъ.

Какъ въ концѣ прошлаго столѣтія, такъ и въ нынѣшнемъ, на счетъ государства было устроено очень много мечетей и столько же школъ, а мухаммеданское духовенство обезпечено жалованьемъ и льготами. Въ 1788 году учреждено въ Уфѣ духовное собраніе мухаммеданскаго закона. Вмѣстѣ съ тѣмъ повелѣно было, чтобы не строить мечетей безъ нужды, но повеленіе это осталось безъ всякаго вниманія и распространеніе мухаммеданства дошло наконецъ до того, что въ 1830 году, киргизы просили о пріостановленіи развивающагося между ними мухаммеданства (2). Этотъ послѣдній

(1) Списки населенныхъ мѣстъ казанской губерніи.

(2) О татарскихъ мечетяхъ въ Россіи, Малова.

фактъ служитъ лучшимъ доказательствомъ о пользѣ распространенія мухаммеданства среди тѣхъ народовъ, которые могли бы принять христіанство безъ всякаго противурѣчія.

Нужно полагать, что какъ съ одной стороны полное невѣдѣніе потребности этихъ кочующихъ народовъ, такъ съ другой политическія причины, сближавшія насъ все болѣе и болѣе съ населеніемъ Турціи и слѣдовательно съ ядромъ мухаммеданства, увидѣвшихъ наконецъ русскихъ подъ стѣнами Константинополя въ 1828 году, были главными причинами поддержаній и въ особенности распространенія, среди шаманствующихъ русскихъ подданныхъ, такой вѣры, которая идетъ какъ бы въ разрѣзъ даже съ потребностями жизни и климата извѣстной страны.

Казанскіе татары, усмотрѣвъ такое покровительство ихъ вѣрѣ не только для себя, но и во вредъ христіанству, сдѣлались замѣтно смѣлѣе, пустили глубокіе корни въ казанской, оренбургской губерніяхъ и въ киргизскихъ степяхъ. Одновременно съ этимъ, начала развиваться ихъ пропаганда и сильное движеніе къ грамотности, такъ что въ настоящее время они смотрятъ съ презрѣніемъ на того изъ татаръ, который безграмотенъ. Эта грамотность и ея обученіе, состоитъ въ слѣдующемъ. При каждой мечети, состоитъ школа въ вѣдѣніи муллы или мудерасса (т. е. учителя), занимающагося обученіемъ дѣтей. Мудерасъ и его ученики постоянно вмѣстѣ, въ одной комнатѣ, гдѣ учатся, ѣдятъ и спятъ. Школа содержится на счетъ подаяній богатыхъ татаръ. Дѣти принимаются въ школу 7 лѣтъ и остаются въ ней 5 лѣтъ; тѣже изъ нихъ, которые желаютъ быть священнослужителями, продолжаютъ свое ученіе еще нѣсколько лѣтъ и за тѣмъ для окончанія курса, отправляются на нѣкоторое время въ Бухару, либо въ другіе средне-азіятскіе города, въ новѣйшее же время, въ Египетъ.

Ученіе начинается съ азбуки, послѣ которой переходятъ къ чтенію сокращеннаго алкорана, книги ефтіакъ (7-я часть) и затѣмъ читаютъ разныя татарскія книги между прочимъ тѣ, которыя печатаны въ Казани. Наконецъ ученикамъ даютъ понятіе о торговлѣ, по книгѣ Мухаммедъ-Еффенди и если учитель знаетъ по арабски, либо персидски, то обучаетъ какъ этимъ языкамъ, такъ и ихъ грамматикѣ. Во всякомъ случаѣ, самое серьезное изъ всего обученія, составляетъ предметъ торговли, къ которой казанскіе татары очень склонны и какъ

только кому нибудь изъ поселянъ, посчастливилось собрать нѣкоторый капиталъ, онъ недолго думая бросаетъ свои прежнія занятія и начинаетъ искать счастья въ мелочной торговлѣ.

Татарскому языку не обучаютъ въ школахъ, но обращаютъ особенное вниманіе на введеніе въ татарскій языкъ, арабскаго и персидскаго, что почитается за особое щегольство рѣчи и письма, при употребленіи словъ этихъ языковъ, хотя бы и безсмысленно. Что касается до русскаго языка, то онъ въ полномъ пренебреженіи у татаръ, какъ и все остальное русское, которое они считаютъ ниже себя.

Здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что грамотность татаръ не мало ихъ облегчаетъ, къ изученію ими впослѣдствіи русскаго языка. Ихъ можно встрѣтить въ большомъ числѣ въ русскихъ типографіяхъ, гдѣ они исполняютъ свою должность, самымъ отчетливымъ образомъ и разумѣется всѣ они достаточно грамотны, чтобъ заниматься столь копотливымъ и сложнымъ дѣломъ (1). Точно также замѣчается, что рекруты поступающіе въ резервные баталіоны, изъ татаръ, весьма скоро выучиваются грамотѣ, опереживая постоянно русскихъ неграмотныхъ рекрутъ. Но затѣмъ когда сравняются тѣ и другіе, умственное развитіе русскихъ скоро выдвигается впередъ и затмѣваетъ своею смѣтливостью рекрутъ татаръ.

Всѣ татары однакожъ знаютъ говорить по русски, что происходитъ отъ постоянныхъ сношеній, хотя нерѣдко ихъ выговоръ очень исковерканъ и часто непонятенъ.

Вознагражденіе учителей за ихъ труды, самое ограниченное, больше натурою, чѣмъ деньгами; мука, медъ, чай, хлѣбъ и подобные продукты приносятся учениками въ даръ ихъ учителю, составляя съ ограниченною суммою денежнаго вознагражденія не болѣе 100 р. с. въ годъ. Ученіе продолжается всю недѣлю, за исключеніемъ пятницы. Обращеніе съ учениками не подчинено никакому контролю и зависитъ вполнѣ отъ характера и пониманія своего дѣла учителемъ; поэтому тѣлесное наказаніе и посаженіе учениковъ въ подполье, не есть рѣдкость. Завтракъ въ 8 часовъ утра и обѣдъ въ 6 часовъ вечера изготовляются по жеребью однимъ изъ учениковъ. Татарскія дѣвочки также обучаются чтенію и письму, по большей части у своихъ матерей, либо завѣдуетъ

(1) Казанскія епархіальныя вѣдомости набираются татариномъ.

этимъ жена муллы или подобная ей женщина. Кромѣ того онѣ обучаются вышиванію золотомъ сапожковъ и тюбетеекъ.

Для распространенія татарской грамотности заведена въ Казани съ 1802 года, типографія восточныхъ языковъ при казанской университетской типографіи. Нужно отдать этой типографіи справедливость въ той пользѣ, которую она принесла, для распространенія и утвержденія какъ мухаммеданской учености, такъ и татарской національности. Судя по количеству экземпляровъ, напечатанныхъ въ этой типографіи въ первые 4 года ея существованія, можно утвердительно положить, что до настоящаго времени вышло изъ печати этой типографіи не менѣе 1 милл. экземпляровъ разныхъ народныхъ, религіозныхъ и общеупотребительныхъ изданій (1). Въ 1869 году, напечатано одного эфтіака съ января по сентябрь мѣсяцы до 40 т. экземпляровъ.

Въ 30-хъ годахъ, въ Россіи начали дѣйствовать библейскія общества, которыя также коснулись и мухаммеданства вплоть до Сибири и киргизскихъ степей. Но общества эти не имѣли успѣха, тогда какъ одновременно съ этимъ усилилась пропаганда муллъ и чрезвычайное распространеніе ихъ духовныхъ книгъ, которыя тогда съ особенною дѣятельностью печатались въ этой азіятской типографіи.

По существу своему, школы эти только тѣмъ и хороши, что они чисто народныя, но въ этомъ и заключается весь секретъ, котораго ключь составляютъ муллы съ ихъ пазиданіями и поученіями. Для достиженія этой должности, не нужна ни особая ученость, ни особое богатство, а лишь указъ уфимскаго духовнаго собранія, которое чувствуя силу умноженія мечетей, съ муллами, школами и причтами, не разбирая достоинства личности, выдаетъ безпрепятственно этотъ указъ тому, который добивается этого всякими средствами, изъ опасенія попасть въ солдаты (2). Но такъ какъ не всегда имѣются готовыя вакансіи, то разными способами обходятъ существующія для постройки мечетей законы и воздвигаютъ новыя, иногда вопреки желанію самихъ жителей и въ надеждѣ совращенія крещеныхъ татаръ, проживающихъ по близости. Такимъ образомъ можно найти въ казанской

---

(1) Казанскіе татары Фукса.

(2) О татарскихъ мечетяхъ въ Россіи, Е. Маловъ стр. 70.

губерніи мечети, со всѣми мухаммеданскими принадлежностями на 20 и даже 13 дворовъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, по замѣчанію г. Малова можно быть увѣреннымъ, что около нихъ, расположены селенія съ крещеными татарами, которые послѣ совращенія увеличатъ приходъ на столько, что постройка мечети, будетъ законна. Кромѣ мечетей, настроено еще огромное число молитвенныхъ домовъ, а при тѣхъ и другихъ находится двойное, противу положенія число муллъ, ахуновъ (благочинныхъ), мухтасиповъ (надзирателей нравственности), мюдаррисовъ (учителей), хатибовъ (молящіеся за царя), имамовъ (начальниковъ прихода) и муэцзиновъ (пономарей). Всѣ они вмѣстѣ составляютъ однообразно крѣпкое звено, а каждый изъ нихъ заправляетъ извѣстнымъ числомъ татаръ, знаетъ ихъ всѣхъ на перечетъ, со всѣми ихъ помышленіями, удерживая ихъ при этомъ постоянно въ тѣхъ границахъ, какія нужны духовенству и богатымъ татарамъ, для собственной выгоды и легчайшаго существованія.

Въ 1833 году всѣхъ мечетей было въ казанской губерніи 688, а въ 1868 году ихъ было уже 729; слѣдовательно со времени образованія нынѣшней казанской губ. съ 1781 года, т. е. въ 87 лѣтъ, построено 479 мечетей или по 5 въ годъ. Этому не мало помогаетъ простота постройки мечетей, деревянный матеріалъ, который по преимуществу употребляется и дешевизна послѣдняго въ казанской губерніи.

Такимъ образомъ на каждые 619 д. об. пола мухаммеданствующихъ татаръ, приходится по одной мечети. Такъ какъ при каждой состоитъ школа и не менѣе 2-хъ наставниковъ: мулла и его помощникъ, то высчитывая женскій полъ, который не играетъ пока никакой роли между татарами и не ходитъ въ мечети, приходится на каждыя 310 д. муж. пол. по одной мечети и на каждые 155 человѣкъ по наставнику.— Отсчитывая изъ сего, возрастъ дряхлый свыше 60 лѣтъ и дѣтскій до 7 лѣтъ, 23%, получаемъ настоящее число 119 человѣкъ мужскаго пола на каждаго учителя, а это число слишкомъ убѣдительно говоритъ въ пользу удержанія мухаммеданства, совращенія изъ православія и препятствія къ распространенію христіанства и просвѣщенія.

Такимъ образомъ ложно понятая мысль о вѣротерпимости утвердила и распространила мухаммеданство больше, нежели какъ это возможно было во времена казанскаго цар-

ства. Но вмѣстѣ съ тѣмъ татары отреклись отъ всякаго умственнаго движенія, сдѣлавшись менѣе производительными, чѣмъ они были во времена болгаръ. Не желая признавать превосходства русскихъ, они не могутъ сочувствовать тѣмъ нововведеніямъ, которыя ведутъ къ порядку и къ раздѣльному труду всего населенія, для общаго спокойствія и благосостоянія. Къ отдѣлу этому нельзя причислить многихъ муллъ, которые очень хорошо понимаютъ разницу русскихъ и средне-азіятскихъ учрежденій, но разумѣется они ни разубѣдятъ своихъ учениковъ въ несостоятельности, предвидя въ такомъ случаѣ, свое ускоренное паденіе.

Будучи отъ природы дурными земледѣльцами, татары изыскиваютъ всякія способы заработка легчайшимъ образомъ, увеличивая безъ нужды число торговцевъ. А такъ какъ правила европейской чести и истины, не могли проникнуть до нихъ одинаково, какъ не проникли, въ средне-азіятскія государства, съ населеніемъ которыхъ они въ родствѣ и въ постоянномъ сношеніи, то у нихъ и не считается за преступленіе нарушать существующія законы, не мало не заботясь объ общихъ выгодахъ страны, которой учрежденія они по убѣжденію не признаютъ, но повинуются, какъ слабѣйшіе, увертываясь и лукавя вмѣстѣ съ тѣмъ. Такимъ образомъ, для избавленія себя отъ рекрутской повинности, они выхлопатываютъ себѣ всякими незаконными способами одно изъ званій причта или муллы. Для дальнѣйшаго существованія строятъ мечети и заводятъ при нихъ школы. Этимъ способомъ распространяютъ у себя грамотность, возвышая мнимый уровень образованія надъ русскими, которые съ своей стороны, не заботясь достаточно хорошо о крещеныхъ татарахъ, выпускаютъ ихъ изъ своей среды къ совращенію, достигшее въ послѣднее время до громадной цыфры!

Но изъ этого еще не слѣдуетъ выводить то заключеніе, что единственное средство для противудѣйствія мухаммеданства, было бы увеличеніе числа православныхъ церквей, которыхъ по списку населенныхъ мѣстъ насчитывается въ казанской губерніи 491 или по одной на 1420 человѣкъ об. п. Хотя это число распредѣлено и неравномѣрно по уѣздамъ губерніи, но по крайней мѣрѣ тамъ, гдѣ засѣло мухаммеданство, ихъ слишкомъ достаточно и увеличеніе числа церквей въ этихъ мѣстахъ, лишь ослабило бы средства къ поддержанію благолѣпія храмовъ. Съ другой стороны од-

накожъ, нельзя ожидать чтобы православное духовенство могло бы заниматься хотя бы отчасти миссіонерскимъ ученьемъ, будучи постоянно занято исполненіемъ своихъ обязанностей по разнымъ деревнямъ своей паствы. Вопросъ насъ занимающій, можетъ получить свое разрѣшеніе, единственно съ умноженіемъ народныхъ школъ, зависящихъ отъ духовенства и возникающихъ независимо отъ него. Послѣднія привились бы въ казанской губерніи лучше, имѣли бы болѣе средствъ, не опасаясь какого нибудь совращенія православныхъ въ мухаммеданство, либо распространенія зловредныхъ идей, которымъ земство, изъ видовъ уже личной безопасности, никогда вторить и покровительствовать не можетъ, въ особенности въ разноплеменной казанской губерніи, гдѣ заселеніе и положеніе русскихъ понято каждымъ и гдѣ всякая правительственная льгота, какъ бы она широка не была, послужила бы въ пользу національности и развитія, но не во вредъ государству; вмѣстѣ съ этимъ увеличится производительность края, а необходимое сліяніе, получитъ дѣйствительность.

Но неужели казанскіе татары, за время 300 лѣтняго подданства Россіи, не усвоили себѣ ничего такого, что приблизило бы ихъ къ настоящимъ потребностямъ вѣка? Можно утвердительно отвѣчать, очень мало, а примѣръ отдѣльныхъ личностей, остался безъ подражанія. Татарскія населенія представляютъ довольно жалкій видъ скученныхъ и загроможденныхъ построекъ, изъ коихъ главныя строенія внутри ограды, а по улицамъ тянутся заборы, съ воротами и калитками. Тутъ и тамъ встрѣчаются дома построенные на улицу, но окна обращены по большей части внутрь двора. Тѣснота улицъ, небрежность построекъ, грязь и безчисленное множество собакъ, выправаживающихъ проѣзжающаго, составляютъ отличительный признакъ татарскихъ деревень. Поля кругомъ дурно воздѣланы, мѣстность открыта, однообразна, нѣтъ ни одного деревца. Въ сторонѣ, гдѣ нибудь, виднѣется иногда кой какая роща, или дерево, мѣсто татарскаго кладбища. Крестьянскій домъ, всегда однообразный по внутреннему устройству, состоитъ изъ 2 половинъ, чистой и грязной, соединенныхъ сѣнями. Чистая половина раздѣлена на 2 части: мужскую и женскую. Та и другая половина не имѣютъ внутри другой мебели, какъ нары, переполненныя пуховиками и подушками. Грязная половина, предназначается исключительно для производства разныхъ работъ.

При построеніи новѣйшихъ выселковъ, обращено большее вниманіе на правильность ихъ расположенія, почему они и начинаютъ становиться похожими на русскія селенія, напримѣръ по дорогѣ изъ Казани въ Тетюшъ.

Въ городахъ, въ особенности Казани, видъ татарскихъ домовъ и строеній ничѣмъ не отличается отъ другихъ городскихъ. Одинаково и расположеніе покоевъ совершенно сходно съ потребностями болѣе прихотливаго населенія. Пріемные покои въ видѣ залы и гостиной, убраны на европейской ладъ, обыкновенною мягкою мебелью, зеркалами, конделябрами, занавѣсками, коврами, салфетками и цвѣтами на окнахъ. Во внутреннихъ покояхъ преобладаетъ азіятскій вкусъ съ его низкими диванами по стѣнамъ, на которыхъ сидятъ татарки поджавъ свои ноги.

Дома въ деревняхъ, по первому впечатлѣнію опрятнѣе русскихъ, что происходитъ отъ влеченія татаръ казаться богаче, чѣмъ они въ дѣйствительности есть. Для сего онъ бѣлитъ нѣсколько разъ въ году свою печь; ставитъ на видъ самоваръ съ чайнымъ приборомъ яркаго цвѣта; большой сундукъ, окованный жестью и раскрашенный такими же цвѣтами и зеркало на видномъ мѣстѣ,—придаютъ избѣ своего рода изящество, безъ котораго русскій крестьянинъ обходится легко, не увлекаясь желаніемъ казаться богатымъ и прибрегая копѣйку на болѣе необходимые предметы, либо для увеличенія своего капитала.

До настоящаго времени татарскія женщины ведутъ совершенно отдѣльную отъ мущинъ жизнь, имѣя свое особое помѣщеніе. Единственное ихъ развлеченіе составляютъ: дѣти, одежда и частая ѣда. Отъ этой характеристической черты жизни татарскихъ женщинъ, въ послѣднее время дѣлаются отступленія. Такъ напримѣръ татарки являются въ театръ, занимая мѣста въ ложахъ, позади своихъ мужей, при опущенныхъ вуаляхъ. Ихъ можно также встрѣтить на гуляньяхъ и на оффиціальныхъ балахъ. На послѣднихъ, онѣ откидываютъ свои вуали, причемъ наблюдателю немедленно бросается въ глаза ихъ полуиспуганный видъ и всякое отсутствіе движенія зрачковъ. При всемъ томъ нѣкоторыя изъ нихъ весьма привлекательной наружности, въ особенности тѣ, которыя не употребляютъ косметическихъ средствъ, что весьма рѣдко. Одинаково рѣдко бываетъ отступленіе татаръ, отъ ихъ національнаго костюма, но есть одиночные случаи меж-

ду служащими татарами мухаммеданами, присвоившими себѣ европейскій костюмъ. Богатые татары-купцы, строго придерживаются своей національной одежды, надѣвая однакожъ купеческій мундиръ при торжественныхъ случаяхъ, но при этомъ и тюбетейку, вышитую золотомъ, серебромъ или унизанную жемчугомъ.

Наиболѣе всего усвоили себѣ татары посѣщеніе русскихъ трактировъ, которые привлекая ежедневно большое ихъ число, поглощаютъ вмѣстѣ съ тѣмъ значительныя татарскія суммы. Въ этихъ заведеніяхъ главное ихъ питье составляютъ пиво и чай. То и другое выпивается въ непостижимомъ количествѣ, до 12 бутылокъ пива и до 20 чашекъ чаю. Кромѣ того они любятъ солянку изъ стерлядей и настойку-бальзамъ, изъ душистыхъ травъ, на крѣпкой водкѣ. Тутъ же они исключительно курятъ табакъ и слушаютъ органъ. Все это дозволяется и терпится ихъ религіею, исключая время рамазана, т. е. поста, когда всякое отступленіе преслѣдуется муллами и народомъ, довольно фанатически.

Татары необыкновенно любятъ всякія лакомства, отдавая особенное предпочтеніе мороженому. Это издѣліе они пожираютъ съ такимъ аппетитомъ, что невольно возбуждаютъ желаніе его отвѣдать, въ болѣе равнодушномъ свидѣтелѣ этого чмоканья и облизыванья.

Въ отношеніи ихъ семейной жизни слѣдуетъ замѣтить, что очень не многіе изъ состоятельныхъ татаръ, имѣютъ по нѣсколько женъ, бѣдные же при первой возможности заводятся нѣсколькими женами, разсчитывая на ихъ работу, которая въ сущности очень плоха. По большей части многоженство ограничивается двумя женами, при чемъ выбираютъ себѣ вторую, молодую тогда, когда уже первая состарилась, чего она достигаетъ къ 35 годамъ, отъ сильнаго употребленія бѣлилъ и румянъ на лицѣ; намазыванія, бровей и рѣсницъ сюрьмою; зубовъ,-чернильно-орѣховымъ настоемъ и ногтей отваромъ изъ череды и квасцовъ. Вторая жена, вопреки существующаго закона, выходитъ за мужъ въ 15 лѣтъ и эта разница въ лѣтахъ мужа и жены, при ихъ затворнической и однообразной жизни, главная причина, почему такія жены всегда болѣзненны, бездѣтны, либо производятъ слабосильныхъ дѣтей.

О воспитаніи дѣтей уже упомянуто выше; къ этому

слѣдуетъ прибавить, что въ послѣднее время, какъ исключеніе появились у богатыхъ татаръ гувернантки, отъ одной до трехъ, обучающихъ дѣтей русскому, французскому и нѣмецкому языкамъ. Хотя это не болѣе, какъ толченіе воды, такъ какъ впослѣдствіи, выростая, дѣти эти не только не будутъ владѣть этими языками, но по причинѣ устраненія себя отъ того общества, гдѣ употребляются эти языки, они совершенно ихъ позабудутъ, тѣмъ не менѣе нельзя было не упомянуть о такомъ обученіи, чрезъ которое весьма недавно перешагнуло наше общество, воображая, что попугаечье знаніе языковъ, есть предѣлъ образованія!

Что касается до воспитанія татаръ въ гимназіяхъ и университетѣ, то хотя тѣ и другіе имъ очень доступны, но случаевъ помѣщенія татарскихъ дѣтей въ эти заведенія, почти не бываетъ.

Нѣкоторые полагаютъ, что населеніе татаръ уменьшается, между тѣмъ на основаніи статистическихъ цыфръ выходитъ совершенно противное; такъ по Лаптеву, въ 1858 году считалось всѣхъ татаръ 444509 д. об. п., а въ 1868 году насчитывается ихъ 482809 д. об. п., слѣдовательно въ 10 лѣтъ прибыло 38300 д. об. п. или около 0,7% въ годъ,—38300 душъ, что доказываетъ совершенно противное.

Нѣтъ этотъ народъ не погибнетъ, среди настоящаго направленія русской народности; но онъ неминуемо сольется, обогативъ нашу семью, лишь только умъ и смѣтливость русскихъ казанской губерніи , почуютъ правильный исходъ, своего обученія; но до этого татары всегда будутъ себя считать выше, доказывая это своею способностью къ торговлѣ и своею грамотностью. Увѣряютъ, какъ будто первая мысль, объ устройствѣ въ Казани биржи, была подана татариномъ. Не подастъ ли онъ подобную же благую мысль, по устройству въ Казани водопроводовъ, газоваго освѣщенія, шоссе и соединительнаго канала съ Волгою? Это бы могло быть, еслибъ казанскіе купцы татары, не уклонялись бы отъ исполненія общественныхъ должностей, что заставляло даже нѣкоторыхъ покидать „свою Казань бульна корошъ горотъ", переѣзжая въ другія губерніи и города, гдѣ занимаясь торговлею и наживая деньги, они миновали общественную службу. Такія же переселенія дѣлаются татарами, во избѣжаніе рекрутства. Если бы этого не было, а женщины выходили бы за мужъ въ болѣе зрѣлыхъ лѣтахъ, то населеніе увеличивалось бы еще больше.

Одежда татаръ мущинъ состоитъ: изъ ситцевой китайки или миткаля рубахи, широкаго исподняго платья, иногда шелковаго; изъ бумажныхъ чулокъ, башмаковъ черныхъ или зеленыхъ, маленькаго камзола безъ рукавовъ и сверхъ него большой, съ рукавами; оба камзола шелковые или парчевые; далѣе слѣдуетъ халатъ или кафтанъ изъ сукна, подпоясанный шелковымъ кушакомъ. На головѣ вышитая тюбетейка и сверху ея шапка, въ видѣ боярской, съ бобровою опушкою. За тѣмъ описанная одежда измѣняется, доходя у бѣдняка до самой простой, при чемъ длинные сапоги у крестьянъ татаръ замѣняются лаптями, а шапка, бѣлою конусообразною покрышкою изъ войлока, пропитанная мѣломъ, цѣнностью до 30 коп. сер.

Отличительная черта татаръ состоитъ еще въ томъ, что они никогда не подпоясываютъ свою рубашку.

Большая часть татаръ брѣютъ головы, что строго соблюдается во время поста, но нѣкоторые только коротко остригаются. Съ виду простонародье грязнѣе русскихъ, хотя по настоящему можно было ожидать противное явленіе отъ частаго омовенія, между тѣмъ появленіе часотки, лишаевъ, паршей на головѣ отъ грязныхъ тюбетеекъ, не пропускающихъ головныхъ испареній, вмѣстѣ съ особеннымъ запахомъ, отъ бараньяго сала, которымъ пропитанъ, какъ татаринъ, такъ и его домъ, прямо указываютъ на присутствіе какой то нечистоплотности. Тѣ изъ нихъ, которые поступаютъ въ услуженіе въ русскіе дома, въ видѣ кучеровъ и дворниковъ, совершенно подчиняются нашимъ обычаямъ и пищѣ, пріобрѣтая скоро довѣріе хозяевъ, своею исправностью и готовностью на всякое дѣло. И дѣйствительно татары на все хороши, лишь бы только не пахать; послѣднюю работу, они не выдерживаютъ, чему отчасти виною ихъ религія, приковывающая женщинъ къ дому, вслѣдствіе чего татарину, за неимѣніемъ помощниковъ, приходится работать постоянно одному въ то время, какъ у русскихъ и въ особенности у чувашей, женщины составляютъ не малое подспорье въ полевыхъ работахъ. Эта праздность, которой придаются татарскія женщина, можетъ быть терпима только у купцовъ, но не у хлѣбопашцевъ, которые не будучи въ силахъ удовлетворять всѣмъ потребностямъ семьи, изыскиваютъ другіе способы пропитанія; тѣже которые этого не могутъ, бѣднѣютъ изъ года въ годъ до совершенной нищеты, обращаясь изъ соб-

ственниковъ, въ работники. Этимъ и объясняется та рѣзкая противуположность, которая существуетъ между татарами купцами и крестьянами. Первые крѣпко стоятъ за себя, а вторые при разумномъ употребленіи средствъ, могутъ переродиться и быть полезнѣйшими гражданами!

Одежда женщинъ состоитъ изъ ситцевой или шелковой рубашки до пятъ и съ оборками по краямъ. Подъ низъ надѣваются иногда штаны, что предохраняетъ ихъ отъ женскихъ болѣзней, которыя у татарокъ почти не бываютъ. Ноги завертываются въ полотенца и за тѣмъ надѣваютъ лапти или ботинки. На груди виситъ нагрудникъ съ позументами, унизанный серебрянными монетами. На головѣ онѣ носятъ узорчатыя по концамъ полотенца, а сверху всего закрываются халатомъ съ рукавами отъ макушки до пятъ. Богатыя носятъ сафьянные ботинки-ичиги разныхъ цвѣтовъ, вышитые шелкомъ или золотомъ и туфли краснаго сафьяна, вышитыя золотомъ. Груди онѣ закрываютъ лифомъ изъ шелковой или парчевой матеріи. За тѣмъ слѣдуютъ два камзола, изъ коихъ нижній безъ рукавовъ и изъ шелковой матеріи, обшитый галуномъ и съ карманомъ на боку; верхній камзолъ дѣлается изъ парчи съ очень длинными рукавами. На головѣ татарки носятъ очень красивые шелковые колпачки, украшенные бахрамою, галунами и фермуарами, либо шапочки съ собольевою оторочкою. Сверху всего онѣ покрываются вуалемъ изъ тюля.

Если этотъ костюмъ безъ пестроты, вообще со вкусомъ, то онъ не только приличенъ, но и очень красивъ. Къ этому описанію одежды нужно прибавить, что какъ татары, такъ и татарки очень любятъ украшенія. Тѣ и другія носятъ богатѣйшія кольца. Ожерелья, серьги, браслеты и монеты, вплетенныя въ густыя и длинныя косы, почти постоянно сопровождаютъ татарокъ, во всякое время сутокъ. Чрезъ лѣвое плечо онѣ носятъ перевязь съ карманомъ для храненія алкорана или амулета, украшенную каменьями и монетами.

Обязанности службы доставили мнѣ случай осматривать тѣлосложеніе татаръ съ особеннымъ вниманіемъ, причемъ нельзя было не убѣдиться, что они отличнаго тѣлосложенія и довольно красивы. Роста вообще они средняго, со здоровыми высокими грудями при широкихъ плечахъ, что вполнѣ соотвѣтствуетъ службѣ въ артиллеріи, куда ихъ поступаетъ ежегодно не малое число. Цвѣтъ кожи желтоватый. Лицо

у нихъ правильное, продолговатое, съ тонкими чертами и носомъ. Скулы выдаются незамѣтно. Уши большія и отстоящія. Шея короткая. Борода ростетъ рѣдкая, подстриженная и съ боковъ подбритая.

Татарки, по наружному виду, болѣе подходятъ къ восточному типу и именно къ монгольскому, по причинѣ значительно выдающихся скулъ и узкаго разрѣза глазъ. Другая отличительная ихъ черта, это переливающаяся съ боку на бокъ походка, по которой тотчасъ возможно признать татарку, безъ предварительнаго разузнанія ея народности.

За особенную красоту татарокъ почитаютъ ихъ выдавшіяся боковыя кости. Къ 35 годамъ, татарки отъ употребленія косметическихъ средствъ и отъ безъдѣятельной жизни сильно старѣютъ, представляя этимъ совѣршеннѣйшую противуположность съ другими народностями.

Эти характеристическія наружныя черты не рѣдко измѣняются, переходя въ типы: финскій, монгольскій, русскій, грузинскій, армянскій и кавказскій. Бѣлокурые татары, со вздернутымъ носомъ ничто иное, какъ заполоненные въ прежнее время финны, черемисы, мордва, вотяки и др. Выдавшіяся скулы при длинныхъ и узкихъ глазахъ, носятъ на себѣ отпечатокъ чувашъ и монгольскихъ ордъ. Почему встрѣчается русскій типъ, объяснено выше. Присутствіе вообще кавказскаго типа, что чаще бываетъ между женщинами, объясняется исключительно тѣмъ, что прежде и даже нынѣ хотя это и рѣдко теперь, казанскіе татары ѣздили нарочно въ Бухару, Персію, Грузію и Арменію, гдѣ покупали себѣ женъ изъ невольницъ.

Обыкновенная пища татарина поселянина состоитъ утромъ и вечеромъ изъ болтушки, вареной муки съ солью, въ водѣ; за обѣдомъ они ѣдятъ салму т. е. мучные шарики иногда съ мясомъ и лепешки изъ гречневой муки. Кто по богаче, ѣстъ лапшу и пильмени, а въ праздникъ, лошадиное и баранье мясо. Фанатики ни за что не согласятся отвѣдать какого бы то небыло мяса, хотя бы курицу, безъ того чтобы не заколоть ее самому во имя аллаха, почитая въ противномъ случаѣ такое мясо нечистымъ. Конину употребляетъ исключительно сельское населеніе; кромѣ того татары любятъ пироги съ огурцами и горохомъ, а также разнаго приготовленія лепешки, жирнаго свойства. Они весьма большіе охотники до разныхъ овощей, которыя воздѣлываютъ съ любовью, запасаясь

этимъ на зиму. Уходъ за скотиною весьма тщателенъ и примѣрно чистъ. Ихъ вареныя сливки, каймакъ, очень вкусны. Они ими запасаются на зиму, замороживая ихъ въ большихъ каткахъ и ѣдятъ за тѣмъ разогрѣтыми.

Татары отличаются своимъ гостепріимствомъ, угощая пріѣзжихъ всѣмъ что имѣютъ. При этомъ чай играетъ главную роль. Хотя качество гостепріимства имъ и приписывается, но мнѣ кажется, что при этомъ имѣется въ виду выказаться предъ своими и стать тѣмъ самымъ, выше своихъ односельцевъ, пуская все въ ходъ, для видимаго блеска, какъ послѣдствіе славолюбія и честолюбія. Такое человѣческое свойство разумѣется не есть исключительно татарское, но способъ примѣненія его къ дѣлу, отличаетъ болѣе зрѣлый народъ отъ менѣе образованнаго и потому желаніе татаръ стать выше своего уровня выдается какъ то болѣе у нихъ, чѣмъ въ другихъ сосѣднихъ имъ народностяхъ, невольно выставляя наружу наклонность восточныхъ народовъ къ хвастовству. Отъ этого же самаго происходитъ особенная страсть татарскихъ женщинъ къ разнымъ дорогимъ нарядамъ и украшеніямъ, изъ коихъ одни давятъ и скрываютъ другія. Отъ того же самаго вышиваютя тюбетейки, колпачки и ичиги золотомъ, либо нанизываются жемчугомъ. Простота же, нисходящая до бѣдности проявляется тамъ, гдѣ нѣтъ средствъ, подводя подъ одинъ разрядъ умныхъ, бѣдныхъ и образованныхъ.

До нынѣ еще не высказана причина, что татары, находясь въ подданствѣ русскаго государства болѣе 300 лѣтъ и очутившись наконецъ какъ бы въ центрѣ русскаго народа, имѣя съ боку такія губерніи какъ нижегородская, костромская и ярославская и пользуясь превосходными сообщеніями по Камѣ и Волгѣ, во всѣ стороны нашего обширнаго отечества, сохранили въ своемъ бытѣ столько восточнаго. Это восточно-мухамеданское направленіе, не могло не отразиться и на литературу татаръ, которая по ихъ бездѣятельности къ письменнымъ занятіямъ, слишкомъ бѣдна и если подвинулась нѣсколько впередъ въ послѣднее время, то благодаря ученымъ изслѣдованіямъ ихъ языка русскими, которые составили татарскіе словари, грамматики и хрестоматіи. Предѣлъ умственного развитія татаръ составляетъ подробное изученіе полнаго алкорана на арабскомъ языкѣ, выше чего въ силу мухаммеданства, ничего быть не можетъ. По воплощенному

фанатизму татаръ, отвергается всякое разсужденіе и потому мысль останавливаясь на томъ, что было хорошо въ VII ст. въ степяхъ Аравіи, Египта и Малой Азіи, изощряетъ воображеніе татаръ дополнительными представленіями къ тому, что по климату нельзя найти на берегахъ Волги. Съ другой стороны, дѣйствительности сего мѣшаетъ практическая жизнь, сложившаяся тутъ подъ другими условіями, нетерпящая кочевокъ, но требующая осѣдлости и земледѣлія. Для совокупленія всего этого и выработки характера на новый ладъ, необходимъ татарамъ фанатизмъ религіи, безъ дальнѣйшихъ разсужденіи и торговля, какова она была до введенія паровъ.- Поученія пророка шли рука объ руку съ торговлею татаръ, какъ нѣкогда это было съ аравитянами, притягивая татаръ душевно къ Меккѣ, Багдаду и Бухарѣ, тогда какъ матеріальныя потребности были отданы сношеніямъ съ западомъ, гдѣ убійство христіанина не признается татариномъ за грѣхъ.- Странствуя и торгуя по Камѣ и Волгѣ косметическими товарами, роскошными одеждами, отороченными мѣхами, слоновою костью, бирюзою, жемчугомъ, бисеромъ, парчею, смотря на тѣ же солнце, луну и звѣзды, одинаково благодатные для Аравіи и Казани, татарское воображеніе останавливалось исключительно на предметахъ природы, нанизывая ихъ на нить своихъ чувствъ прерывчатыми восклицаніями. Но недостатокъ воображенія, замкнутость жизни, раздѣльность женщинъ отъ мущинъ и безропотно-мгновенное отвлеченіе къ молитвѣ или торговлѣ, наложили особенную печать на складъ ума татарина.

Образцомъ вышеизложеннаго могутъ служить слѣдующія порывы чувствъ, скрываемыя обыкновенно напускною скромностію азіятца, по недостатку общежитія и особенности ихъ религіи...........Цѣлую землю и нанизываю жемчуги молитвъ на нить строкъ и посылаю ихъ тебѣ; . . . . явись моя звѣзда, освѣти меня солнце мое; . . . . мой возлюбленный пусть кушаетъ съ золотаго блюда, серебряною ложкою; пусть онъ сидитъ на стулѣ, украшенномъ драгоцѣнными камнями; . . . . вѣсточка отъ друга—половина свиданья; . . . . Золотой перстень, брилліантовые браслеты не доставляютъ мнѣ радости, моя радость-ты; . . . . Ты, который плѣнилъ меня и утопилъ мою страсть въ океанѣ мученья; . . . . посылаю жемчуги поклоновъ; . . . . , . .

съ тѣхъ поръ, какъ я увидѣла тебя, исчезла тьма и явился свѣтъ; . . . . ты составляющій уголокъ моего сердца, чернoту моихъ очей; . . . . посылаю къ тебѣ дары молитвъ, убранные жемчугами слезъ и вздохами сердца; . . . . Волга течетъ быстро, быстрѣе течетъ время, но какъ мнѣ тяжелы и долги минуты разлуки.

Всѣ эти выдержки изъ писемъ, постоянно повторяющіяся на разные лады, могутъ дать нѣкоторое понятіе о складѣ мышленія татарокъ.

Еще достойны вниманія простонародныя татарскія пѣсни, изъ коихъ многіе не имѣютъ ни смысла ни связи предъидушихъ идей съ послѣдующими; онѣ представляетъ рядъ необработанныхъ, какъ бы мелькающихъ мыслей, оригинальныхъ по своей внезапности въ переходахъ, такъ напримѣръ:

„Въ садахъ Бухаріи и въ Хивѣ растетъ яблоко; единый Богъ соедининитъ ли меня съ тобою?

„Свѣтъ сей освѣщается солнцемъ и луною; твое описаніе спроси у гурій рая.

„Цвѣты растутъ въ цвѣтникѣ; между ними порхаетъ соловей;-любимая тобою если красива, то вся жизнь твоя будетъ полна пріятностей.

„Берега Волги наполнены камышами; можетъ ли это защищать кого отъ мороза? Тоскуетъ ли въ одиночествѣ красавица, опираяся на перила.

Кромѣ помянутыхъ пѣсень, г-нъ Фуксъ приводитъ и другія болѣе осмысленныя, для обращика которыхъ представляемъ нѣсколько выдержекъ:

Сколько велика Волга, сколько пространства протекаетъ она, сколько Іосифъ любилъ Зюлейху, столько я люблю тебя.

„Я сидѣлъ подъ деревомъ, когда оно было увѣнчено цвѣтами; я дремалъ подъ тѣнью его и ты была предметомъ моего сновидѣнья.

„Я составилъ бѣлую книгу и посвятилъ ее имени моей возлюбленной; одинъ Богъ можетъ знать, сколько я люблю ее.

„Подобная тебѣ красавица рѣдко можетъ родиться: не рожденіе человѣка ты, ты упадшая съ небесъ.

Страсть и любовь у казанскихъ татарокъ возгорается и переходитъ нерѣдко за границы скромности, также отъ особенностей ихъ религіи, допускающей браки на короткіе сроки; бѣдныя прельщаясь подарками и временнымъ вознаграж

деніемъ, не думаютъ о будущемъ по молодости своихъ лѣтъ, а ихъ родители и родственники, отцы и братцы въ особенности, работая на всю семью и пользуясь самою ограниченною помощью со стороны женщинъ, рады избавиться отъ лишней нахлѣбницы, подъ законнымъ предлогомъ. Такимъ образомъ совершаются противуестественные браки 12-ти лѣтнихъ казанскихъ татарокъ съ пріѣзжими богатыми купцами изъ Хивы и Бухары, которые проживъ съ ними мѣсяцъ, много три, уѣзжаютъ къ себѣ на родину, оставляя свою временную жену на произволъ судьбы и разгула. Лишь въ рѣдкихъ случаяхъ подобныя татарки выходятъ за мужъ впослѣдствіи, за соотечественника русскаго-татарина.

Свадьбы татарскія устраиваются по преимуществу чрезъ свахъ причемъ нерѣдко бываетъ, что женихъ и невѣста не видятъ и не знаютъ другъ друга впредь до замужества. Во время совершенія самаго брака, мулла вѣнчая отсутствующихъ жениха и невѣсту, обращается къ присутствующимъ отцамъ обѣихъ сторонъ, съ вопросомъ на согласіе. Между тѣмъ отъ невѣсты зависитъ принять послѣ свадебнаго пира денежный подарокъ гостей, подъ названіемъ шербетъ, причемъ принятіе означаетъ согласіе на замужество, противное же, отказъ. Словесный вопросъ муллы къ жениху, дѣлается затѣмъ. Кромѣ того замѣчательно, что татарская свадьба иначе не устраивается, какъ впослѣдствіи договора, по которому женихъ платитъ отцу невѣсты извѣстную сумму денегъ, подъ названіемъ калыма, о которомъ непремѣнно упоминается муллою, во время совершенія бракосочетанія. Наконецъ къ особенностямъ слѣдуетъ отнести тотъ обычай татаръ, по которому они запираютъ молодыхъ, послѣ разъѣзда гостей на 4 дня, причемъ никто не имѣетъ право входа, кромѣ свахи. По окончаніи этого срока, молодая остается у родителей, а ея мужъ уѣзжаетъ, навѣщая жену во всякое свободное время. Такое проживаніе молодой у своего отца продолжается не только недѣлю, мѣсяцъ или годъ, но нѣсколько годовъ, среди прижитыхъ дѣтей, послѣ чего татаринъ увозитъ уже свою жену къ себѣ на домъ.

Такъ какъ женщина у мухаммеданъ играетъ весьма незавидную роль, а мущина смотритъ на нихъ съ чисто матеріальной стороны, то нельзя не отдать полной справедливости разумному сочетанію всѣхъ этихъ особенностей. Мы считаемъ не лишнимъ остановиться на этомъ предметѣ по

дольше. У народовъ, гдѣ общежитіе не достаточно развито, обязанность свахи вызывается необходимостью, а у мухаммеданъ всегда будетъ насущною потребностью, пока не проникнетъ въ среду татаръ то нравственное образованіе, которое возвыситъ ихъ женщину, сдѣлаетъ изъ нее полезную подругу, а мущину принудить смотрѣть на свою жену не матеріально, но какъ на помощницу семейной жизни. Многоженство мѣшаетъ этому во многомъ, хотя и говорятъ что жены татаръ живутъ между собою мирно, справляя супружескія обязанности безъ отступленій и по недѣлямъ. Старыя жены, также матери, старухи, приживалки, услуживая молодымъ женамъ, занимаются хозяйствомъ и кухнею. Какъ бы порядокъ этотъ не казался хорошъ, при всемъ томъ вся эта половина исключительно поглощаетъ однѣ животныя чувства хозяина, которыя тѣмъ болѣе укореняются, чѣмъ больше женъ, чѣмъ раздробительнѣе чувства того, для котораго все къ услугамъ, повинуясь безсознательно.

Денежное вознагражденіе невѣстѣ, калымъ отъ нѣсколькихъ рублей до тысячъ, составляетъ обезпеченіе невѣсты впослѣдствіи, при разводѣ и употребляется на приданое. Такимъ образомъ семейство невѣсты выдавая ее за мужъ ничего не расходуетъ. Половина калыма идетъ на приданое, другая половина сохраняется отцомъ невѣсты, впредь до выбытія ея изъ дому, либо до развода, когда онъ основанъ на притязаніяхъ мужа. Если же жена желаетъ развода, то эта половина калыма, возвращается мужу,

Оставленіе жены въ домѣ родителей по совершеніи бракосочетанія, для мухаммеданъ весьма хорошій обычай. Этимъ укрощаются нѣсколько исключительно матеріальныя чувства татарина, вызывая отчасти привязанность къ семейству, котораго онъ не видитъ по причинѣ разлуки иногда продолжительное время. Кромѣ того тяжесть семейной или правильнѣе домовой заботы, не вдругъ ложится тяжелымъ бременемъ на мужа, который по молодости лѣтъ не подготовленъ достаточно, не имѣетъ еще необходимыхъ средствъ для содержанія себя въ той обстановки, къ которой направлены всѣ ихъ стремленія. Такимъ образомъ жена живетъ у родитетей, вмѣстѣ съ дѣтьми годъ, два, въ то время, какъ мужъ изыскиваетъ способы сдѣлаться самостоятельнымъ главою и независимымъ дѣятелемъ. Чадолюбіе татаръ вѣроятно не мало содѣйствовало укорененію этого обычая, съ цѣлію

наибольшаго обезпеченія дочерей, выходящихъ за мужъ за 16-ти лѣтнихъ юношей. Этотъ возрастъ объясняетъ также достаточно естественно, необходимость жениться во второй, третій разъ и имѣть кромѣ того еще наложницъ, которыхъ называютъ не женами, а матерями прижитыхъ дѣтей. Отъ сидячей и беззаботной жизни, при безпрерывномъ жеваніи и употребленіи косметическихъ средствъ, женщина къ 35 годамъ и еще раньше старится; тогда какъ лишь къ этому періоду татаринъ входитъ въ полный возрастъ и при безотчетной жизни и странствованіи находитъ необходимымъ, пользуясь законнымъ правомъ, жениться вторично. При этомъ однакожъ воспрещается имѣть женъ, родныхъ сестеръ.

При подобномъ положеніи брака весьма интересно, что преимущества дѣтей мужескаго пола, переходятъ и на рожденныхъ отъ наложницъ, которые при раздѣлѣ наслѣдства получаютъ вдвое больше, чѣмъ дѣти женскаго пола, рожденныя отъ законной жены.

Разводъ совершается чрезъ муллу, безъ всякаго затрудненія и по желанію одной изъ сторонъ. Но послѣ такого развода снова случается, что супруги женятся вновь, причемъ соблюдается то правило, чтобы жена, послѣ 3-го развода, была бы за кѣмъ нибудь другимъ за мужемъ, хотя бы короткое время.

Подробности самой свадьбы состоятъ въ слѣдующемъ: сговоръ чрезъ сваху, яучи, послѣ чего слѣдуетъ договоръ родителей о калымѣ. Половина калыма употребляется на разные наряды, за тѣмъ женихъ посылаетъ невѣстѣ разныя подарки, въ счетъ калыма: наряды, драгоцѣнныя украшенія, по средствамъ каждаго. Предъ самымъ совершеніемъ обряда препровождается къ невѣстѣ, кадка меду и такая же коровьяго масла, съ которыхъ начинается семейный праздникъ. За нѣсколько времени до свадьбы начинаются свадебные пиры у жениха мужскіе и у невѣсты женскіе, по перемѣнно; женихъ участвуетъ на своихъ пирахъ, но невѣста никогда. Пирушки эти главнымъ образомъ состоятъ изъ ряда угощеній и кушаній, начиная съ чая, продолжая ужиномъ, за которымъ первое блюдо медъ и масло, которое татары намазываютъ на бѣлый хлѣбъ и ѣдятъ съ большимъ вкусомъ и благоговѣніемъ. Затѣмъ слѣдуетъ одно блюдо за другимъ, большею частію разныя начиненные пироги и нѣсколько блюдъ жаренной дичи. Эти безпрерывныя угощенія продол-

жаются до разсвѣта. На женскую пирушку, гости (одни женщины) пріѣзжаютъ разряженными въ богатѣйшей одеждѣ и каждая изъ нихъ привозитъ невѣстѣ какой либо подарокъ. Кромѣ того приглашаются на этотъ праздникъ и бѣдные татарки, которыя получаютъ отъ знакомыхъ наряды взаймы, не отличаясь ни чемъ отъ остальныхъ. Эти бѣдныя, вмѣсто приношенія невѣстѣ, сами получаютъ по окончаніи пира, извѣстное вознагражденіе. По окончаніи угощеній какъ женскихъ, такъ и мужскихъ, начинается общее откашливанье, въ знакъ благодарности и сытости.

Такое же пиршество бываетъ и въ день свадьбы, которое начинается съ приходомъ муллы. Къ нему подходитъ каждый изъ гостей (одни мущины) и въ знакъ уваженія къ старшему, по принятому обычаю, жмутъ его руку обѣими руками.

По окончаніи откашливанья, собирается шербетъ, денежный подарокъ невѣстѣ и затѣмъ мулла спрашиваетъ жениха, согласенъ ли онъ на женитьбу. Во время этихъ пировъ жениха и невѣсту не пускаютъ въ ту компату, гдѣ гости. Во время же свадебнаго угощенія невѣста сидитъ въ особой комнатѣ, въ приготовленной спальнѣ, а женихъ стоитъ за дверями, въ сѣняхъ.

За тѣмъ слѣдуетъ молитва и потомъ вопросъ къ отцамъ молодыхъ объ условіяхъ калыма, чѣмъ кончается самое служеніе муллы. Съ разъѣздомъ гостей, сваха вводитъ жениха въ спальню. На другой день женихъ подноситъ своей молодой женѣ лучшій подарокъ, либо беретъ разводное письмо отъ муллы, если невѣста оказалась нецѣломудренною.

Праздникъ въ родѣ вышеописаннаго бываетъ вслѣдъ за родами къ которымъ приглашается бабка; послѣ ихъ окончанія оповѣщаютъ родителей и родныхъ. По истеченіи трехъ дней приглашается мулла, который держа въ рукахъ младенца и совершая молитву даетъ ему имя. За тѣмъ слѣдуютъ посѣщенія родительницы знакомыми женщинами причемъ каждая приноситъ что нибудь въ подарокъ матери, либо ребенку въ родѣ чая, сахару, рубашки, полотна, тюбетейки, каждая по состоянію. По прошествіи 3 или 5 лѣтъ совершается обрядъ обрѣзанья, непремѣнно въ нечетный годъ возраста ребенка, такъ какъ по повѣрью, иначе ребенокъ умретъ. Обрѣзанье совершается человѣкомъ по избранію муллы.

Отъѣздъ замужней татарки изъ родительскаго дома также сопровождается нѣкоторыми обычаями; такъ въ день отъѣзда во время укладки вещей и приданаго отъѣзжающей, родня и знакомые приходятъ къ ней смотрѣть ея вещи и приданое, за что кладутъ на сундукъ мелкую серебряную монету. Одновременно съ этимъ накрывается въ сосѣдней комнатѣ столъ въ ожиданіи мужа и его родни. По пріѣздѣ послѣднихъ онѣ тотчасъ садятся за столъ, между тѣмъ какъ въ это время укладываютъ въ кибитки, телѣги или тарантасы, которые у татаръ очень въ ходу, всѣ вещи замужней. Пока мужъ и его родня или односельцы закусываютъ, жена одѣвается, бѣлится и румянится, послѣ чего высылаетъ мужу бѣлую рубашку, которую перекидываютъ чрезъ дугу по спинѣ лошади, а рукавами завертываютъ самую дугу. Въ повозку усаживается жена съ свахою, а мужъ садится на козла, сопутствуемые роднею и односельцами.

Нельзя также пройти молчаніемъ обрядъ, совершаемый надъ умирающимъ и умершимъ. Такъ во время кончины, надъ больнымъ читаетъ мулла или одинъ изъ ближайшихъ родственниковъ изъ алкорана о воскресеніи мертвыхъ, безпрестанно окликая умирающаго, на что если только больной въ памяти, онъ отвѣчаетъ: нѣтъ Бога, кромѣ Аллаха и Мухаммеда его пророка. Послѣ смерти тѣло кладутъ на столъ, ногами къ сторонѣ Мекки. Затѣмъ омываютъ тѣло. Послѣ того покрываютъ его тремя саванами одинъ отъ шеи до колѣнъ, другой во весь ростъ, а третій кладется поверхъ двухъ нижнихъ и завязывается у головы и ногъ. Женщинъ отъ головы до колѣнъ пеленаютъ; волоса у нихъ распускаются по сторонамъ и лица ихъ закрываютъ особымъ холстомъ. Весь этотъ процесъ надъ умершими совершаютъ женщины, которыя затѣмъ удаляются. Далѣе тѣло кладется на лубокъ и если смерть воспослѣдовала утромъ, то покойника хоронятъ вечеромъ, а если вечеромъ, то на другое утро. Покойника несутъ весьма скоро на кладбищѣ, на плечахъ, останавливаясь предъ мечетью, для краткой молитвы.

Въ вырытой могилѣ дѣлается съ боку нишь, въ которую вкладываютъ покойника на правый бокъ, лицемъ къ Меккѣ. За тѣмъ замазываютъ нишу.

Во время погребенія женщины читаютъ на дому алкоранъ и подаютъ милостыню. Въ этотъ же день соблюдается строгій постъ и не употребляютъ никакой пищи. Муллу за

совершеніе обряда дарятъ деньгами, либо натурою: лошадь, корову. Платье покойника и его алкоранъ отдаются пономарю. По истеченіе 3-7 дней, дѣлается обѣдъ. Тоже совершается. въ 40 день и по прошествіи года. Все это сопровождается раздачею разныхъ пособій бѣднымъ и поминками, во время которыхъ мулла читаетъ тексты изъ алкорана.

Подаянія эти большею частью дѣлаются на томъ основаніи, что по алкорану воздастся всякому въ небесахъ то, что онъ самъ дѣлалъ на землѣ.

Могилы татарскія представляютъ довольно печальный видъ. Это какое то поле съ продолговатыми большими кочками, изъ коихъ нѣкоторые покрыты плитами, нѣкоторые же могилы обнесены четыреугольнымъ срубомъ или просто частоколомъ. Иногда памятники имѣютъ видъ столбовъ съ квадратнымъ основаніемъ, въ видѣ сирійскихъ у Тортозы; на нѣкоторыхъ же гробницахъ плиты врываются въ землю стоймя, какъ на аравійскихъ кладбищахъ [1].

Надгробныя надписи содержатъ всегда текстъ изъ алкорана, либо воздается хвала Аллаху, потомъ слѣдуетъ, имя покойника, его лѣта, день и годъ кончины.

Къ религіознымъ обрядамъ, слѣдуетъ еще отнести порядокъ справленія двухъ праздниковъ: рамазана и курбана. Рамазанъ или магомеданскій постъ ежегодно справляемый, въ продолженіи одного луннаго мѣсяца, начинается изъ года въ годъ 11 днями раньше по исчисленію мухаммеданъ, не признающихъ нашихъ календарей. Этотъ праздникъ установленъ въ память ниспосланія алкорана, въ 26 и 27 день поста. Въ продолженіи этого поста отъ восхода солнца, до вечера ни одинъ мухаммеданинъ не имѣетъ права ѣсть и пить. Эта строгость имѣетъ особенно пагубное вліяніе на рабочій народъ, если празднованіе рамазана выпадаетъ на лѣтнее время и притомъ въ знойное лѣто. За то отъ захода солнца, до разсвѣта, каждый имѣетъ право ѣсть и пить сколько кому угодно. Отступленіе отъ поста дозволяется больнымъ и находящимся въ пути, но и это снисхожденіе болѣе отсрочка и должно быть возмѣщено другимъ временемъ года, по пріѣздѣ на мѣсто или выздоровленіи и исключительно замѣняется угощеніемъ бѣдныхъ.

Во время рамазена въ мечетяхъ совершается ежедневно

---

(1) Monuments de tous les peuples par E. Breton. T. II, p. 8, 31.

служба, причемъ вся масса молящихся относится къ ней съ особеннымъ благоговѣніемъ. Съ появленіемъ новаго мѣсяца о чемъ оповѣщаютъ муллы, прекращается рамазанъ, продолжающійся до 29 дней. На другой день его окончанія, татары имѣютъ обыкновеніе совершать общее народное моленіе и за тѣмъ отправляются всѣ на кладбище, гдѣ прочитываются нѣкоторыя главы изъ алкорана, послѣ чего слѣдуетъ угощеніе, обоюдное поздравленіе и посѣщеніе.

Другой праздникъ татаръ курбанъ, учрежденъ мухаммеданами въ память Авраамова жертвоприношенія. Начало этому празднику опредѣляютъ по новолунію, спустя два мѣсяца послѣ рамазана. Слѣдовательно и этотъ праздникъ, какъ и предъидущій, переходящій. Продолжается онъ 11 дней. На канунѣ курбана, соблюдается постъ, т. е. воздержаніе отъ всякой пищи, вплоть до полудня самаго праздника. Съ восхожденіемъ солнца, татары собираются въ мечети и совершаютъ богослуженіе, при особенныхъ для этого случая, молитвахъ. За тѣмъ каждый изъ домохозяевъ закалываетъ собственноручно у себя дома, какое нибудь мелкое животное; всѣхъ же головъ, приносимыхъ въ жертву должно быть не меньше, чѣмъ число членовъ семейства, а крупныя животныя въ видѣ коровы, лошади и даже верблюда, приносятъ въ жертву, вмѣсто нѣсколькихъ мелкихъ. Разрѣзанныя части кладутся въ особо для сего приготовленномъ котлѣ, на чистомъ воздухѣ. По свареніи, каждый членъ семьи, мулла и множество бѣдныхъ, получаютъ кусокъ разварившагося мяса съ бульономъ.

Къ народнымъ, нерелигіознымъ праздникамъ, относится сабанъ (соха или плугъ), установленный въ честь весны и начала весеннихъ работъ, почему и празднуется онъ въ деревняхъ вслѣдъ за сходомъ снѣга, продолжаясь недѣлю съ пятницы до пятницы.

Праздникъ этотъ заключается въ томъ, что татары отъ стараго до молодаго собираются на какомъ нибудь полѣ и тутъ предаются разнымъ играмъ, въ которыхъ исключительно принимаютъ участіе мущины, тогда какъ ихъ разряженныя женщины, сидятъ вдали въ кибиткахъ, довольствуясь однимъ зрѣлищемъ праздника.

Эти народныя игры довольно замѣчательныи и по своей оригинальности достойны вниманія: нѣсколько человѣкъ ло-

жатся брюхомъ на землю, плотно другъ къ другу и покрываются кожею. Имъ въ руки дается веревка, къ которой привязана рука атамана, играющихъ такъ, чтобы его не стѣснять въ своихъ движеніяхъ вокругъ лежащихъ; дѣло атамана защищать лежащихъ товарищей отъ ударовъ другихъ играющихъ, стараясь въ свою очередь ударить кого либо изъ нападающихъ. При этомъ бываетъ, что атаманъ, кидаясь во всѣ стороны, нерѣдко, топчетъ своихъ и прыгаетъ по нимъ. Лишь только удалось атаману, ударить одного изъ противной партіи нападающіе бросаются на лежащихъ и бьютъ ихъ жгутами до тѣхъ поръ, пока тѣ не встанутъ. Тогда ложится противная партія, а атаманомъ дѣлается тотъ, кого удалось ударить.

Другая игра состоитъ въ томъ, что наличное число играющихъ садятся, въ разстояніи другъ отъ друга на 2 шага въ кружокъ, одинъ остается внѣ круга. Этотъ послѣдній долженъ поймать у кого нибудь изъ составлющихъ кругъ, узелъ изъ платковъ, либо другое шарообразное тѣло, которое перекидывается отъ сосѣда къ сосѣду. Если ловецъ поймаетъ шаръ во время полета или на полу, то это въ счетъ нейдетъ, такъ точно какъ нейдетъ въ счетъ передача узла, поперегъ круга или черезъ человѣка. Передача непремѣнно должна быть производима отъ сосѣда къ сосѣду.

Кромѣ того устраивается борьба съ вознагражденіемъ побѣдившаго мелкою серебряною монетою. Борющіеся связываются кушаками стараясь повалить другъ друга.

Далѣе устроиваютъ для мальчиковъ бѣгъ и скачки на деревенскихъ лошадяхъ. Перегнавшій получаетъ платокъ или какую нибудь другую вещь.

При благопріятной погодѣ, татарскія семейства, наигравшись вдоволь, пьютъ чай на чистомъ воздухѣ съ женами и дѣтьми. Здѣсь же пристраиваются разные разнощики со всякими лакомствами въ видѣ пряниковъ, орѣховъ, мороженаго, меда, пива и т. д.

Случается однакожъ, что продаютъ при этомъ и вино не татары, а русскіе, за что муллы въ большомъ негодованіи. Но какъ же это соединить и какъ изгнать то угощеніе, которое возмѣщаетъ у нашего народа каждое другое. Народъ, который не можетъ подчиниться правамъ и обычаямъ побѣдителей, всегда будетъ себя считать угнетеннымъ народомъ, пока не сроднится, не позабудетъ свое и не примк-

нетъ къ другому, что отчасти уже и дѣлается татарами, по крайней мѣрѣ въ отношеніи вина. Разумѣется нельзя не сожалѣть, что татары, сближаясь съ русскими, не нашли другаго способа, сохраняя трезвость, предписанную ихъ религіею тѣмъ болѣе, что отъ подобнаго развращенія, увеличится и число преступленій татаръ, въ которыхъ нѣтъ недостатка, какъ уже выше было изложено. Для противудѣйствія сему, есть только одно средство: усиленное, но вполнѣ основательное и разумное введеніе христіанства среди татаръ-мухаммеданъ, переступающихъ законы своей религіи, по причинѣ постояннаго столкновенія съ христіанствомъ и съ преобладающею народностью.

Нельзя при этомъ умолчать объ одномъ интересномъ случаѣ, относящемся къ особому взгляду татаръ на православіе и русское обученіе. Въ 1867 году, явился къ Н. И. Золотницкому татаринъ мухаммеданинъ съ просьбой, выучить его читать, писать и считать по русски; „только вѣрѣ вашей мнѣ нѣтъ нужды учиться“ сказалъ онъ. Между тѣмъ весьма недавно тѣже татары не желали даже и учиться по русски, теперь однакожъ по нуждѣ, превозмогли себя, отвергая вовсе истины христіанскаго начала. Виною этому съ одной стороны вкоренившаяся сила мухаммеданства, а съ другой равнодушіе къ закону Божію, которому обучаютъ и изучаютъ безъ надежныхъ основаній.

По поводу сосѣдства и вліянія русскихъ на чувашъ, что одинаково можно отнести и къ татарамъ, Н. И. Золотницкій говоритъ, что въ нѣкоторыхъ инородческихъ приходахъ живутъ и русскіе, которые, повидимому могли бы имѣть вліяніе на обрусѣніе крещеныхъ инородцевъ и ознакомленіе ихъ практическимъ путемъ и собственнымъ примѣромъ съ истинами и правилами православной вѣры. Но, хотя и съ глубокимъ прискорбіемъ, должно сказать во имя правды, что русскіе крестьяне здѣшней мѣстности (тетюшской), по недостатку развитія, не расположены, да и мало способны къ подобному миссіонерству; большинство ихъ заражены древне русскими суевѣріями и предразсудками, а не рѣдко лжетолкованіями раскола, идеаломъ же образованія считаютъ сельскаго дьячка, умѣющаго безъ запинки читать церковныя книги. Не далеко отъ той же мѣстности, русскій грамотный солдатъ, которому землякъ солдатъ чувашинъ отъ чистаго сердца подарилъ, пріобрѣтенное имъ, съ большими хлопота-

ми св. евангеліе на русскомъ языкѣ (лондонскаго изданія) вскорѣ сбылъ его другому грамотному русскому человѣку за сапоги, а этотъ вскорѣ же промѣнялъ его на спотолкователь. Далѣе Н. И. Золотницкій говоритъ, что одинаково ему было грустно выслушивать нелѣпыя раз сужденія русскихъ о значеніи грамотности. Наконецъ нельзя также упустить изъ виду тотъ многообразный оборотъ русскаго сквернословія, породившаго поговорку, что честной женщинѣ, можно спокойнѣе пройти мимо стада скотовъ чѣмъ мимо толпы мужиковъ. Въ одной деревнѣ, отставному солдату изъ крещеныхъ татаръ, однодеревенка его крещеная же татарка, при всѣхъ слушавшихъ краснобая сказала: „языкъ твой стоитъ только того, чтобы отрѣзать его, да бросить собакамъ" (1).

Грустно выставлять такія правды, но не жалко, въ надеждѣ на будущее близкое исправленіе! И потому для вѣрнѣйшаго и скорѣйшаго обращенія татаръ въ христіанство, необходимо большее развитіе души и ума русскаго народа, казанской губерніи, въ укоръ центра россійскаго мухаммеданства, при безукоризненномъ расширеніи миссіонерства, среди татарскаго населенія.

Если вникнуть въ самую религію мухаммеданъ, въ ихъ обряды, въ самую жизнь татаръ, то легко найти желаемую средину между тѣмъ что есть и что могло быть; за то если крестить огульно, либо вовсе упускать изъ виду важность увеличенія ядра русской семьи инородцами, то кромѣ отпаденія и совращенія изъ православія, напримѣръ въ казанской губерніи, либо переселенія, какъ то было въ Крыму и на Кавказѣ, ничего другаго ожидать не слѣдуетъ. Какую же пользу приносятъ такія переселенія намъ уже извѣстно, а между тѣмъ оно необходимо для обѣихъ сторонъ, если сильный желаетъ обладать, но не умѣетъ управиться иначе.

Еще слѣдуетъ упомянуть объ одномъ деревенскомъ народномъ праздникѣ, который бываетъ въ іюлѣ мѣсяцѣ и извѣстенъ тутъ подъ разными названіями; наиболѣе же употребительное, джуюнъ. Праздникъ этотъ установленъ, какъ увѣряютъ нѣкоторые, какимъ то татариномъ, который желалъ выдать замужъ своихъ дочерей и для сей цѣли устроилъ въ селѣ всеобщее угощеніе, въ которомъ принимали участіе его дочери.

---

(1) Казанскія губ. вѣдомости 1868 г. № 34.

Во время этого праздника, продаются въ шалашахъ разныя пряности, для угощенія женщинъ. Музыканты, съ разными инструментами домашняго издѣлія играютъ плясовую, подъ которую скачутъ и прыгаютъ весьма неграціозно одни мущины. Случается, что нѣкоторые изъ нихъ знаютъ казачка. Другіе поютъ, получая въ отвѣтъ подобное же пѣніе отъ татарокъ.

На этотъ праздникъ, который бываетъ всегда въ пятницу, собирается, смотря по мѣсту деревни, до тысячи и болѣе человѣкъ народу, но онъ продолжается не долго. И тутъ, большая часть женщинъ не выходитъ изъ своихъ кибитокъ; тѣмъ не менѣе праздникъ этотъ замѣчателенъ тѣмъ, что онъ составляя открытое отступленіе отъ обряда мухаммеданъ, держать постоянно въ заперти своихъ женщинъ и отдѣльно отъ мущинъ, вмѣстѣ съ тѣмъ представляетъ единственный случай для знакомства мущинъ и женщинъ между собою, а слѣдовательно возможно также предположить, что не всѣ свадьбы устроиваются чрезъ свахъ, но есть вѣроятно и такія, которыя совершаются впослѣдствіи обоюднаго влеченія (1).

Въ 1808 и 1809 годахъ, на татарахъ казанскаго уѣзда, накопилась большая недоимка. Для покрытія ея губернаторъ Мансуровъ, предложилъ дворянству и купечеству, произвести катанье во время масляницы, на нанятыхъ татарскихъ лошадяхъ и въ ихъ экипажахъ. Предложеніе было принято, недоимки заплачены, а вмѣстѣ съ тѣмъ такъ называемое катанье на татарахъ установилось и продолжается донынѣ, въ видѣ русско-татарскаго обычая жителей города Казани. Такихъ татаръ, съ разукрашенными въ лентахъ лошадьми и съ санями устланными коврами, является на масляницу, изъ сосѣднихъ деревень свыше 1000 и народъ съ платою, за конецъ отъ 5—10 коп. сер., находитъ въ этихъ разъѣздахъ по городу на татарахъ большое удовольствіе.

Кончая разборъ о татарахъ, считаемъ не лишнимъ присовокупить нѣсколько словъ о ихъ языкѣ и музыкѣ.

Въ казанской губерніи можно встрѣтить два татарско-казанскихъ нарѣчія. Одно употребляется мухаммеданами, переполнено витіеватостью и множествомъ арабскихъ словъ изъ

---

(1) Казанскіе татары, Фукса. Матеріалы для географіи и статистики казанской губ. Лаптева. Списки населенныхъ мѣстъ казанской губерніи.

алкорана. Нарѣчіе это до того искажается, что часто становится вовсе непонятнымъ деревенскому жителю. Но если послѣдній нѣсколько подучится, пожелаетъ стать выше своихъ собратьевъ, щегольнуть, то считаетъ необходимостью подражать своимъ мулламъ, купцамъ и вообще вліяющему люду. Чисто татарско-казанское нарѣчіе сохранилось въ рѣдкихъ случаяхъ у мухаммеданъ, но за то его можно найти исключительно между крещеными татарами, при чемъ полагаемъ, что это нарѣчіе должно весьма близко подходить къ болгарскому, которое судя по историческимъ событіямъ тутъ преобладало до XV столѣтія и не могло сильно измѣниться, по преобладанію болгарскаго населенія, въ періодъ до покоренія Казани 1552 года. Крещеные татары, какъ уже выше было изложено, разселялись и отдѣлялись отъ мухаммеданъ, что значительно способствовало сохраненію чистоты нарѣчія. Сравнивая его съ алтайско-тюркскимъ и киргизскимъ нарѣчіями, хотя бы по прилагаемому скудному словарю, можно замѣтить, не зная языковъ, большое между ними сходство.

Мы въ этомъ видимъ одно изъ доказательствъ, про исхожденія болгаръ отъ тюркскаго племени, которые поэтому и не могли употреблять другаго нарѣчія какъ тюркскаго т. е. нынѣшняго, нѣсколько измѣненнаго казанско-крещено-татарскаго нарѣчія, отъ примѣси языковъ и нарѣчій, вошедшихъ въ составъ монгольскихъ ордъ и чингисханова войска.

Въ татарскихъ пѣсняхъ, очевидны два основные закона: 1) двѣ, три и нѣсколько пѣсенъ разнаго содержанія, могутъ быть пѣты, однимъ и тѣмъ же мотивомъ и съ однимъ и тѣмъ же припѣвомъ. 2) каждая изъ тѣхъ же пѣсенъ, поется особымъ напѣвомъ, но уже безъ того припѣва, которымъ соединяются нѣсколько пѣсенъ. Законы эти выведены капельмейстеромъ И. В. Гусевымъ и Н. И. Золотницкимъ, при внимательномъ изученіи этихъ особенностей у самихъ татаръ.

Къ этому слѣдуетъ еще прибавить, что татарская музыка похожа на русскую, но отличается преобладаніемъ вибраціи. Каждый переходъ съ ноты на ноту, сопровожается руладами, которыя составляютъ какъ бы одинъ непрерывный рядъ руладъ. Ихъ нельзя сравнить съ европейскими, по своей разносторонности тоновъ тѣмъ болѣе, что у татаръ не за-

мѣтны взвизгиванья, которыя безпрестанно встрѣчаются у евреевъ.

Плясовыя татарскія пѣсни, взяты отъ русскихъ, но при этомъ нѣсколько такихъ, составляютъ одну цѣлую, напримѣръ: камаринская, барыня и казакъ, составляютъ одну плясовую пѣсню.

При сравненіи народныхъ русскихъ пѣсень съ татарскими, замѣтна близость музыки этихъ народовъ, что поясняется исторіею края и сходствомъ череповъ, а это въ свою очередь даетъ надежду на превращеніе татаръ, современемъ, въ казанско-русскую народность.

МЕЩЕРЯКИ.

При доставленіи свѣдѣній отъ г.г. исправниковъ, о населенности уѣздовъ инородцами, по порядку списка населенныхъ мѣстъ казанской губерніи, стало извѣстнымъ въ первый разъ, что въ цивильскомъ уѣздѣ живутъ мещеряки, въ слѣдующихъ мѣстахъ:

I стана.

деревня Большая Тябердина.	542 д. об. п.

II стана.

деревня Хозесанова (Котсанъ, Колесанъ) . .	555 д. об. п.
деревня Старая Тябердина (Бурамъ-Тербашъ)	673 д. об. п.
деревня Старая Курбашь.	205 д. об. п.
деревня Молкѣева (Тура-Курбашь)	337 д. об. п.
деревня Янгозина (Суринское).	372 д. об. п.
Всего . .	2684 д. об. п.

Какимъ образомъ попали сюда мещеряки вовсе неизвѣстно, какъ и до настоящаго открытія не было извѣстно ихъ присутствіе въ казанской губерніи. Изъ свѣдѣній доставленныхъ цивильскимъ исправникомъ оказывается, что между вышепомянутыми жителями 6 деревень, сохранилось преданіе о происхожденіи ихъ отъ мещеряковъ. Говорятъ они какимъ то среднимъ нарѣчіемъ между чувашскимъ и татарскимъ языками, но ни тѣмъ ни другимъ народомъ не признаются за своихъ. Одѣваются какъ чуваши. Женщины носятъ тѣже украшенія, но съ прибавкою къ чувашскому наряду пестрыхъ и разноцвѣтныхъ юбокъ. Аделунгъ причис-

ляетъ мещерякское нарѣчіе къ чисто татарскому. Кеппенъ въ своей пояснительной запискѣ объ этнографической картѣ европейской Россіи, относитъ ихъ къ татарамъ. На основаніи этихъ данныхъ мещеряки казанской губерніи и включены въ общее число татаръ, исповѣдующихъ православную вѣру, по показанію исправника. Послѣднее объясняется тѣмъ, что они живутъ среди чувашъ, которыхъ большая часть въ этомъ мѣстѣ исповѣдуетъ православіе Сами себя мещеряки называютъ чувашами, чуждаясь названія татарами именно потому, что они крещены. Ихъ бѣлокурый видъ и свѣтлые глаза, съ финскимъ цвѣтомъ лица укажутъ можетъ быть впослѣдствіи о происхожденіи ихъ отъ исчезнувшаго племени мещеря, которое тѣснимое со всѣхъ сторонъ чувашами и татарами, утратило свой языкъ, присвоивъ переходное нарѣчіе отъ однихъ сосѣдей къ другимъ. Этнографическія изслѣдованія самарской, оренбургской и уфимской губерніи, можетъ быть со временемъ, откроютъ эту загадку, такъ точно, какъ и самое сродство мещеряковъ съ финскими или тюркскими народами.

ЧУВАШИ.

Въ русскихъ лѣтописяхъ впервые о чувашахъ упоминается по случаю построенія у устья рѣки Суры, города Васильсурска въ 1524 году. Во время движенія русскаго войска къ этому мѣсту оно имѣло бой, при чемъ побито было много чувашей. Болѣе основательно говорится о нихъ, по поводу основанія города Свіяжска въ 1551 году, когда чувашей привели къ правдѣ. До этого времени они находились въ полнѣйшемъ порабощеніи татаръ, состоя въ зависимости отъ татарскихъ князей и мурзъ, что продолжалось вплоть до принятія ими крещенія, въ 1743 году. Такъ какъ ядринскій и цивильскій уѣзды, гранича съ русскими владѣніями, уже давно служили театромъ войны и путемъ прохожденія русскихъ войскъ, то существуетъ преданіе, какъ будто еще до похода Іоанна IV, чуваши просили русское правительство принять ихъ въ подданство и построить имъ городъ для платежа ясака и что для этой цѣли одинъ изъ чувашскихъ старшинъ, по имени Пуладъ, уступилъ подъ постройку такого городка свой поселокъ Сюр-буялъ (сто избъ), на мѣстѣ котораго и возникъ городъ Цивильскъ, извѣстный у чувашей подъ названіемъ Сюрбу-холы т. е. Цивильскъ городъ.

Черемисы зовутъ чувашей курукъ-мари, т. е. горные жители. Названіе это совершенно вѣрно, въ отношеніи луговыхъ или низовыхъ черемисъ, но не въ отношеніи татаръ, хотя ихъ также много живетъ на нагорной сторонѣ Волги (1),

(1) Сбоевъ, стр. 78.

которымъ не присвоено названіе курукъ-мари или горныхъ татаръ, тогда какъ чувашъ оренбургской губерніи зовутъ также горными татарами, къ которымъ причисляли и чувашей казанской губерніи. Произошло это вѣроятно потому что чувашей принимали долгое время послѣ покоренія казанскаго царства, на основаніи ложныхъ изслѣдованій, за отрасль татаръ, живущихъ нынѣ по лѣвой сторонѣ Волги, въ отличіе которыхъ ихъ назвали горными татарами или такими, которыхъ настоящее мѣстожительство на нагорной сторонѣ, что и перешло въ оренбургскую губернію, при переселеніи чувашей изъ казанской. Это названіе прежде носили всѣ чуваши и подтверждается еще грамотою 1689 года, царей Іоанна и Петра Алексѣевичей на владѣніе Масловымъ островомъ (въ козьмодемьянскомъ уѣздѣ, ниже села Ильинской пустыни на р. Волгѣ) [1]. Лаптевъ также говоритъ, что въ грамотѣ 1669 года, данной на владѣніе разными угодьями кинярской волости, чуваши козьмодемьянскаго и чебоксарскаго уѣздовъ, названы горными служилыми татарами. Недоразумѣніе это можно пояснить нѣкоторымъ сходствомъ двухъ языковъ въ той мѣрѣ, что татаринъ хотя съ трудомъ, но пойметъ смыслъ разговора чувашенина,—прежнимъ обыкновеніемъ чувашъ брить головы, что фактически подтверждено г. Фуксъ,—носить по этому тюбетейки, не употреблять свинины, но придерживаться въ пищѣ лошадинаго мяса. Кромѣ того извѣстно, что нѣкоторыя села цивильскаго и ядринскаго уѣздовъ основаны были татарами [2], между тѣмъ тамъ теперь и слѣдовъ нѣтъ этихъ татаръ. Это произошло оттого, что татары до укорененія мухаммеданства женились на чувашенкахъ и обратно, такъ что наконецъ, съ теченіемъ времени, эти отдѣльные татарскіе поселки превратились въ чувашскіе. Но было и обратное и именно въ тетюшскомъ уѣздѣ, гдѣ въ прежнее время жили чуваши подъ именемъ буртасъ. Эти чуваши—буртасы, нынѣ совершенно отатарились, чему главною причиною послужила близость этихъ поселеній къ Волгѣ, Казани и вообще главнѣйшимъ мѣстамъ жительства татаръ. Такъ въ 2-хъ деревняхъ большие и малые Буртасы, съ населеніемъ въ 882 д. об. п. живутъ исключительно татары.

---

(1) № 13, 1854 г. казанскія губ. вѣд.

(2) Списки населенныхъ мѣстъ казанской губерніи.

Одинъ изъ русскихъ поселянъ тѣхъ мѣстъ разсказывалъ о характерѣ и наклонности татаръ этого околодка, слѣдующее замѣчательное наблюденіе. Татары буртасскіе хорошіе земледѣльцы и весьма честный народъ; что возьметъ, то возвратитъ въ срокъ; онъ тихій, скромный, да и лицо то его не походитъ на обыкновенное татарское. Поселяне же татары, живущіе вокругъ селеній большихъ и малыхъ Буртасъ, дурные земледѣльцы, лукавы, всегда готовы на обманъ, имъ ничего нельзя повѣрить, невозможно имъ и въ долгъ давать; такъ напримѣръ во время кошенія возьмутъ косы, обманутъ и не принесутъ. Такъ у насъ въ народѣ уже извѣстно, что одни, честные, добрые; другіе безчестные, злые татары; да и намъ кажется, что крестьяне буртасскіе, не настоящіе татары, а такъ только говорятъ на ихъ языкѣ. Лица ихъ походятъ на другихъ, да только не знаемъ, на кого именно". Г. Золотницкій по этому же поводу замѣчаетъ слѣдующее: „байтеряковскій приходъ тетюшскаго уѣзда, со стороны буинской границы, окруженъ вереницею татарскихъ селеній съ мечетями. Съ 3-хъ остальныхъ сторонъ живутъ русскіе, татары и чуваши, а между послѣдними двумя, многіе отпадшіе отъ православія. По находящимся въ байтеряковскомъ и байглычевскомъ приходахъ, надгробнымъ памятникамъ VIII вѣка гиджры, писаннымъ буквами арабскими, но въ текстѣ заключающимъ нѣкоторыя формы явно чувашскія, можно предположить, что предки населяющихъ здѣшнія и сосѣднія буинскаго уѣзда деревни татаръ, были чуваши и уже впослѣдствіи, по принятіи ислама, мало по малу отатарились вовсе; а такое явленіе не могло быть одновременнымъ; процессъ отатаренія чувашъ совершался постепенно и совершается даже предъ нашими глазами; такъ а) жители сосѣднихъ съ деревнею большими Яльчиками деревень Кукшума и бѣлой Волошки, недавно вовсе отпадшіе отъ православія въ мусульманство и нынѣ уже съ особенной гордостью называющіе себя татарами, въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго столѣтія, были прихожанами села Байтерякова, а въ послѣднее время—села Чинчигъ, писались и назывались чувашами, говорили по чувашски, ходили въ чувашскомъ платьѣ, донынѣ состоятъ въ родствѣ и сватовствѣ съ крещеными чувашами байтеряковскаго прихода, въ томъ числѣ и большихъ Яльчикъ, которыхъ въ праздники посѣщаютъ и принимаютъ къ себѣ, а бѣловолжскіе жители

еще и теперь называютъ свою деревню чувашскмиъ именемъ Шуржу (шора-бѣлый, шу-вода); б) менѣе 3-хъ лѣтъ тому назадъ въ недальней отсюда мѣстности буинскаго уѣзда нѣсколько семействъ крещеныхъ чувашъ, отпали въ мухаммеданство, при руководствѣ къ тому явно принявшаго исламъ окончившаго курсъ въ удѣльномъ сельскомъ училище чувашенина; в) недавно получено свѣдѣніе, что въ буинскомъ уѣздѣ, въ недальней же отъ байтеряковскаго прихода мѣстности, схваченъ мѣстными свѣтскими и духовными властями чувашенинъ, только что возвратившійся изъ С. Петербурга, гдѣ онъ подалъ отъ себя и своихъ однодеревенцевъ чувашъ всеподданнѣйшее прошеніе о дозволеніи имъ перейти изъ православія въ мусульманство". Все это вмѣстѣ, такъ точно какъ и совершенное невѣдѣніе характеристическихъ свойствъ племени, обитавшаго въ ядринскомъ, цивильскомъ и казанскомъ уѣздахъ, были причиною тому, что жителей правой стороны Волги, именно чувашей, долгое время звали и въ Оренбургѣ зовутъ еще до нынѣ, горными татарами, усугубляя тѣмъ самую бѣду.

Многіе изъ гг. изслѣдователей, о чувашахъ, непремѣнно хотятъ найти и въ нихъ происхожденіе финское, либо сближаютъ ихъ съ татарами или наконецъ полагаютъ, что они были финны и впослѣдствіи отюркменились. Изъ вышеприведеннаго очерка наслоенія народностей казанской губерніи и принимая за основаніе, что не всѣ народы образуются при такихъ обстоятельствахъ, какъ романскіе и что до нынѣ сохранились всецѣло баски и бритты, сохранились у насъ ливы, я полагаю возможнымъ, что и чуваши остались такими же, какими они всегда были, насколько возможно было прослѣдить судьбу этого народа,—перемѣнили лишь прежнее свое названіе, мѣстожительство, сдѣлавшись изъ кочевыхъ—осѣдлыми. Ихъ тихій нравъ и скромная жизнь не сдѣлали изъ нихъ историческаго народа, тѣмъ не менѣе этотъ народъ былъ и есть такой, который потребенъ другимъ народамъ, какъ потребны тихіе дѣятели для увеличенія славы болѣе выдающихся личностей. Такимъ образомъ, когда монголы были покорены татарами, буртасы испытали туже участь, нисколько не измѣняясь въ своемъ характерѣ и наклонностяхъ, въ употребленіи своего особаго парѣчія, съ основными монгольскими словами (1) и при сохраненіи своей религіи, — своего

(1) Сбоевъ, стр. 169.

торы, столь сходнаго съ готскимъ торомъ, жившимъ можетъ быть, въ то время по сосѣдству. Вышедши изъ порабощенія, они очутились въ сосѣдствѣ тюркскихъ племенъ болгаръ и хозаръ, съ которыми вслѣдствіе постоянныхъ сношеній, одинаковаго гоненія натискомъ къ западу, дѣйствовали вмѣстѣ, не покидая своихъ основныхъ началъ: типа и языка.

Во время этихъ кочевокъ и перекочевокъ, буртасы могли сидѣть на Аму — Дарьи, вблизи хозаръ, гдѣ и подчинились нѣсколько персидскому вліянію, принявъ ученіе Зороастра, начавъ счисленіе года съ марта мѣсяца—наурусъ и подражая даже персамъ въ приготовленіи кушаній, что все будетъ разъяснено подробнѣе въ своемъ мѣстѣ. По пришествіи въ Россію, они находились въ подчиненіи у хозаръ, принявъ отъ послѣднихъ нѣкоторыя особенности еврейской религіи, которую исповѣдывали короткое время хозары. Вотъ почему ихъ арнякопъ, означалъ субботу т. е. день покоя (1); такимъ же образомъ проникъ къ нимъ еврейскій законъ ужичества: оставшуюся по смерти большаго брата во вдовствѣ жену бралъ за себя меньшой братъ, но большой братъ не могъ жениться на вдовѣ меньшаго брата (1). Въ тоже самое время начались ихъ торговыя сношенія съ болгарами и арабами. Отъ этихъ послѣднихъ позаимствованы арабскія слова въ особенности нѣкоторыя прилагательныя, качественныя, доступныя уже болѣе развившемуся народу (2) Во время монголо-татарскаго владычества и основанія за тѣмъ казанскаго царства, при распространеніи ислама, чуваши очутились въ полной зависимости побѣдителей, сдѣлались даже крѣпостными князей и мурзъ, въ угоду и силу коихъ приняли нѣкоторые наружные обряды мухаммеданъ. Съ водвореніемъ русскихъ, они причислены къ христіанству, которое вмѣстѣ съ развитіемъ проникло на столько, на сколько это будетъ усмотрѣно въ настоящемъ описаніи. Не смотря на всѣ эти переходы, чуваши нынѣ сохранили въ себѣ очень много первороднаго, своеобразнаго, что разумѣется не могло бы быть, еслибъ существовала болѣе тѣсная связь съ финскимъ либо татарскимъ племенемъ. Чуваши имѣютъ въ обрядахъ и одеждѣ что то общее съ черемисами, но ни въ чемъ другомъ; притомъ, послѣдніе приняли ихъ отъ первыхъ, но не обратно, а до-

---

(1) Сбоевъ, стр. 76, 80, 169.

(2) Сбоевъ стр. 169.

казательствомъ тому служитъ то, что черемисы, какъ и вообще всѣ финны, болѣе склонны къ слiянiю, къ подражанiю, нежели какъ тюркскiе и вообще средне-азiятскiе народы, отличающiеся своею безсознательно нравственною стойкостью, среди всѣхъ возможныхъ бѣдствiй и угнетенiй.

Принятiе ученiя Зороастра, ношенiе украшенiй въ видѣ монетъ и тюркскiй языкъ, все это шло съ юга на сѣверъ, но не обратно, а такъ какъ черемисы жили всегда выше чувашъ и въ ихъ сосѣдствѣ, то разумѣется они позаимствовали, но не чуваши.

Окончательное разъясненiе настоящаго корня чувашъ и всего этого столь интереснаго вопроса слѣдуетъ искать въ этнографическихъ изслѣдованiяхъ западнаго Китая и то едва ли нынѣ, послѣ столькихъ переворотовъ, найдется тамъ желаемый источникъ.

Чуваши раздѣляются по мѣсту жительства на верховыхъ, Вирьялъ (возгливыя деревни) въ ядринскомъ, козьмодемьянскомъ и чебоксарскомъ уѣздахъ и на низовыхъ, Анатры въ остальныхъ уѣздахъ казанской и другихъ губернiй.

Верховые чуваши почитаютъ низовыхъ, считая ихъ за коренныхъ жителей этого края, сохранившихъ въ большей чистотѣ, какъ свой языкъ, такъ нравы и одежду. И дѣйствительно настоящихъ чувашъ слѣдуетъ искать въ цивильскомъ, въ южно-ядринскомъ и курмышскомъ уѣздахъ, но не около Волги.

Чуваши въ преданiяхъ сохранили мало; они толкуютъ смутно, и то самые разумные, объ общемъ происхожденiи своемъ отъ мущины и женщины, о всемiрномъ потопѣ, о смѣшенiи языковъ, коихъ насчитываютъ до 77, но изъ нихъ главныхъ только 6: татарскiй, чувашскiй, черемисскiй, мордовскiй, калмыцкiй и русскiй. Они говорятъ, что пришли изъ за чернаго моря и изъ за далекихъ горъ. Своимъ предкомъ, родоначальникомъ, они считаютъ чуваша.

Вообще память о родоначальникахъ у нихъ сохраняется хорошо и каждый изъ чувашей, знаетъ какъ общаго имъ всѣмъ, такъ и своего по поколѣнiю родоначальника, котораго имя сохраняетъ навсегда та деревня и то мѣсто, гдѣ поселился впервые родоначальникъ этого поколѣнiя. О подданствѣ своемъ татарамъ, чуваши говорятъ, что они въ это время жили въ непроходимыхъ лѣсахъ на естественныхъ или очищенныхъ ими же, полянахъ. Единственное ихъ оружiе были стрѣлы, которыми убивали дикихъ звѣрей, а мел-

кихъ ловили петлями. Они занимались пчеловодствомъ въ большомъ размѣрѣ. Заходя къ сосѣду во время охоты и не найдя его дома, они наѣдались медомъ вдоволь и уходя, втыкали въ медовую кадку стрѣлу, въ знакъ благодарности. Хлѣбопашествомъ занимались они мало, по причинѣ лѣсовъ. У нихъ не было гумнъ, а молотили хлѣбъ, гдѣ было возможно. Обмолоченный хлѣбъ, отправляли навьюченнымъ на лошадяхъ, такъ какъ они не имѣли понятія о телѣгахъ. Зимою жили они въ избахъ, а лѣтомъ въ лачугахъ и анбарахъ. Кромѣ того сохранилось у нихъ преданіе о покореніи Казани, о претерпѣнныхъ ими угнетеніяхъ подъ татарскимъ владычествомъ, доходившимъ до того, что уводили ихъ дѣвицъ къ казанскимъ царямъ въ неволю. Это положеніе заставило ихъ искать покровительства Россіи и покориться ей еще раньше взятія Казани; во время же самаго похода они указывали дороги и мѣстоположеніе татарскихъ укрѣпленій. За тѣмъ они помнятъ о введеніи между ними христіанства, о началѣ постройки церквей и о пугачевскомъ бунтѣ. Какъ ни скудны и отрывчаты эти преданія, но они весьма близки ко многимъ уже изложеннымъ изслѣдованіямъ; преданіе же о томъ, что они пришли съ юга, съ моря, хотя бы и чернаго, ясно указываетъ на разнородное ихъ съ финнами происхожденіе (¹).

Опредѣленіе наружности какого нибудь народа чрезвычайно трудно, такъ какъ въ массѣ бываютъ исключенія, иногда въ большомъ количествѣ, которыя собственно и мѣшаютъ составить себѣ болѣе ясное понятіе о типичности того или другаго народа. Эта измѣнчивая типичность въ народѣ, все равно, что разнообразіе въ языкахъ, которые затрудняемся причислить къ тому, либо другому корню. Такихъ отличительныхъ признаковъ, какъ римскіе, либо греческіе носы, при разсмотрѣніи чувашскаго типа, найти довольно трудно и потому вовсе не слѣдуетъ удивляться неопредѣлительности г-жи Фуксъ (²). Между тѣмъ свыкаясь съ физіономіею чуваша, всматриваясь въ ея отдѣльныя черты и сравнивая ихъ съ другими народностями казанской губерніи, нельзя не придти къ заключенію, что выдающіяся скулы, узкій разрѣзъ глазъ и покатый назадъ лобъ суть непремѣнныя признаки чувашскаго типа. Лицемъ они смуглы, глаза каріе или черные, лобъ

(¹) Казанскія Губернскія Вѣдомости 1852 г. статьи Михайлова.

(²) Сбоевъ стр. 95.

узкій, носъ тонкій разнаго очертанія, зубы бѣлые, роста средняго, походка тяжелая, переваливающаяся, при сильномъ маханіи рукъ. Волосы у нихъ темно-русые, усы и борода густые, ровные, свивающіеся иногда въ видѣ пряди. Съ виду они неопрятны и грязноваты. У женщинъ узкій разрѣзъ глазъ и выдающіяся скулы, еще больше замѣтны, чѣмъ у мущинъ. Онѣ еще болѣе переваливаются чѣмъ мущины, а тѣлосложеніемъ походятъ на него. Лица какъ у мущинъ, такъ и у женщинъ блѣдныя. Кожа бѣлѣе, чѣмъ у татаръ, палевая. Глаза какъ будто заспанные; сами кажутся неуклюжими и равнодушными. Съ виду мущины не должны пользоваться особенною физическою силою, а женщины замѣчательны легкимъ перенесеніемъ родовъ, вслѣдъ за коими онѣ сами топятъ баню, варятъ пиво и исполняютъ всякую домашнюю работу, но, разумѣется, не безъ послѣдствій въ отдаленномъ будущемъ. Красивыхъ лицъ, въ особенности между женщинами, найти трудно, но безъ сомнѣнія и то, что при лучшей обстановкѣ этой отрасли человѣчества, когда однажды успѣютъ вывести чувашъ изъ ихъ полудикаго положенія, когда они избы станутъ строить исключительно бѣлыя, а не курныя, когда браки будутъ совершаться въ болѣе соотвѣтствующихъ супругамъ лѣтахъ, а женщины перестанутъ нести тяжесть работы мущины, когда наконецъ государственная администрація обратитъ вниманіе на этотъ свыше чѣмъ $^1/_2$ милліонный клочекъ народа, въ такомъ случаѣ есть надежда, на поправленіе и улучшеніе, какъ его физическихъ силъ, такъ и наружности.

Одежда мущинъ совершенно схожа съ русскою, какъ это и усматривается изъ прилагаемыхъ рисунковъ №№ 2, 3. Кафтаны чувашъ большею частью сѣраго цвѣта и всегда безъ откладныхъ воротниковъ, обшиты черною тесьмою. Если они въ лаптяхъ, то онучи черныя изъ сукна, тщательно перевязаны бичевками. Вирьялы носятъ черныя, а анатры бѣлыя онучи. Рубашки ихъ изъ полотна, вышиваются кругомъ шеи, около плечъ, на груди и рукавахъ, разными фигурами неприхотливаго воображенія ихъ женщинъ, красною шерстью или бумагою и извѣстны подъ названіемъ чувашскихъ рубашекъ. Во время полевыхъ работъ носятся, какъ мущинами, такъ и женщинами кожанные чулки, сверхъ которыхъ надѣваются лапти. На свадьбу чуваши надѣваютъ лучшее платье и рубашку, а сверху ожерелье изъ монетъ, единственное

мужское украшеніе этого рода. Голова въ этомъ случаѣ, хотя бы и въ лѣтнее время, покрывается теплою шапкою, въ обыкновенное же они носятъ поярковую русскую шляпу, болѣе или менѣе высокую, смотря какую придется купить.

Женская одежда болѣе разнообразна, при чемъ многія мѣстности имѣютъ свои характеристическія оттѣнки одежды, тѣмъ не менѣе, по нѣкоторымъ предметамъ всеобщей носки, легко признать чувашку. Одинаково есть также маленькое различіе въ одеждѣ крещеныхъ и некрещеныхъ чувашекъ. Мнѣ случилось подробно разсматривать одежды крещеныхъ чувашекъ козьмодемьянскаго уѣзда, 2 стана, янгильдинской волости, которые изображены на приложенномъ рисункѣ № 2 и такія же некрещеныхъ чувашъ спасскаго уѣзда, 2 стана, елкіевской волости, на рисункѣ № 3. Первая, т. е. крещеныхъ чувашъ состоитъ: обувь—лапти, сибада; подъ ними онучи, тала, изъ чернаго толстаго сукна, перевязанныя тщательно бичевкою. Ноги такимъ образомъ обутыя имѣютъ видъ бревенъ, что составляетъ особенность ихъ вкуса. Онѣ считаютъ за особенный грѣхъ и стыдъ ходить босыми и вообще показывать свои ноги мущинамъ; даже въ семействѣ соблюдается въ этомъ случаѣ извѣстная осторожность. Онѣ даже спятъ въ онучахъ, отчего не рѣдко у нихъ дѣлаются нарывы на ногахъ, болѣзнь общая всѣмъ чувашкамъ. Этотъ обычай, какъ бы самъ собой разводитъ татаръ и чувашъ на разстояніе отъ вѣчно закрытаго лица татарокъ до такихъ же закрытыхъ ногъ чувашекъ. Юбка,-хысъ, изъ ластики, ниже колѣнъ, обшивается тесемками, сѣрой, бѣлой, синей и одной мишурной-золотой. За тѣмъ слѣдуетъ передникъ, сапанъ, съ нагрудникомъ. Къ этому же переднику прикрѣпляется сзади подвязь, изъ темнаго колинкора, яргать, состоящая изъ 4-хъ отдѣльныхъ продолговатыхъ кусочковъ матеріи, длиною въ $1/4$ аршина каждый; концы каждаго кусочка, обшиты бахрамой. На грудь надѣвается лифъ, шобръ, съ длинными рукавами. Послѣдніе собраны и обшиты голунами и закрываютъ руки. Сзади лифъ вышитъ тесьмою, голунами и шнуркомъ, непрерывнымъ S и кончается мысомъ, покрывающимъ паралелограммы. Сверху сего надѣвается поясъ, писи (пизихи), шерстяной, который обвивается два раза; конецъ его продернутый виситъ съ правой стороны. Съ лѣвой стороны продернутъ бѣлый платокъ. Лифъ дѣлается изъ темнаго коленкора, а рукава и описанный выше передникъ изъ ситцу, ярко-крас-

наго цвѣта, съ желтыми цвѣтами и подходящими по цвѣту квадратами, особаго вѣроятно для нихъ, издѣлія.

Невѣста, правая крайняя фигура рисунка № 2, крещеныхъ чувашей, покрыта прямой накидкой, изъ бѣлаго холста, съ оборкою изъ краснаго ситцу, турецкаго рисунка. Оборка эта идетъ кругомъ; кромѣ того еще сзади вторая оборка повыше, а съ боковъ послѣдней пришиты изъ того же ситцу сверху отдѣльные квадратные лоскутки. Около шеи накидка разукрашена кромѣ того бѣлымъ и краснымъ шнуромъ, въ два ряда. Покрывало это называется хозасити. У этихъ чувашекъ, я встрѣтилъ разницу съ описанными прежде головными уборами и именно: дѣвицы на головѣ не носятъ ничего, какъ это и видно на карточкѣ, а женщины надѣваютъ повязку, масмакъ, покрывающая макушку и привязанную сзади у косы или приколотую булавками. На самый лобъ и сверху масмака, надѣвается хошпа, видъ плоской діадемы, унизанной въ четыре ряда мелкихъ монетъ расположенныхъ концентрично. Верхній рядъ пятачьки, потомъ идутъ гривенники, пятиалтынныя и наконецъ двугривенныя.

Серьги—хулгасяки, состоятъ изъ одного длиннаго прямаго ряда монетъ, пришитыхъ къ ремню. Верхнія монеты болѣе мелкія, а ниже 30 копѣечныя. Въ концѣ идутъ три мѣдныя короткія проволоки развѣтвляясь, а на каждой изъ нихъ надѣта одна 25 копѣечная монета. Эти серьги надѣваются посредствомъ ремня. Работа самая грубая; у другихъ же мочьки бываютъ проняты и на мѣдной проволокѣ висятъ три монеты рядомъ, достоинствомъ въ 25 к. Къ ремню, который удерживаетъ серьгу на ухѣ, прикрѣпленъ рядъ усообразныхъ серебряныхъ проволокъ, до 7, къ концу нѣсколько расходящихся и загнутыхъ къ затылку. Это украшеніе, алга, торчитъ перпендикулярно къ уху и не мало мѣшаетъ поворачивать голову, упираясь въ такомъ случаѣ въ шею. Украшеніе это очень уродливо. Вокругъ шеи они надѣваютъ ремень, унизанный весь мелкою монетою, подъ названіемъ ама. Къ затылку эта монета мельче, а къ груди становится все крупнѣе и оканчивается цѣлковымъ, Кромѣ всего вышеписаннаго, надѣвается на грудь самое видное украшеніе, въ томъ родѣ какъ у евреевъ носили первосвященники нагрудники. Эти нагрудники называются шульгемэ и состоятъ изъ 2-хъ частей: верхняго и нижняго кожаннаго паралелограмма, висящихъ на полотнѣ, надѣвае-

момъ на шею. Дѣвушки носятъ только одну верхнюю шуль-гемэ. Каждый изъ паралелограммовъ унизанъ сверху въ нѣсколько рядовъ древнѣйшими монетами, какъ ихъ находятъ въ кладяхъ. Потомъ слѣдуютъ новѣйшія отъ пятачковъ и наконецъ кончается двугривенными. Нижній рядъ каждаго паралелограмма содержалъ 18 двугривенныхъ; всѣхъ рядовъ было 10, изъ коихъ не менѣе 5 занимались старинными монетами, неисчерпаемымъ богатствомъ для нумизматовъ. Кромѣ того каждый паралелограммъ украшенъ по краямъ крупнымъ б'лымъ и краснымъ бисеромъ; нижній край увѣшапъ мелкими бѣлыми раковпнами, ужовками. Въ довершеніе всего, надѣваются на шею разноцвѣтныя бусы, на концѣ которыхъ виситъ старинный мѣдный крестъ.

Одежда эта надѣвается въ одни праздничные дни, по причинѣ своей дороговизны и переходитъ по наслѣдству. Смотря по монетамъ, ихъ количеству и цѣнности, такая одежда можетъ быть куплена при случаѣ за 25 р. с.; но есть и подороже, до 100 р. с. Большею частью, она переходитъ въ руки русскихъ, если заложена вслѣдствіе сухой бѣды и не оказывается средствъ ее выкупить. Въ настоящее время, многіе изъ крещеныхъ, обращаютъ этотъ мертвый капиталъ въ деньги и потому она начинаетъ изчезать, а въ обращеніи появляются разныя монеты съ дырочками, признаки ихъ прежняго употребленія, какъ украшеніе. Что касается до вѣса этого наряда, то его только и могутъ носить такія дородпыя и привычныя къ усиліямъ женщины, какъ чувашки, въ чемъ легко убѣдиться, всмотрѣвшись внимательно въ ихъ мужское сложеніе, которое отражается на каждой въ прилагаемомъ изображеніи.

Некрещеная чувашка, крайняя правая фигура, съ боку, рисунокъ № 3, была одѣта сходно съ описанною крещеныхъ, но вмѣсто онучь и лаптей, на ней были надѣты вязанные чулки (панскіе) и кожанные башмаки. Казалось бы что тамъ, гдѣ проникло христіанство, тамъ скорѣе можно было ожидать встрѣтить вмѣсто первообразныхъ онучей и лаптей, чулки и кожанный товаръ, а между тѣмъ мы видимъ въ настоящемъ случаѣ противное и на то есть весьма убѣдительная причина. Спасскій уѣздъ болѣе обрусѣлъ, въ него проникло просвѣщеніе въ той мѣрѣ, что язычествующіе чуваши, оставаясь при своихъ религіозныхъ убѣжденіяхъ, сознали пользу и потребность обуваться по улучшенному способу.

Въ противуположность этому, западные уѣзды казанской губерніи, почти чуждые улучшенной жизни человѣка, лишенные хорошихъ примѣровъ, по отсутствію русскаго населенія, при совершенномъ недостаткѣ мѣстной промышленности,—эти уѣзды, хотя бы и христіанскіе, но менѣе развиты, чѣмъ восточные. Христіанство, какъ истинный и вѣрнѣйшій прогресъ души человѣческой, не можетъ проявляться зарытымъ талантомъ, напротивъ, оно въ силу идеи, должно давать человѣчеству наибольшіе проценты, въ видѣ просвѣщенія и развитія промышленности, между тѣмъ вотъ уже болѣе 150 лѣтъ, какъ чуваши приняли христіанство и въ этотъ продолжительный періодъ ничего не сдѣлано для развитія этихъ иноплеменниковъ. Странно, что донынѣ всѣ называютъ коренныхъ жителей казанской губерніи инородцами, тогда какъ въ отношеніи стародавности и ко всей массѣ населенія губерніи, только одни русскіе законно могутъ носить это названіе. Чуваши у себя дома; казанская губернія ихъ 2-ая родина, а мы пришельцы, сдѣлавшіеся домашними. Желательно было бы, чтобы слово инородцы выводилось бы изъ употребленія съ постепеннымъ водвореніемъ улучшенія быта и промышленности, между нашими иноплеменниками.

На головѣ некрещеныя чувашенки носятъ покрывало изъ бѣлаго полотна сарпанъ. Оно нѣсколько закрываетъ плечи и падаетъ на грудь, кончаясь привязанною къ нему кожею, въ видѣ усѣченнаго конуса. Къ послѣднему пришиты у узкаго конца кораллы, а ниже монеты. Эти нагрудники тѣ же шульгемэ, что у крещеныхъ, но гораздо меньшей величины и гораздо бѣднѣе. Сверху и вокругъ шеи надѣто ожерелье изъ бусъ, а на концѣ ихъ, вмѣсто креста виситъ большая монета, цѣлковый или $1\frac{1}{2}$ рубля. Сверху покрывала надѣвается шапка, хошпа, въ видѣ той, которую описываетъ г. Сбоевъ. Она имѣетъ видъ монгольскаго шлема, временъ порабощенія Россіи, сдѣлана изъ кожи и кончается на макушкѣ короткимъ, плоскимъ усѣченнымъ конусомъ. Спереди шапка эта длиннѣе, закрывая весь лобъ. Съ боковъ, соединяясь съ лобовою частью шапки, придѣланы подвязки, для пристегиванія подъ подбородкомъ. Сзади виситъ длинный ремень. Вся верхняя часть и ея конусъ, вышиты краснымъ, синимъ и бѣлымъ крупнымъ бисеромъ, который каждымъ рядомъ идетъ все крупнѣе и крупнѣе; далѣе слѣдуютъ ряды бусъ, потомъ ряды старой серебряной монеты, эллипсообразной, наконецъ

ряды новѣйшей монеты, кончаясь кругомъ у края, болѣе крупною монетою, въ 20—25 к. с. Подвязки украшены сплошь новою монетою. Лобовая часть, въ видѣ поднятаго забрала, вышита сверху бисеромъ, какъ на шапкѣ, потомъ идетъ мелкая старинная монета, далѣе новѣйшая, кончаясь у края, надъ глазами, рядомъ отдѣльно висячихъ монетъ въ 25 к. с. Задній ремень, въ видѣ косы, весь унизанъ въ 4—6 рядовъ однообразной величины и толщины, мѣдными монетами, всѣхъ возможныхъ европейскихъ и азіатскихъ государствъ. Тутъ между ними я нашелъ турецкія, персидскія, ганноверскія съ именемъ и изображеніемъ короля Георга (?), Людовика XV, еще виртембергскія и съ надписью «mit Gottes Segen, Macht. Многія изъ этихъ монетъ, жетоновъ и тухлянокъ имѣютъ свои опредѣленныя народныя названія, составляя исключительную принадлежность одной изъ частей наряда. Такимъ образомъ мнѣ удалось получить особенный мѣдный жетонъ хошпы, весьма часто встрѣчаемый подъ названіемъ йисъ-окся, съ изображеніемъ на одной сторонѣ 2-хъ солдатъ изъ коихъ одинъ русскій, въ каскѣ, съ ружьемъ и штыкомъ закалываетъ другаго въ киверѣ, обороняющагося тесакомъ. Вокругъ можно разобрать надпись: у русака штыкъ заборнѣй тесака (1). Другой эллипсообразный маленькій въ гривенникъ, жестяной, называется синь-окся, новая деньга. Третій подобный предъидущему—шусь, т. е. бѣлая мѣдь. Четвертый, эллипсообразный въ пятачекъ, оловянный, называется тухлань. Какимъ образомъ попали сюда различные иностранные жетоны—объяснимо. Говорятъ, что въ прежнее время они ихъ принимали, за золото и серебро, причемъ золоченіемъ и прирѣзкою подъ одну величину, занимались особо въ нѣкоторыхъ деревняхъ, исключительно татары,—какъ пояснялъ это мнѣ одинъ чувашъ. Жетоны эти, несмотря на свое различное происхожденіе, всѣ одинаковаго діаметра и толщины. Не привозили ли эти монеты особые промышленники съ запада? По моему исчисленію, ихъ можетъ быть въ употребленіи до 6/м. штукъ. Дѣвицы некрещеныхъ чувашекъ, носятъ родъ тюбетеекъ съ чешуею, бисеромъ и монетою. Иногда этотъ головной уборъ имѣетъ видъ хошпы, но безъ висячаго сзади ремня. Въ томъ и въ другомъ случаѣ этотъ дѣвичій уборъ называется тохья.

(1) Съ другой стороны сидитъ русскій кавалеристъ съ пикою, саблею и въ киверѣ образца 30-хъ годовъ.

Не зная чувашскаго языка, довольно трудно составить себѣ вѣрное о немъ понятіе и потому да дозволено мнѣ будетъ выписать то изъ разныхъ источниковъ, что болѣе характеристично, составляя вмѣстѣ съ тѣмъ особенность этого языка. Но предварительно обращаю вниманіе на приложеніе, въ которомъ находится весьма краткій словарь, составленный мною изъ такихъ словъ, которыя должны и могутъ встрѣтиться у народовъ младенчествующихъ и кочующихъ. По моему мнѣнію, если такія слова, преисполнены самородкомъ, то языкъ является уже самобытнымъ. Съ финскимъ, куопіоскаго нарѣчія, нѣтъ ничего общаго; съ вотяцкимъ, мордовскимъ и въ особенности черемискимъ нарѣчіями есть нѣсколько общихъ словъ. Послѣднее почитается за смѣсь разныхъ языковъ и потому легче найти въ немъ чувашскія слова, нежели предполагать, что когда либо чувашскій языкъ былъ финскимъ, а сами чуваши—финнами.-Тысяча лѣтнее сосѣдство черемисъ съ чувашами, не много принесло пользы послѣднимъ, а если съ виду, поверхностно и кажется, что первые похожи на послѣднихъ, то тому причиною никакъ не высшая степень нравственности черемисъ, а одинаковость положенія ихъ мѣстажительства и условій зависимости или подданства сначала болгарамъ, потомъ татарамъ, наконецъ русскимъ.

Приложенная молитва Господня на всѣхъ 6 языкахъ казанской губерніи также подтвердитъ, что чувашское нарѣчіе само по себѣ независимое и вполнѣ самостоятельное, среди другихъ въ губерніи и нуждающееся на столько же въ татарскомъ нарѣчіи, какъ и въ остальныхъ. До настоящаго времени чувашскій языкъ приходилъ въ соприкосновеніе съ разными языками, обогащаясь, развиваясь и совершенствуясь очень медленно, по причинѣ скорыхъ перемѣнъ; но когда нибудь настанетъ болѣе продолжительный періодъ зависимости и сношенія съ такимъ народомъ, который пріемами образованія внесетъ въ чувашскій языкъ огромное число новыхъ словъ, формъ выраженій, прежде неизвѣстныхъ; тогда, если этотъ жребій выпадетъ на Россію, образуется чувашско-русское нарѣчіе или мѣстное нарѣчіе русскаго языка западной части казанской губерніи. Это не болѣе, какъ естественное образованіе всѣхъ новѣйшихъ языковъ, начиная съ романскихъ и кончая хотя бы бѣлорусскимъ нарѣчіемъ.-Такой переходъ уже начался

въ казанской губерніи и обоюдное обогащеніе языковъ, при ихъ смѣшеніи, становится съ каждымъ годомъ замѣтнѣе.

Г. Сбоевъ, перебирая слова (можетъ не всѣ), вошедшія въ чувашскій языкъ изъ другихъ, приводитъ насъ къ слѣдующему числовому сравненію.

Изъ	Финскаго перешло (вѣроятно мордовскаго)	4	слова.
—	Черемисскаго	4	—
—	Монгольскаго	12	—
—	Персидскаго.	18	—
—	Арабскаго.	25	—
—	Русскаго	28	—

Г. Фуксъ, насчитываетъ всѣхъ словъ въ чувашскомъ языкѣ до 1646, изъ коихъ коренныхъ не болѣе 1000, что слишкомъ достаточно для самобытнаго и младенчествующаго народа и его нарѣчія.

Весьма было бы желательно, чтобы гг. филологи, занялись чувашскимъ языкомъ и сравнили бы его поосновательнѣе съ монгольскимъ и другими ему сосѣдственными языками, такъ какъ одно лишь опредѣленіе г. Сбоева, доказавшаго весьма основательно, что чувашскій языкъ есть тюркское нарѣчіе, еще недостаточно. Тюркскихъ нарѣчій въ средней Азіи очень много, къ нему причисляется также и татарскій, съ которымъ чувашскій языкъ по Сбоеву имѣетъ грамматическое и синтаксическое сходство.

Оно и не оспаривается, но монголы и татары, хотя бы и братья, сосѣди, вѣчные поданные другъ друга, тѣмъ не менѣе типы этихъ народовъ въ настоящее время слишкомъ расходятся. Монголы составляютъ признанную особую расу, монгольскую, тогда какъ татарскіе типы представляютъ огромное развѣтвленіе, а казанскіе по нынѣшнему ихъ виду и складу, скорѣе можно причислить къ кавказскому племени, а ихъ нарѣчіе настолько же первенствуетъ, какъ алтайско-татарское или киргизское; чуваши же по типу сродни монголамъ, а по языку, за отсутствіемъ сравненія съ монгольскимъ языкомъ, подходятъ къ казанскимъ татарамъ. Окончательное рѣшеніе этого вопроса зависитъ отъ спеціалистовъ по антропологіи и филологіи, не упуская при этомъ изъ виду особенность характера, нрава, обычаевъ и наклонностей чувашъ, рѣзко отличающихся отъ другихъ тюркскихъ народовъ: казанскихъ и алтайскихъ татаръ, киргизовъ, калмыковъ и т. д.

Г. Сбоевъ говоритъ: а) что чувашскіе глаголы неопредѣленнаго паклоненія кончающіеся на асъ, эс, јас, въ татарскомъ принимаютъ макъ, мэкъ и мякъ.

Чув.	Тат.
авланасъ (жениться)	анвламакъ
анасласъ (позѣвать)	испамакъ
тухтасъ (ждать)	тухтамакъ
хваласъ (гнать)	кваламакъ

и т. д.

б) Татарскія слова, начинающіяся съ звуковъ о или у, въ чувашскомъ принимаютъ въ началѣ букву в:

Чув.	Тат.
вилимъ	улимъ (смерть)
вотъ	утъ (огонь)
вуру	улры (воръ)

и т. д.

в) Измѣняя въ чувашскихъ словахъ букву п въ б, получаемъ однозначущія татарскія слова:

Чув.	Тат.
пабакъ (дѣтенокъ)	бабка
паттыръ (сильный)	батыръ
перь (одинъ)	биръ

и т. д.

г) Татарскій звукъ з, въ чувашскихъ переходитъ въ р.

Чув.	Тат.
маръ (безъ)	мызъ
кюрь (осень)	кюзь
сюрь (сто)	юзъ

и т. д.

д) Слова начинающіяся въ татарскомъ языкѣ звуками јі, јі ја, ју, въ чувашскомъ принимаютъ звукъ с, напримѣръ:

Чув.	Тат.
силь (вѣтеръ)	јиль
сине (новый)	јне
сирь (земля)	јрь
сиримъ (двадцать)	јигирма
сӧлъ (дорога)	јулъ
сіортъ (домъ)	јуртъ

и т. д.

e) Татарскія слова, начинающіяся звукомъ к, въ чувашскомъ имѣютъ х, напримѣръ:

Чув.	Тат.
хачь (ножницы)	качь
хирь (дочь)	кызъ
хозахъ (вольный, холостой)	казакъ
и т. д.	

Все это доказываетъ сходство, но не происхожденіе отъ татарскаго языка. По мнѣнію Сбоева у обоихъ языковъ одинъ корень тюркскій, который не менѣе того также корень монгольскаго языка.

Грамматическія формы также сходны между собою въ обоихъ языкамъ, но при склоненіи, сначала каждое существительное имѣетъ личную приставку и за тѣмъ вмѣстѣ съ нею склоняется, напримѣръ:

И. ача-дитя, ачӱ (твое дитя) и ачи (его дитя).
Р. ачанынъ, ачунынъ, ачинынъ
Д. В. ачана (ачая), ачуна, ачинэ
Т. ачаба, ачуба, ачибэ

Тоже самое и въ татарскомъ языкѣ. Формы склоненій у чувашъ сходны съ татарскими, напримѣръ:

Чув. склоненіе	Тат.
И. халыгъ (народъ).	халкъ.
Р. халыгынъ	халыкнынъ
Д. халыгга	халкга
В халыгнэ	халкни
Т. ханыгъ-па	халкъ-бирля

Имена прилагательныя образуются: изъ существительныхъ, на чувашскомъ, чрезъ прибавленіе, ла лэ и ди, ды а въ татарскомъ,-лу ла или лы, напримѣръ.

Вый-сила
Выйла-сильный
Ись-дѣло
Ислэ-рабочій

Нѣсколько увеличивающая качество предмета степень, въ чувашскомъ языкѣ образуется прибавленіемъ рахъ, лаих-хорошо; лайхрах-получше, а по татарски якши-хорошо, а якширакъ, получше. Кромѣ того у чувашъ употребляется падежъ неизвѣстный въ другихъ языкахъ, - неопредѣленный, употребляемый вмѣсто винительнаго тамъ, гдѣ говорится о предметѣ неопредѣленно.

Наконецъ нельзя не прибавить еще нѣкоторыхъ особенностей чувашскаго языка, упоминаемыхъ г. Фуксъ. Такъ какъ чуваши не имѣютъ собственной письменности, составлена же она въ новѣйшее время, то и присвоена имъ русская азбука, которою легко и ясно означаются всѣ звуки, за исключеніемъ j, йо, ӧ, ӱ. йи, г, соотвѣтствующіе нѣмецкимъ jo ö, ü, ji, h. У чувашъ многія изъ ихъ словъ, начинаются буквою ы, напр. ыжъ (сердце), ылдымъ золото. Прибавляемъ къ этому еще особенности чувашскаго звукового органа, глубоко изученнаго Н. И. Золотницкимъ, въ чувашскомъ народномъ нарѣчіи: 1) вовсе нѣтъ звуковъ ф, ц, щ; 2) изъ согласныхъ, половина звуковъ парные, замѣняющіе по надобности другъ друга: мягкимъ б, д, з, ж, г, г, соотвѣтстуютъ жесткіе п, т, с, ш, к, х; мягкіе употребляются только въ срединѣ между гласными, а жесткіе въ началѣ и въ концѣ слова и слога; отъ этого, а) мягкими нельзя ни начать, ни кончить ни одного слова; „Богъ, далъ, бей, дубъ, зубъ, жилъ, годъ, гость, гора, чувашенинъ по природѣ своего нарѣчія долженъ выговорить: похъ, талъ, пей, тупъ, супъ, шилъ, котъ, кость, кора; б) жесткихъ же нельзя употреблять между гласными, „липа, уха, каша, соха, лукавый“ должно выговорить: „либа, уга, кажа, сога, лугавый“; если же необходимо удержатъ жесткій звукъ между гласными, то его нужно удвоить, потому что одинъ онъ превратится въ мягкій; „аппа, атти, виссе, ушша, икке, поххи“, иначе выйдетъ: аба, ади, визе, ужа, иге, поги; точно также чувашинъ долженъ удвоить мягкій звукъ, если принужденъ будетъ выговорить чище и удержать его въ началѣ слова, что особенно для него трудно; при особенномъ стараніи онъ скажетъ: ббылъ, ггора, ддай, жжилъ, зземля. По этому понятно, что славянскія буквы чувашинъ, по устройству его орудія слова долженъ выговорить такъ: „пукки (или пуги), клаголь, топро, шиветти (шиведи), семля, какко (каго), мыслетти (мыследи), поккой (погой), хвертъ; а русскія: б, г, д, ж, з, ф,-произносить „пе, ке, те, ше, се, эхвъ“. Послѣ этого по-

нятно, почему лицо, отговаривавшееся завестишколу выразилось такъ: „да вы развѣ не знаете, что этихъ каналій-чувашлятъ рѣшительно невозможно учить грамотѣ? Ему толкуешъ буки, а онъ бестія, хоть убей его, твердитъ пуги; ему-глаголь, а онъ хлаголь ему; добро, а онъ топро, плюнешъ, да и бросишъ".

Дѣйствительно плюнуть очень легко, да мы къ несчастію живемъ то въ такое время, гдѣ даже и этого сдѣлать нельзя; а для того, чтобы примѣнить чувашъ къ русскимъ, нужно сначала русскимъ примѣниться къ чувашамъ!

Спряженія начинаются всегда съ 3-го лица, какъ слѣдуетъ.

1) Вуль калатъ, онъ говоритъ
2) Азе каладынъ, ты говоришъ
3) Абе каладыпъ, я говорю

1) Вулзамъ калассе, они говорятъ.
2) Азеръ каладыръ, вы говорите
3) Аберъ каладпыръ, мы говоримъ

1) Каларе
2) Декларынъ } сказалъ.
3) Каларымъ

1) Каларесь
2) Каларыръ } сказали.
3) Каларымыръ

1) Кале
2) Калынъ
3) Калыпъ } скажемъ.
1) Калесь
2) Калыръ
3) Калыбыръ

Калагганъ-говорящій и говорившій
Калаза-говоря и говоривши
и т. д.

Въ отрицательныхъ глаголахъ, частица не, оставится въ средину глагола, непосредственно за его корнемъ и впереди приставокъ.

Йорададтыпъ люблю
Йоратмастыпъ не люблю или лю-не-блю.
Йорадать-любитъ
Йорадмасть-не любитъ или лю-не-битъ.

Слова, замѣняющіе русскіе предлоги ставятся въ концѣ слова.

Отрицаніе въ повелительномъ наклоненіи, въ отличіе отъ прочихъ тюркскихъ нарѣчій, ставится впереди глагола и исключительно этимъ сближается чувашскій языкъ съ финскимъ; напримѣръ: тувас-маръ, не дѣлать; ан-ту, не дѣлай.

Хотя все то, что тутъ сказано о языкѣ чувашъ, далеко не можетъ удовлетворить любознательнаго читателя, тѣмъ не менѣе лучше что нибудь, чѣмъ ничего, тѣмъ болѣе что до настоящаго времени, большая часть, неисключая и образованнѣйшую среду еще меньше знали о чувашахъ вообще, нежели какъ тутъ говорится; говорю меньше, чтобы не сказать: совсѣмъ не знали.

Въ заключеніе считаю не лишнимъ прибавить, что по замѣченію Г. Фуксъ и нѣкоторыхъ другихъ лицъ, чуваши не вполнѣ понимаютъ свой книжный языкъ, составленный въ прежнее время русскими. Происходитъ это вѣроятно отъ отсутствія неуловимыхъ для русскихъ особенностей этого языка, въ произношеніи словъ, въ удареніяхъ и отъ невѣрнаго оборота рѣчи. Такъ говоритъ Н. И Золотницкій, что однажды спросили мальчика изъ чувашъ о лицахъ Пресвятыя Троицы, на что онъ бойко отвѣтилъ: Богъ Отецъ, Богъ Сынъ, Богъ Духъ Святой, но затруднился сказать это же по чувашски; тогда законоучитель, считающійся въ числѣ первыхъ знатоковъ чувашскаго языка, перевелъ ученику: „Тора Ашше, Тора Ывыл, Тора Сывлыш.“ Ученикъ же повторилъ за нимъ такъ„ Тор' Ашшь, Тор' Ывыль, Тора Сывлишь“; законоучитель сказалъ: такъ. Но переводъ законоучителя значитъ: Богъ-это его Отецъ, Богъ-это сынъ, Богъ-это Духъ; а повтореніе ученика съ приставкою едва замѣтныхъ притяжательныхъ суффиксовъ значитъ: Божій Отецъ, Божій Сынъ, Божій Духъ. Слѣдовательно законоучитель, не зная законовъ народной рѣчи, исказилъ догматъ, а ученикъ не понимая догмата, изложилъ его по шамански и законоучитель съ нимъ согласился, тогда какъ правильнымъ народнымъ нарѣчіемъ слѣдовало сказать: „Атти Тора, Ывыл Тора, Сывлыш Тора.

Наконецъ самая система обученія не установилась еще на достаточно выработанныхъ началахъ, тогда какъ преподаватели, по сырости языка, не могли еще себѣ составить яснаго понятія о тѣхъ отступленіяхъ, которыя необходимы при выработкѣ бѣднаго языка, сохраняя притомъ точнѣйшій смыслъ и

приноравливая его къ степени понятливости простолюдина. Въ самое послѣднее время чувашскіе учебники издаются на ихъ народномъ нарѣчіи, при соблюденіи всей строгости его формъ, а система обученія г. Золотницкаго, пустившая хорошіе корни христіанства и развитія среди чувашей, принесетъ пользу въ близкомъ будущемъ.

И. Н. Березинъ замѣчаетъ, что чувашскія кушанья очень схожи съ персидскими по приготовленію и названію. Такъ у дагестанскихъ жителей Персіи приготовляется: 1) шурба, похлебка для больныхъ, соотвѣтствующая чувашской похлебкѣ шурбе, изъ говядины или рыбы (уха); 2) яхнищи, а по чувашски яшка т. е. согласно объясненію Сбоева супъ, который готовится у богатыхъ изъ крупы и говядины, а у бѣдныхъ—либо изъ одной крупы, либо съ борщевникомъ или снитью и съ молочною забѣлкою. По Фуксу къ яшкѣ прибавляютъ капусту и лукъ, а въ праздникъ курицу съ чеснокомъ. 3) Плоу или пловъ, соотвѣтствующее чувашскому хоплу, короваецъ къ курицею или съ другою живностью. 4) Куки или по чувашски — коккыль или простой пирогъ, начиненный говядиною, морковью, горохомъ и т. п. 5) нимру, а по чувашски нимирь или картофельный соусъ, приготовляемый въ котлѣ, въ видѣ яичницы и 6) гуймакъ, что по чувашки означаетъ хыймаллу: сдобныя тонкія лепешки въ маслѣ, въ родѣ блиновъ, приготовляемыя на сковродѣ [1]. Кромѣ того они ѣдятъ небольшія круглыя лепешки изъ ячневой крупы, которыя варятся въ яшкѣ съ салмою, подъ названіемъ сюмàхъ. Ихъ вынимаютъ изъ похлебки деревянными спицами, на подобіе того, какъ у дагестанцевъ ѣдятъ хингалъ деревянными вилками. Далѣе у чувашъ въ употребленіи каша—путу; йигечь, родъ сыра изъ творогу; сявранъполъ или бѣшенная рыба; ширтанъ, родъ колбасы начиненной овечьимъ мясомъ и съ масломъ поджаренный. Хлѣбъ чуваши пекутъ изъ ячменной и ржаной муки на сывороткѣ и потому онъ бываетъ кислъ. Изъ молока чуваши выдѣлываютъ квашенное питье подъ названіемъ ойрапъ, которое у нихъ замѣняетъ квасъ. Тѣмъ же названіемъ они зовутъ остатки отъ пахтанья масла. Еще они употребляютъ кушанье

---

[1] Каз. губ. вѣд. 1854 г. № 40 статья Михайлова.

годъ названіемъ болдранъ, которое приготовляется изъ разгыхъ травъ: шкерды, борщовника и съ прибавленіемъ молока и масла. Наконецъ слѣдуетъ упомянуть объ общеупотребительномъ ихъ пивѣ, сыра и винѣ—эрек, употребляемыхъ въ праздничные дни и для угощенія. Въ послѣднее десятилѣтіе они болѣе начали обращать вниманіе на разведеніе картофеля, паранга.

У некрещеныхъ чувашъ, до настоящаго времени, лошадиное мясо не вышло изъ употребленія. Свинина, которою изъ подражанія они прежде брезгали, нынѣ не составляетъ уже болѣе рѣдкости ихъ домашняго хозяйства.

Селенія чувашскія имѣютъ свой особый имъ принадлежащій видъ, имѣющій свое историческое происхожденіе впослѣдствіи монгольскаго нашествія и непріязненнаго обращенія съ ними вслѣдъ за признаніемъ ими русскаго подданства.— И до нынѣ, напримѣръ, русскій ямщикъ, встрѣчаясь съ длинною вереницею чувашскихъ повозокъ и погоняя свою тройку, хлещетъ плетью каждаго изъ сидящихъ на повозкахъ, приговаривая: „держи собака, чувашская лопатка“. Желая избѣгнуть всякихъ столкновеній и сохранить свое имущество и женъ, чуваши удалялись съ болѣе открытыхъ мѣстъ, гдѣ нѣсколько столѣтій сряду занимались земледѣліемъ и скотоводствомъ и поселялись въ дебряхъ и лѣсахъ, вдали отъ проѣзжихъ на глубинѣ овраговъ и возлѣ проточной воды,—почему многія чувашскія селенія и называются такія то сирмы (оврагъ). Вотъ причина, отчего на значительномъ пространствѣ большаго тракта, встрѣчаются чувашскія села довольно рѣдко. Кой гдѣ вправо и влѣво, вдали можно замѣтить отдѣльно стоящій чувашскій хуторъ и то это уже новѣйшее поселеніе. Чувашская деревня или поселокъ замѣтенъ лишь тогда, когда къ ней подъѣзжаешь на самое близкое разстояніе. Вблизи поселка почти всегда есть роща, болѣе или менѣе обширная. Все поселеніе въ совокупности представляетъ въ планѣ видъ неправильнаго овала, составленнаго изъ такихъ же отдѣльныхъ маленькихъ. Этимъ и отличаются чувашскія селенія отъ черемисскихъ, расположенныхъ также малыми группами, но въ длину, на протяженіе нѣсколькихъ верстъ, тогда какъ у чувашъ это расположеніе идетъ по кругу и имѣетъ свое бытовое значеніе. Почитая своихъ стариковъ, главъ семействъ и родоначальниковъ, чуваши живутъ и работаютъ семьями. Почитаніе главъ семействъ, старшихъ, поясняетъ тотъ обычай

по которому чуваши только младшихъ называютъ по именамъ, а старшихъ всегда величаютъ дядюшкою, либо братцемъ, если старшій братъ. Чтобы безошибочно узнать настоящее названіе мѣстажительства чувашенина, необходимо знать имя родоначальника, поколѣнія и семью. Эта особенная способность жить и дѣйствовать семействами, виною тому, что чуваши селятся семьями, со взрослыми дѣтьми и внучатами, на одной и той же избранной и образующей околодокъ, мѣстности. По прошествіи цѣлаго ряда лѣтъ, семейство разростается и не находя болѣе удобнаго мѣста, для постройки хижины и заведенія хозяйства, на дворѣ первоначаль о избранной поляны, поселяется по близости, начиная новый родъ и основывая новый поселокъ. Это же случается если отецъ умираетъ и неудобство дѣлежа вынуждаетъ одного изъ братьевъ завестись отдѣльнымъ хозяйствомъ. Новый хозяинъ строится какъ ему вздумается, какъ ему удобнѣе, оставляя въ промежуткѣ съ сосѣдственными дворами, узкій, ломанный или змѣеобразный проѣздъ, которыми переполнены чувашскія деревни, затрудняя не мало каждаго проѣзжающаго. Этотъ новый дворъ носитъ названіе своего строителя, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ удерживаетъ и то прозвище, которымъ звали все это мѣсто по его отцу, а это послѣднее въ свою очередь не теряетъ названіе своего родоначальника, чѣмъ и объясняется, что въ чувашскихъ земляхъ, согласно спискамъ населенныхъ мѣстъ, одна и таже деревня, выселокъ, хуторъ, околодокъ носятъ нѣсколько названій и изъ нихъ многіе, съ прибавленіемъ кассы, ялъ, сала, т. е. выселокъ, околодокъ. Названіе чувашскихъ поселокъ по именимъ родоначальниковъ не есть исключительное; прозываются селенія также по урочищамъ: рѣчькѣ, оврагу, лѣсу, горѣ и т. д., сохраняя однакожь общую черту. Наконецъ есть селенія съ чисто татарскими и другими названіями: Татаркассы, Топыранъ, Калмыкъ-кассы, Пошкарды. Про первое селеніе Михайловъ повѣствуетъ, что оно было основано бѣжавшимъ изъ подъ Казани въ 1552 г. татариномъ, около котораго поселились чуваши. Характеристика подобныхъ неправильно построенныхъ деревень есть впрочемъ общая во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ дорожатъ однимъ какимъ либо мѣстомъ, по семейному ли преданію, по удобству мѣстоположенія или по недостатку воды. Многіе южно-русскіе поселки, такого же неправильнаго вида, съ такими же переулками, что происходитъ исключительно отъ такого же расположенія деревушекъ по оврагамъ около хорошей воды. И тутъ разумѣется разростается жилое

строеніе такимъ же увеличеніемъ родства семьи, но только тамъ болѣе двухъ названій деревнѣ не придаютъ. Чаще всего при этомъ русскіе поселки носятъ названіе своего основателя или подобное, съ прибавленіемъ къ сему имени церковнаго праздника. Послѣднее встрѣчается также и между чувашскими поселками, тамъ гдѣ построена церковь. Она стоитъ отдѣльно, окруженная причетническими строеніями и рощею, образуя свой особый поселокъ, носящій церковное имя. Годовъ 30 тому назадъ начали обращать вниманіе на болѣе правильное расположеніе чувашскихъ деревень. 10—30 отдѣльно стоящихъ дворовъ вмѣстѣ, образуютъ околодокъ, выселокъ; но есть много чувашскихъ деревень и селъ отъ 90—200 дворовъ. Аноровъ, описывая чувашскія деревни, восхищается ихъ здоровымъ мѣстоположеніемъ и поразительною чистотою, какая соблюдается на дворѣ и гумнѣ. Послѣднее неудивительно, такъ какъ оно относится до хозяйства, порядочность и расчетливость которого составляетъ богатство чувашъ.

Избы ихъ строятъ, по принятому обычаю обращая къ востоку. Бѣлыя избы вводятся съ 1839 года, но дѣло это идетъ очень медленно, не мало вліяя этимъ на развитую между чувашами глазную болѣзнь. Лаптевъ говоритъ, что въ теченіе 21 года передѣланы на бѣлыя избы всего $^1/_{14}$. Нужно полагать, что теперь земство, печась о здравіи народа, приметъ свои мѣры и курныя избы станутъ исчезать скорѣе. Онѣ внутри, отъ постоянной копоти, какъ бы покрыты глянцемъ. Полъ не кладется, а дѣлается изъ битой глины, имѣя видъ, одинаково, какъ стѣны и всѣ остальныя предметы внутренности, совершенно черный. Другой мебели кромѣ наръ, шириною въ ростъ человѣка, нѣтъ; подъ нарами устраиваютъ подполье, для храненія болѣе цѣнныхъ вещей и другихъ принадлежностей. При входѣ въ избу, съ правой стороны, устраивается чуланъ; съ лѣвой стороны устроено волоковое окно, отверстіе въ видѣ параллелограмма, съ деревянною задвижкою съ боку, куда ставились прежде свѣчи, во время поминокъ. Печь сдѣлана изъ битой глины, съ очагомъ. Надъ печью устраивается отверстіе для дыма, впрочемъ не всегда. Стекла, весьма часто замѣнютъ коровьимъ пузыремъ. Вблизи отъ дома помѣщаются анбары, иногда въ 2 этажа. Непремѣнною принадлежностію чувашскаго двора, пивоварня, устроиваемая даже бѣдными, гдѣ нибудь въ углу. У болѣе зажи-

точныхъ эта пивоварня покрывается навѣсомъ. Вблизи ея находится погребъ, для большаго удобства при вареніи. Михайловъ замѣчаетъ, что чувашское пиво и квасъ, приготовляемые въ селеніяхъ, куда заѣзжаютъ русскіе, составляютъ единственный чистый напитокъ, такъ какъ у чувашъ поятъ водою изъ одного и того же котла всѣ живыя домашнія существа: дѣтей, гостей и скотъ. Лѣтомъ они живутъ въ лачугахъ причемъ жизнь чувашъ за это время очень похожа на кочевую. Многіе изъ нихъ пекутъ хлѣбъ и готовятъ пищу тамъ же и въ такомъ случаѣ, изба остается пустою большую часть года. По срединѣ лачуги устроенъ огачъ, надъ которымъ виситъ на крюкѣ котелъ съ дневною пищею. Кругомъ стѣнъ стоятъ лавки; около двери въ углу стоитъ столъ, а кругомъ его чурбанки, обрубки бревенъ вмѣсто стульевъ. Кромѣ того въ лачугахъ есть еще другая дверь съ противуположной стороны, возлѣ которой чуланъ, гдѣ хранится вся домашняя принадлежность.

Какъ избы, такъ анбары и лачуги устроиваются прочно изъ бревенъ, но лачуги безъ конопатки мхомъ, за то стѣны внутри покрыты дранью или древесною корою. Вблизи огача оставлено въ крышѣ лачуги отверстіе, для прохода дыма. Дверь обыкновенная и съ деревяннымъ замкомъ.

Чуваши въ общей сложности народъ зажиточный, представляя въ этомъ случаѣ рѣзкую противуположность съ татарами. Между ними почти нѣтъ нищихъ, по крайней мѣрѣ ихъ рѣдко встрѣтить въ чувашской деревнѣ, а исправный платежъ податей доказываетъ какъ состоятельность, такъ и порядочность распредѣленія ихъ жизни между отдыхомъ и занятіями. Рѣдкій изъ крестьянъ не имѣетъ у себя въ анбарѣ годоваго запаса хлѣба, притомъ если не больше, то онъ уже считается бѣднѣйшимъ между одно ельцами, изъ коихъ многіе хранятъ еще дѣдовскій хлѣбъ. Тѣмъ не менѣе какъ бѣдный такъ богатый одѣваются одинаково неприхотливо — въ онучи и лапти и единственнымъ признакомъ степени ихъ состоятельности служитъ большей или меньшей величины дворъ съ разной постройкой и въ особенности большое число анбаровъ, ульевъ и разная скотина. Когда облегченный способъ сообщенія не достигъ еще восточной полосы Россіи, въ то время скирды хлѣба, поѣдаемые мышами стояли въ этихъ краяхъ изъ года въ годъ, единственно по невозможности сбыта. Западная часть казанской губерніи и

вообще вся чувашская земля, включая сюда и сѣверную часть симбирской губерніи, донынѣ лишена новѣйшихъ удобствъ сообщенія, за исключеніемъ побережнаго съ Волгою пространства. Но за тѣмъ еслибъ когда нибудь перерѣзала желѣзная дорога чувашскую землю, то едвали бы въ такомъ случаѣ чуваши измѣнили свой образъ жизни. Эта нетронутая житница, которая разомъ можетъ доставить, безъ малѣйшаго матеріальнаго ущерба не менѣе 1 м. четвертей хлѣба, опорожнила бы свои анбары, но не увеличила бы оборотный капиталъ государства на вырученные рубли, которые еще долгое время будутъ храниться въ завѣтныхъ мѣстахъ, составляя непроизводительное богатство чувашъ, какъ нынѣ обмолоченный хлѣбъ.

На такую притаенность ихъ состоянія имѣло вліяніе крайне безотвѣтное съ ними обращеніе нашей прежней губернской администраціи. На чувашъ смотрѣли, какъ на безсловесныхъ, робкихъ, каковы они въ дѣйствительности есть и были во время владычества татаръ, которые ихъ зовутъ чувашъ-ювашъ т. е. робкіе чуваши. Здѣсь кстати привести ту поговорку, которая общеупотребительна у чувашъ: богатѣетъ татаринъ—беретъ себѣ жену; богатѣетъ русскій—покупаетъ себѣ лошадь; богатѣетъ чувашинъ—платитъ бѣду.

Эти робкіе чуваши платили дань всѣмъ и каждому законно и незаконно пріѣзжавшему администратору, но болѣе всего они боялись и боятся до нынѣ наѣзда суда. Такое несчастіе извѣстно у нихъ подъ названіемъ сухой бѣды, кончавшейся нерѣдко большими поборами, но главное, оторваніемъ чувашъ отъ ихъ сельскихъ работъ. Эти поборы заставили чувашъ казаться бѣднѣе, грязнѣе, чѣмъ они въ дѣйствительности есть. Недостаточное знакомство съ чувашами и ихъ скрытность ввели русскихъ въ заблужденіе, а кажущаяся неопрятность, вызванная условіями жизни, была причиною укорененія между здѣшнимъ русскимъ народомъ пословицы: не опрятенъ какъ чувашинъ,—тогда какъ подобный образъ жизни, скрывая настоящія средства, отвлекалъ лишь алкавшихъ нажиться на счетъ трудоваго богатства чувашъ. Что такая незатѣйливая жизнь ведется ими сознательно и по необходимости, но могла бы измѣниться въ границахъ чувашской бережливости, этому можетъ служить доказательствомъ ихъ требовательность, при посѣщеніи постоялыхъ дворовъ и трактировъ. Тутъ по мнѣнью чувашина, ни

чистота, ни убранство, ни пища, пиво и вино, не стоятъ тѣхъ денегъ, которыя онъ платитъ.

Между особенностями чувашскаго быта достойны вниманія слѣдующія: у некрещеныхъ новый годъ начинается 15 ноября и совпадаетъ съ ихъ праздникомъ кӳрь-сыры, (осеннее пиво) посвященнымъ торѣ. Годъ по ихъ счету имѣетъ 13 мѣсяцевъ, именно:

1) Йоба-ойхъ-ноябрь, мѣсяцъ поминовенія усопшихъ.
2) Чукъ-ойхъ, часть ноября и декабря, мѣсяцъ жертвы.
3) Мунъ-кырлачъ-ойхъ, большой оцѣпѣняющій мѣсяцъ часть декабря и января.
4) Кизинь-кырлачь ойхъ, менѣе оцѣпѣняющій мѣсяцъ часть января и февраля.
5) Норусъ-ойхъ, мѣсяцъ новаго года, февраль и часть марта.
6) Пожа-ойхъ, порожній мѣсяцъ (отъ тяжелой работы) мартъ.
7) Агга-ойхъ, мѣсяцъ пашни (для яроваго хлѣба) апрѣль и часть мая.
8) Сю-ойхъ, мѣсяцъ лѣтній часть мая и іюнь.
9) Хирь-ойхъ, мѣсяцъ невѣсты іюнь и часть іюля. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ 9 и 10 мѣсяцы составляютъ одинъ, но за то въ промежутокъ 2-го и 3-го мѣсяцевъ считается рождественскій мѣсяцъ—раждовъ-ойхъ
10) Уда-ойхъ, мѣсяцъ сѣнокоса, іюль.
11) Ҫӧрла-ойхъ, мѣсяцъ серпа, іюль и часть августа.
12) Йидинь-ойхъ, мѣсяцъ льна, сентябрь.
13) Авынъ-ойхъ, овинный мѣсяцъ, октябрь.

Названіе мѣсяцевъ, какъ видно соотвѣтствуетъ занятіямъ и быту чувашъ по временамъ года. 6-ть мѣсяцевъ названы по сельскимъ работамъ, 3 мѣсяца, по совершенію разныхъ обрядовъ, а 4 соотвѣтствуютъ состоянію погоды, слѣдовательно и мѣстужительства въ хижинахъ или лачугахъ и отчасти—образу жизни. Тутъ слѣдуетъ замѣтить, что 5-ый мѣсяцъ норусъ-ойхъ получилъ свое названіе отъ персидскаго наурусъ т. е. новый годъ, который начинался у персовъ съ 9 марта или съ началомъ весны.

Не смотря на то, что чуваши живутъ разбросанно своими семьями и дворами, ведутъ жизнь аккуратную и неприхотливую, нельзя отвергать, чтобы они не любили общества, не ходили бы сами въ гости и не принимали бы

къ себѣ. Въ свободное отъ занятій время, особенно по вечерамъ, они засиживаются другъ у друга до поздней ночи и выкуривая трубку за трубкою, сидятъ хозяинъ и его досъ т. е. человѣкъ которому онъ далъ обѣтъ неразрывной дружбы, либо хорошій знакомый, родственникъ, разсказывая все то, что недавно видѣли и слышали въ городѣ, на базарѣ, разсуждая объ урожаѣ и сбытѣ хлѣба и даже о торговлѣ, кто ею занимается. Занимающіеся торговлею и болѣе присмотрѣвшіеся къ лучшей жизни соблюдаютъ опрятность и чистоту и потому не только ихъ избы ни чѣмъ не отличаются отъ опрятныхъ и чистыхъ русскихъ избъ, но и посуда, кіотъ или божница, содержатся въ щеголеватомъ видѣ. У такихъ крестьянъ можно найти и русскую баню, тогда какъ у другихъ она заводится одинаково тихо, какъ и перестройка бѣлыхъ избъ. Эта черта, отсутствіе бань, принадлежность всѣхъ финскихъ племенъ и русскихъ, уже одна указываетъ на непринадлежность чувашъ къ финскому племени. Лѣтомъ они купаются, но это недостаточно среди неутомимыхъ земляныхъ работъ. Зимою для соблюденія доступной опрятности, за неимѣніемъ бань, они моютъ себѣ голову ежемѣсячно горячею водою, особеннно женщины, которыя въ это время завѣшиваютъ свой уголокъ какими нибудь тряпицами. Дѣвицы для приданія волосамъ блеска и чтобы сдѣлать ихъ свѣтлѣе примѣшиваютъ къ горячей водѣ, сквашенное молоко—ойранъ.

Пищу они готовятъ два раза въ день, а ѣдятъ три раза: завтракъ—ирьги-абатъ, обѣдъ—кундурги-абатъ и ужинъ—касьхи-абатъ.

Лѣтнимъ временемъ они спятъ, гдѣ попало: въ анбарахъ, въ лагучахъ, подъ навѣсомъ на сѣнѣ, но дѣвицы по большой части помѣщаются въ анбарахъ на перинахъ—тюжекъ, съ длинными, какъ мѣшокъ подушками—сидаръ, ихъ приданое. Женатые также спятъ на перинахъ причемъ мужъ съ женою располагаются врозь головами, упираясь другъ въ друга пятами, прочіе же на войлокахъ, на кошмахъ или кафтанахъ. Но есть и побѣднѣе, которые довольствуются голыми досками и однимъ кафтаномъ.

И у нихъ бываютъ свои сходки, для обсужденія разныхъ домашнихъ дѣлъ, между прочимъ бываютъ случаи обсуживанія виновности, либо какого нибудь дѣла, касающагося просящаго или обвиненнаго. Въ такомъ случаѣ подсуди-

мый обращается къ народу такимъ образомъ: черный народъ, не оставьте меня, чистую голову мою не погубите. Въ этой просьбѣ достойно вниманія слово черный, имѣющее свое историческое происхожденіе со временъ болгаръ, которые дѣлились на черныхъ и серебряныхъ, изъ коихъ первые жили на Дунаѣ, а вторые—волжскіе болгары. Въ смыслѣ дѣленія болгаръ, слово черный не имѣемъ значенія, такъ какъ исторіи неизвѣстно было ли какое нибудь соревнованіе по происхожденію между тѣми и другими. Я объясняю себѣ это выраженіе, какъ соотвѣтствующее черной одеждѣ, которая перешла изъ халифата и водворилась со временъ Алмоса при дворѣ болгарскомъ. Буртасы, ѣздившіе въ Болгары, какъ въ единственное близкое и сосѣдственное торговое мѣсто, могли прежде всего замѣтить разницу въ одеждѣ между народомъ и правленіемъ, примѣнивъ этотъ цвѣтъ къ своему быту, ко всему что почитается и красиво. Такимъ же образомъ чуваши нынѣ говорятъ хора Васька т. е. черный Васька или молодецъ, красавецъ Васька. Красавицу у нихъ зовутъ хора хирь, черная дѣвица (¹).

Русскіе всѣхъ чувашей зовутъ Васильями Ивановичами причемъ преданіе говоритъ, что іеромонахъ Пуцекъ-Григоровичъ, впослѣдствіи казанскій митрополитъ, обращавшій чувашъ въ христіанство, крестилъ ихъ цѣлыми толпами, давая имъ свое свѣтское имя Василій; воспріемникомъ же былъ діаконъ Иванъ Аѳанасьевичъ, получившій потомъ мѣсто въ одномъ изъ чувашскихъ приходовъ.

Чуваши смотрятъ на свою жену, какъ на человѣка, котораго они должны любить, какъ на существо имъ вмѣстѣ съ тѣмъ вполнѣ подчиненное и способное быть не только подспорьемъ мужа, но и трудиться въ одинаковой съ нимъ мѣрѣ. Отъ этого нигдѣ вѣроятно женщины не работаютъ такъ усердно дома и въ полѣ, какъ у чувашъ; нигдѣ онѣ не ѣздятъ такъ лихо верхомъ, какъ тамъ, за то также этотъ двойной трудъ не остается безъ хорошихъ вознагражденій, какъ для дома, такъ и для жены. Украшенія и наряды женщинъ, сообразно вкусу чувашъ отличаются не только своимъ числомъ, но и богатствомъ и если бы чувашамъ была извѣстна цѣнность драгоцѣнныхъ камней, если бы они въ своей глуши имѣли понятіе о другихъ украшеніяхъ, то

(¹) Статья Михайлова каз. губ. вѣд. 1853 г. № 22.

вѣроятно бы все это неминуемо появилось на рукахъ, шеяхъ, въ ушахъ и на головѣ ихъ женъ. Жительство въ лѣсахъ, неприхотливая ихъ натура, закаленная въ лишеніяхъ, исключительное производство нѣкоторыхъ только сырыхъ продуктовъ и сбытъ ихъ на деньги, при нѣкоторой скупости, родили мысль украшать своихъ женъ тѣми же деньгами, сохраняющими свое значеніе во всякое время. Такое ихъ употребленіе не болѣе какъ разумно, если только оно удовлетворяетъ вкусу, причемъ сохраняется тотъ капиталъ, который мы всѣ платимъ, за выдѣлку золотыхъ издѣлій, которыя тамъ хотя и грубой работы, но выдѣлываются ими на дому. Жена, хозяйка дома имѣетъ свое слово и мнѣніе, которыя съ рожденіемъ дѣтей, въ особенности сына, пріобрѣтаютъ тѣмъ большее значеніе. До рожденія этого сына чувашенинъ зоветъ свою жену по имени или просто жена, но съ рожденіемъ его, она получаетъ свой титулъ: мать Василія, или вообще первенца.

Тамъ гдѣ преобладаетъ физическій трудъ, на которомъ все основано, тамъ дорожатъ дѣтьми не только потому, что это своя кровь и плоть, но и въ надеждѣ, что въ будущемъ есть помощникъ, благодаря матери этого ребенка.

Въ массѣ разныхъ народовъ сознается тоже самое, но не вездѣ имѣютъ предъ глазами муки и страданія матери, родившей и вскормившей ребенка. Такое олицетвореніе существа матери не только коснулось ихъ обыденной жизни, но перешло и въ ихъ прежнюю религію, гдѣ можно встрѣтить множество матерей всѣхъ возможныхъ боговъ.

Договоры и условія между чувашами подкрѣпляются рукопожатіемъ, которое замѣняетъ всякіе судебные порядки и между собою цѣнится выше всего. Но существуетъ еще и по нынѣ присяга, по Сбоеву полу-христіанская, состоящая въ томъ, что обвиняющій покупаетъ вино и приводитъ обвиненнаго къ церкви. Послѣдній взглянувъ на крестъ, долженъ выпить вино и сказать: ей Богу, не говорилъ, не обѣщался. Можно было бы ограничиться разсказомъ вышеприведенной очистительной присяги, но такъ какъ не всѣ еще чуваши приняли христіанство, то нельзя не упомянуть о другихъ подобныхъ же языческихъ присягахъ, которыя существовали во время Палласа, Миллера и по всей вѣроятности сохранились въ томъ или другомъ околодкѣ, всецѣло. Если чувашенинъ не сознался въ своей винѣ, то зажигали лутошку, вырубленную изъ кереметя, заставляя за тѣмъ его перешагнуть чрезъ нее,

и произнося: да буду я также сухъ, какъ эта палка, если говорю неправду. Затѣмъ ложась на землю, онъ долженъ былъ ее поцѣловать, выпить стаканъ вина или соленой воды и съѣсть кусочекъ посоленаго хлѣба.

Вступавшіе въ военную службу присягали, съѣдая кусочекъ посоленнаго хлѣба съ крестообразно сложеннаго оружія, что уже нынѣ не дѣлается.

Для приведенія къ присягѣ въ прежнихъ судахъ, приходили съ присягающимъ іомсю, ихъ жреца, который клалъ въ ротъ съ острія ножа кусокъ хлѣба, а присягающій въ это время долженъ былъ говорить: чтобъ мнѣ никогда этого не видать, если я лгу или неисполню своего слова. Такіе обряды при настоящихъ преобразованіяхъ, какъ то не вяжутся болѣе, хотя они должны имѣть свою силу тамъ, гдѣ язычество продолжается, либо остается совершенно отмѣнить присягу язычествующихъ, не понимающихъ и не знающихъ христіанскихъ обрядовъ. Весьма замѣчательно также показаніе Лаптева, по которому язычествующихъ чувашей приписываютъ къ ближайшей мечети между тѣмъ какъ они туда не ходятъ, но при слѣдственныхъ дѣлахъ, принимаютъ присягу одинаково какъ татары по мухаммеданскому обряду. Уже это одно слишкомъ ясно указываетъ на необходимость совершеннаго уничтоженія язычества, хотя бы въ будущемъ молодомъ поколѣніи, обученіемъ ихъ въ училищахъ и приходахъ.

Между тѣмъ ученіе чувашскихъ дѣтей и распространеніе грамотности идетъ довольно туго и къ народу не привилась еще вполнѣ сознательная охота къ обученію дѣтей. Одна изъ причинъ разумѣется та, что чуваши слишкомъ небогаты своею литературою и все, что написано на ихъ языкѣ, исходитъ отъ русскихъ. Кромѣ того они не имѣли пока убѣдительныхъ фактовъ въ пользѣ ученія, которое по новизнѣ дѣла, съ 1839 года, не успѣло проникнуть во всѣ закоулки чувашской земли. По свѣдѣніямъ Лаптева въ 1839 г. было 17 учениковъ, въ 1845 ихъ было 55, а въ 1857—280. Теперь ихъ будетъ не болѣе 1100 человѣкъ, считая прогрессивное обученіе изъ года въ годъ. Полагая по Лаптеву, что общій процентъ дѣтей и юношей до 20 лѣтъ, 50% и что изъ нихъ всѣхъ могущихъ учится съ 8—16 лѣтъ 20% выходитъ, что такого возраста между чувашами можетъ быть 70/т. д. об. п., относительно которыхъ 1100 человѣкъ со-

ставляетъ не болѣе 1,5% обоего пола; такъ что собственно на мужской полъ приходится не болѣе 1,1% а на женскій 0,4% и то такое исчисленіе, основанное па предположеніяхъ, скорѣе можно считать преувеличеннымъ. Тѣмъ не менѣе грамотность между чувашами уже проявляется и изъ сельскихъ приходскихъ и уѣздныхъ школъ выходятъ достаточно грамотные и разумные народные дѣятели, исправляющіе отлично хорошо разныя писарьскія должности, такъ что случай, описаный г. Сбоевымъ, о значеніи прежнихъ русскихъ писарей, которыхъ боялись больше чѣмъ Бога, нынѣ уже не имѣетъ никакого примѣненія. Вмѣстѣ съ тѣмъ русскій языкъ пріобрѣтаетъ межъ нихъ, съ каждымъ годомъ, большую и большую гражданственность, но есть еще много такихъ, которые вовсе не говорятъ по русски; остальные же, по особенности звуковаго органа не могутъ пріучиться совершенно чисто и правильно произносить русскія слова. Что касается до женщинъ, то онѣ только затверживаютъ русскія слова, соединяя ихъ по своему такъ какъ наше словосочиненіе имъ вовсе не дается (1).

Вообще нельзя сказать, чтобъ дѣло обрусѣнія не шло впередъ много вспомоществуемое новымъ поколѣніемъ, для котораго русскій языкъ тоже самое, что для татарскаго арабскій т. е. щегольство рѣчи. Но ежегодный процентъ приращенія развитія между чувашами идетъ медленнѣе, нежели какъ слѣдовало бы этого ожидать, судя по успѣхамъ учениковъ. Они не только показали способность къ развитію, но въ будущемъ обѣщаютъ гораздо больше, выказывая хорошія призванія къ той или другой отрасли дѣятельности. Такъ появились священники изъ чувашъ, болѣе значительные торговцы, писаря, сельскіе учителя и всѣ они ни въ чемъ не уступаютъ русскимъ, напротивъ того, какъ только они успѣвали стряхнуть съ себя вѣковой мохъ угнетенія, дикости и затворничества, во многихъ случаяхъ чуваши выказывались очень способными и не мѣнѣе смѣтливыми, чѣмъ русскій крестьянинъ. Между ними появился даже писатель Михайловъ на русскомъ языкѣ, который помѣщалъ въ казанскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ рядъ интересныхъ статей о своихъ собратіяхъ и удостоился даже быть членомъ сотрудникомъ Императорскаго русскаго географическаго об-

(1) Сбоевъ стр. 8 и Н. И. Золотницкій.

щества. Мы же въ настоящемъ разборѣ, пользовались во многихъ случаяхъ его указаніями.

Болѣе и желать не слѣдуетъ, но дай Богъ, чтобы такіе оттѣнки чувашской способности проникли скорѣе въ недра народа, который слишкомъ въ этомъ нуждается, а не толпились бы исключительно около городовъ и большихъ селъ. Намъ кажется, что какъ въ прежнее время разсадниками русскаго духа были монастыри, такъ въ настоящее время, кромѣ школъ принесли бы много пользы три, четыре отличныхъ промышленныхъ заведенія, фабрикъ, по разнымъ мѣстамъ сердцевины чувашскаго обиталища; кожевенныя, стеклянныя, чугунно-литейныя, бумажныя и т. п. выдѣлки, вращая около себя чувашъ, среди заботъ объ ихъ здоровьѣ, призрѣніи и воспитаніи фабричныхъ дѣтей, принесли бы огромную пользу не только имъ, но и всему населенію губерніи, которая нуждаясь во всѣхъ этихъ произведеніяхъ, получаетъ ихъ или изъ далека, либо лишена ихъ вовсе, на нѣкоторое время, по несовершенству путей сообщенія. Въ этомъ отношеніи нуждается болѣе всего цивильскій уѣздъ, гдѣ нѣтъ ни одного промышленнаго заведенія и куда вообще русская народность вовсе не проникла. Чувашское скотоводство вмѣстѣ съ извѣстнымъ уже въ казанской губерніи кожевеннымъ производствомъ еще болѣе возвысило бы эту отрасль промышленности, тогда какъ напримѣръ бумажная фабрика для такой губерніи, которая отвѣчаетъ требованіямъ разсадника образованія восточнорусскаго края, болѣе чѣмъ слишкомъ необходима.

Бывалые чуваши, бойкіе и ловкіе, владѣющіе русскимъ языкомъ, справляютъ и до нынѣ обязанности довѣренныхъ лицъ и извѣстны подъ названіемъ коштановъ. Въ прежнее время чуваши бѣжали на встрѣчу подобнымъ личностямъ, лишь бы только самимъ избавиться отъ явки въ судъ и отъ хлопотъ. Коштаны этимъ пользовались, наживались и нерѣдко усложняли и запутывали дѣло. Теперь хотя они продолжаютъ существовать, но въ нихъ уже болѣе не нуждаются въ той мѣрѣ какъ прежде. И друзей, досовъ, стало меньше чѣмъ было, когда святость дружбы подкрѣплялась обоюдными подарками въ видѣ улья, кафтана, сапоговъ и т. д. Имъ же подносили вино, при входѣ въ избу, въ знакъ особаго привѣтствія, что и теперь продолжается, но только подносятъ его уже не досамъ, а семейнымъ пріятелямъ, хорошимъ

знакомымъ, какихъ вездѣ встрѣчается много, пока не выкажутся. За то продолжаютъ еще свое дѣло среди крещеныхъ, въ видѣ старыхъ погудковъ на новый ладъ, іомси, ихъ прежніе жрецы, нынѣ деревенскіе колдуны, знахари. Они занимаются ворожбою и леченіемъ болѣзней напитками и травами, принося этими средствами нерѣдко страшный вредъ больному. Но у некрещеныхъ, іомся играетъ гораздо болѣе видную роль. Исполняя всѣ духовныя требы въ своихъ сильно порубленныхъ священныхъ рощахъ, въ одинаковой съ остальными крестьянами одеждѣ, онъ опредѣляетъ время, качество и количество жертвоприношеній, которыя восходятъ иногда до 20 головъ мелкаго скота на человѣка, какъ это дѣлается напримѣръ, при выходѣ замужъ дѣвицы, для избавленія ея отъ всякой порчи и вообще несчастія. Всѣ эти обряды совершаются теперь съ великимъ затрудненіемъ, такъ какъ лѣса не представляютъ болѣе прежнихъ удобствъ, исполнять языческіе обряды и приносить жертвоприношенія безъ всякой помѣхи со стороны христіанъ. Настоящіе іомси не утративъ своего значенія, отвыкли тѣмъ не менѣе играть роль своихъ праотцевъ и потому язычники чуваши представляютъ смѣсь какого то смутнаго понятія о христіанствѣ, при неточномъ соблюденіи прежнихъ правилъ язычества.

О характерѣ и нравѣ чувашъ, говорено было вскользь выше, при изложеніи ихъ крестьянскаго быта и потому тутъ остается лишь дополнить этотъ отдѣлъ слѣдующими показаніями разныхъ источниковъ. Чувашинъ по природѣ добродушенъ, готовъ простить и помочь ближнему. Будучи трудолюбивъ и неизбалованъ, онъ вполнѣ довольствуется тѣмъ, что у него есть, переходя иногда въ такого рода расчетливость, которая скорѣе похожа на скупость. Такъ напримѣръ, онъ нерѣдко замѣняетъ деготь на смазку колесъ коровьимъ масломъ, не потому чтобъ это было дешевле, но только бы не покупать то, что можетъ быть замѣнено домашнимъ средствомъ, хотя бы и болѣе дорогимъ. Далѣе онъ себѣ во многомъ отказываетъ: въ улучшенной пищѣ, хорошей одеждѣ не только изъ видовъ скрыть свое состояніе, но также изъ желанія пріобрѣсти лишнюю копѣйку и потому масло, молоко овощи, лишній скотъ и домашнія птицы и настрѣленная дичь, все это немедля везется на базаръ и продается, тогда какъ его семейство и онъ самъ остаются при одномъ необходимомъ. Въ исполненіи законовъ и своихъ обязательствъ они

необыкновенно точны; такъ Лаптевъ пишетъ, что никогда не случалось открывать въ чувашскихъ деревняхъ бѣглыхъ, скрываемыхъ съ ихъ вѣдома; также не было случаевъ побѣга между чувашами изъ военной службы. Послѣднее и я могу подтвердить, прибавивъ къ этому еще то, что весьма рѣдко мнѣ случалось слышать о подсудимости солдата изъ чувашъ, тогда какъ между татарами это случается безпрерывно. Въ отчетѣ губернскаго статистическаго комитета за два года оказывается, что въ 1867 году чуваши по числу совершенныхъ преступленій въ губерніи занимаютъ 5 мѣсто, какъ 1: 608, а за 1868 годъ 4 мѣсто, какъ 1: 342 Хотя между этими двумя годами и есть большая разница, но все таки изъ 5 иноплеменныхъ народностей одна мордва стоитъ постоянно выше всѣхъ другихъ, русскіе же за послѣдній годъ стали выше чувашъ.

Въ статьѣ казанскихъ губернскихъ вѣдомостей за 1855 годъ № 16, упрекаютъ чувашъ въ 2-хъ видахъ преступленій—конокрадствѣ и пьянствѣ. Мнѣ кажется, что эта давнишняя наклонность къ напиткамъ, съ распространеніемъ нынѣ распивочныхъ, должна быть одна изъ губительнѣйшихъ причинъ ихъ нравственнаго упадка и главная вина той разницы, которая оказывается въ совершеніи преступленій двухъ годовъ сряду, причемъ въ послѣднемъ преступленія удвоились. При изслѣдованіи этого важнаго предмета на мѣстѣ не окажется ли, что въ 1868 году увеличилось особенно сильно число питейныхъ заведеній въ чувашскихъ селахъ, куда ихъ перенесли послѣ того, какъ между русскими созрѣло сознаніе къ нѣкоторой воздержности?

Чуваши рѣдко ссорятся между собою и далеко не мстительны, но выведенные изъ терпѣнія похожи на звѣря, который рвется и мечется во всѣ стороны, не зная какъ и чѣмъ причинить наибольшій вредъ обидѣвшему. Въ прежнее время ихъ мщеніе заключалось въ томъ, что они вѣшались на дворѣ обидѣвшаго. Тогда пріѣзжалъ судъ, начиналось слѣдствіе и нескончаемыя притѣсненія не только хозяину того дома, гдѣ совершилось преступленіе, но и цѣлой деревнѣ. Такое несчастіе называлось у нихъ сухою бѣдою, какъ было объяснено выше. Хотя подобныхъ случаевъ теперь уже больше не бываетъ, но изъ этого способа мщенія можно было бы вывести то психическое заключеніе, что чувашъ не боится только себя самого и въ силу робости ко всему остальному,

паноситъ и причиняетъ себѣ вредъ, дѣйствуя косвенно злостнымъ образомъ на другаго.

Чуваши, какъ уже нѣсколько разъ было замѣчено, самые лучшіе хлѣбопашцы казанской губерніи по слѣдующимъ причинамъ: по врожденной наклонности; по близкому расположенію полей около ихъ усадьбъ; по той помощи, которую они требуютъ и получаютъ охотно отъ женщинъ въ этомъ дѣлѣ и по громадному запасу практико-агрономическихъ наблюденій о погодѣ, времени посѣва и т. п., передаваемыхъ изъ поколѣнія въ поколѣніе. Послѣднее до того замѣчательно, что многіе русскіе крестьяне, сосѣди считаютъ ихъ занимающимися волшебствомъ, тогда какъ любовь къ дѣлу и выгода заставила ихъ только быть болѣе наблюдательными и построить впослѣдствіи изъ сего цѣлую теорію практическихъ свѣдѣній. Унавоженіе дѣлается не по привычкѣ, но съ увѣренностію, что оно принесетъ пользу и потому они не только вывозятъ свой навозъ, но и отъ сосѣдей, если онъ въ излишествѣ у нихъ. Здѣсь не лишне замѣтить, что такую же цѣну придаютъ навозу китайцы, манжуры и монголы.

Пашутъ чуваши по преимуществу косулями, встрѣчаются впрочемъ плуги и сохи. Сѣнокошеніе раньше Ильина дня не дѣлается и потому сѣно бываетъ довольно жестко, старо, хотя и въ изобиліи. Они того убѣжденія, что если сѣнокошеніе начать раньше, то весь хлѣбъ побьетъ градомъ. Посѣвъ всегда оканчивается во время, а къ ноябрю весь хлѣбъ уже прибранъ въ анбарахъ, на гумнахъ же сверху шестовъ, оставляется одинъ снопъ для птицъ въ знакъ окончанія работъ и благодарности; такимъ образомъ если проѣзжающему деревню въ ноябрѣ придется замѣтить порожнія отъ хлѣба гумна, со снопами на шестахъ, то онъ можетъ быть увѣренъ, что въ ней живутъ чуваши. Если предвидится дурная погода, либо необходимо покончить работу скорѣе обыкновеннаго, то они берутъ въ помощь сосѣдей, не долго думая, но имѣя въ виду единственно важность самого дѣла. Этихъ помощниковъ угощаютъ по окончаніи работъ, смотря по полу и возрасту рабочихъ, причемъ вино стоитъ на первомъ планѣ. Вообще должно замѣтить, что чувашское сельское хозяйство очень похоже на ферменное, какъ по сосредоточенному его положенію, такъ по порядку и успѣшности производства. На это имѣетъ еще огромное влі-

яніе то, что у чувашъ поля нарѣзываются не каждогодно, но исключительно вслѣдъ за народною переписью, такъ что трудъ унавоженія, очищенія отъ камней, прорытія канавъ для осушенія мѣстности и тому подобныя пріемы, видимо не пропадаютъ для трудящагося, что вовсе не соблюдается въ русскомъ хозяйствѣ. Много имъ также помогаютъ во время засухи, близь лежащія рощи и вообще зелень, которая хотя и очень порублена, тѣмъ не менѣе сравнительно съ гладью татарскихъ полей, представляетъ достаточно видимый избытокъ тѣни и влажности, сберегаемой чувашами по мѣрѣ возможности. Имъ извѣстна исключительно трехпольная система: озимь, яровой и паръ. Засѣваютъ они: рожь, овесъ, ячмень, гречу въ маломъ количествѣ, ленъ, коноплю, пшеницу для домашняго употребленія, горохъ и хмѣль, отъ котораго въ прежнее время имѣли большую прибыль по его дороговизнѣ. Хлѣбъ исключительно жнутъ серпами. Молотьба яроваго хлѣба производится лошадьми, которыхъ гоняютъ по постановленнымъ снопамъ вокругъ столба, къ которому привязываются 3 или 4 лошади. Озимый хлѣбъ молотится цѣпами.

Замѣчательно что муку они вывозятъ на базаръ въ кожанныхъ большихъ сумахъ пютре, похожихъ на мѣха степныхъ жителей, въ которыхъ послѣдніе держутъ кумысъ и воду для питья.

Главнѣйшія произведенія, сбываемыя чувашами на базарахъ и въ городахъ суть: хлѣбъ, кожа, овчины, сало и яйцы. Многіе занимаются искючительно хлѣбнымъ сбытомъ, вымѣнивая его у односельцевъ на яйца, масло, птицы, и т. п. Было время да и во многихъ мѣстахъ, гдѣ чуваши попроще, еще до нынѣ всякій оттѣнокъ торговли находился въ рукахъ русскихъ промышленниковъ; теперь однакожъ появились такіе же ловкіе чуваши и русскіе мелкіе торговцы не могутъ похвалиться слишкомъ большимъ барышемъ. Но за то между чувашами нѣтъ еще такихъ крупныхъ торговцевъ, которые ворочили бы сотнями тысячъ, не по недостатку денегъ или вѣрнѣе кредита, но по боязни лишиться того, что имѣетъ, по влеченію довольствоваться малымъ, но вѣрнымъ. Отчасти тутъ виною также и неповоротливость ихъ натуры, какая то лѣнь, которую однакожъ нельзя себѣ объяснить съ ихъ неустанною работою во время жатвы, которая при благопріятной погодѣ продолжается нерѣдко и днемъ и ночью, въ особенности

если они предвидятъ скорую перемѣну. По прибрежью Волги и вблизи судоходныхъ рѣкъ, въ послѣднее время нѣкоторые изъ чувашей завели свои суда, нагружая и сплавляя хлѣбъ на заподряженныя мѣста, но такихъ примѣровъ немного.

Чуваши, знавшіе въ прежнее время изъ огородныхъ произведеній только рѣпу, нынѣ занимаются этимъ дѣломъ съ большою любовью, сажая: картофель, капусту, огурцы, рѣдьку, свеклу, морковь, лукъ, чеснокъ и бобы. Остальныя занятія состоятъ: по большимъ дорогамъ они служатъ въ ямщикахъ; около Волги можно встрѣтить хорошихъ и достаточныхъ рыболововъ, а бѣднѣйшіе идутъ въ бурлаки. Наконецъ многіе сохранивъ по наслѣдству влеченіе къ охотѣ, занимаются этимъ промысломъ не только выгодно, но съ увлеченіемъ; разная дичь и пушные звѣри вылавливаются ими разными ловкими способами. Промыслъ этотъ съ каждымъ годомъ падаетъ, по причинѣ постепеннаго уничтоженія большихъ лѣсныхъ пространствъ. Что касается до ремесла, то эта отрасль получила только въ недавнее время нѣкоторое приложеніе между ними. Плетенье кулей и лаптей составляетъ ихъ главное и народное производство. Весьма немногіе занимаются выдѣлкою телѣгъ и саней и столько же предалось портняжному мастерству. Лаптевъ говоритъ, что изъ 48/т. д. мужскаго пола ядринскаго уѣзда, только 2400 человѣкъ занимаются промыслами: 800 бурлачествомъ, 100 торговлею, 140 портныхъ и. т. д. По его же указанію, вся ремесленная и торговая дѣятельность находится въ рукахъ нижегородцевъ, почто правительствомъ были приняты мѣры къ распространенію между чувашами ремесленныхъ занятій. Такъ въ 1858 году отданы въ ядринскомъ уѣздѣ 57 сиротъ въ обученіе разнымъ ремесламъ. Шитью одежды 23 мальчика, кузнечному 15, овчинному 5, телѣжному 4, валяльному 1. Также въ Казани обучались въ тоже время мальчики печному, столярному, малярному, колесному и другимъ мастерствамъ. Если это продолжается, то принесетъ разумѣется огромную пользу странѣ и самимъ чувашамъ.

Женщины не менѣе трудолюбивы чѣмъ мущины и чѣмъ онѣ богаче, тѣмъ больше проявляется это качество, по мнѣнію г. Фуксъ. Ихъ атлетическое сложеніе, привычка переносить тѣже трудности, какъ мущины, вполнѣ соотвѣтствуетъ обще-принятой ими верховой ѣздѣ, для загона ли скота, либо для какой другой надобности. Онѣ одинаково хорошо па-

шутъ, косятъ на свой манеръ, отлично вышиваютъ самые разнообразные чувашскіе узоры на рубашкахъ шелкомъ и шерстью и ткутъ весьма крѣпкаго качества полотно и холстъ изъ льна и конопли высшаго достоинства чѣмъ мѣстное русское, по своей прочности и плотности. Словомъ, чувашка въ хозяйствѣ ни въ чемъ не уступитъ мужу, который чувствуетъ при вдовствѣ недостатокъ хозяйки болѣе, чѣмъ овдовѣвшая, привычная къ лишеніямъ, повиновенію, при свойственной женскому характеру изобрѣтательности и находчивости, въ особенности еще, если у нея есть дѣти подростки.

Въ прежнее время скотъ составлялъ у чувашъ первую отрасль хозяйства, когда удалившись съ полянъ въ лѣса, они лишены были средствъ къ воздѣлыванію нетронутой и заросшей среди лѣсовъ земли. Какъ во время кочевокъ, такъ тутъ въ лѣсахъ, скотъ составляя единственное ихъ богатство, по увѣренію Михайлова, могъ быть отличнаго достоинства. Но съ расширеніемъ круга земледѣлія, скотъ мало по малу отошелъ на второй планъ и нынѣ чуваши одинаково мало холятъ свою скотину улучшенною пищею, какъ находятъ не нужнымъ улучшать ее и для себя. Они кормятъ коровъ и овецъ почти исключительно одною соломою всю зиму. Сѣно получаютъ только лошади. Прежній крупный скотъ теперь очень измельчалъ и всѣ породы лошадей не больше вятскихъ, но безъ той силы и крѣпости, которыми славятся вятскія лошади. Птицеводство находится у нихъ въ лучшемъ состояніи и въ полномъ распоряженіи женщинъ, которыя за ними ухаживаютъ мастерски. Улучшенныхъ породъ, появившихся въ Россіи въ послѣднее время, не видно еще въ чувашскомъ хозяйствѣ.

Для разузнанія настоящаго положенія чувашскаго хозяйства и введенія промышленнаго производства, было бы время призвать этотъ народъ къ соревнованію, способомъ выставки произведеній казанской губерніи по народностямъ. Раздача денежныхъ наградъ, медалей, выдача преимуществъ, почетныхъ званій, наконецъ самая выставка, открытая для всякаго поселянина, многимъ бы раскрыла глаза, многому бы научила и вызвала бы подражаніе въ тѣхъ, которые по способности въ силахъ сдѣлать лучшее, да по невѣдѣнію самаго дѣла, не произвели и худшаго.

Однимъ изъ пріятнѣйшихъ для чувашъ препровожденій времени это базаръ, устраиваемый обыкновенно на площадяхъ ближайшихъ русскихъ деревень, либо по большимъ дорогамъ около постоялыхъ дворовъ, питейныхъ заведеній и т. п. Къ извѣстнымъ днямъ съѣзжаются на такіе площади чуваши и разставляя свои телѣги рядомъ, съ проходомъ по срединѣ, они сидятъ на своихъ телѣгахъ и покуриваютъ трубку, въ то время какъ женщины расхаживаютъ по лавкамъ въ наскоро устроенныхъ навѣсахъ, изъ тонкихъ жердей и полотна. На такіе торжки чуваши пріѣзжаютъ чтобъ повидаться съ сосѣдями, потолковать съ ними, выпить вина, закупить табаку, а наряженныя женщины, между тѣмъ, осматриваютъ и покупаютъ разные товары, принадлежности ихъ одежды и украшеній, въ видѣ: бисера, бусъ, шнурковъ и матеріи. Тутъ же продаютъ и для мущинъ: трубки, кушаки, шапки, подошвы и т. п. мужскія принадлежности. Другіе базары, имѣющіе общее для всѣхъ жителей значеніе, устроенные въ большихъ селахъ и городахъ, привлекаютъ чувашъ не только для пріятнаго препровожденія времени, но и для сбыта и покупки разныхъ сельскихъ произведеній. Эти базары, доставляя имъ двойную пользу, устававливаютъ и цѣну на товаръ, такъ что чувашъ, въ надеждѣ получить на базарѣ больше и вмѣстѣ съ тѣмъ посмотрѣть, разузнать новости, не согласится продать свои произведенія на мѣстѣ, изъ недовѣрчивости къ единичнымъ предложеніемъ и въ отклоненіе лишенія побывать на базарѣ. Чувашъ на вопросъ, куда ѣдешь, отвѣчаетъ: базаръ дѣлать, выраженіе хорошо объясняющее понятіе чувашъ и свойство и назначеніе базара. Если эти торжки и базары и не похожи на прежніе болгарскіе, тѣмъ не менѣе и тогда чуваши, какъ полукочевые, еще болѣе нуждались въ поѣздкахъ на базаръ, для сбыта мѣховъ, меда, воска, для разузнанія не только новостей, но и намѣренія сосѣдей. И потому если настоящіе торжки и не имѣютъ ничего общаго съ прежними, то по крайней мѣрѣ ихъ возможно признать за продолженіе прошедшаго, только въ иномъ видѣ, составляя нынѣ для нихъ, такую же бытовую необходимость, какъ для городскаго жителя: гостинной дворъ, биржа, театръ, клубъ, гостинница. Изъ этихъ же поѣздокъ на базары можно вывести еще другое заключеніе о характерѣ чувашъ, что они любятъ общество, любятъ сами поговорить, послушать, а это доказываетъ, что природа ихъ далеко не

обдѣлила и что они могутъ быть впослѣдствіи очень полезными дѣятелями, гораздо болѣе чѣмъ татары и финны изъ коихъ первые по упорству, а вторые по равнодушію къ жизни, умственно менѣе непроизводительны.

По замѣчанію близко знающихъ и понимающихъ чувашъ, они полны предразсудковъ и суевѣрій. Такъ какъ многіе изъ послѣднихъ войдутъ въ описаніе разныхъ обрядовъ и въ разборъ ихъ религіи, то слѣдуетъ коснуться тутъ только того, что лучше обрисовываетъ образъ мышленія и представленія чувашъ. Михайловъ говоритъ, что чуваши считаютъ за худое предзнаменованіе, если въ пути попадается на встрѣчу женщина съ пустыми руками, либо перерѣжетъ дорогу заяцъ, бѣлый звѣрь или перелетитъ чрезъ нее коршунъ. Самый дурной признакъ, встрѣча женщины, идущей на рѣку съ грязнымъ бѣльемъ. За то встрѣча съ мытымъ бѣльемъ или воза съ какимъ бы то ни было товаромъ почитаются за хорошій знакъ, за удачу, за благополучіе. Падежъ скота, неурожай, градъ, засуха считаются за Божіе наказаніе; по поводу этого Лаптевъ говоритъ, что въ какомъ-то селѣ продали крапиву на золу; на слѣдующій годъ вблизи выбило градомъ поле, что и было принято какъ Божій гнѣвъ, за отступленіе отъ преданія не продавать на золу траву. Рекрутъ, отправляясь на службу, распростившись съ роднею, дабы не позабыть родины и возвратиться благополучно обратно, обходитъ кругомъ вѣковаго дуба.

Примѣты также играютъ важную роль, о чемъ уже было сказано, при опредѣленіи чувашами погоды. Такъ, если свинья чешется объ уголъ, то это предвѣстникъ хорошей погоды, обратное, если кошка царапаетъ столъ. Считать скотину, когда она въ сборѣ или высыпать соль на землю, у нихъ признается за дурной знакъ. Скотину считать, если она въ сборѣ, не должно.

Если дубовые листья долго не опадаютъ, то народу будетъ тяжело.

По урожаю яроваго, заключаютъ и объ урожаѣ ржи.

Пора на пашню, малиновка, мый мый кричитъ.

Не менѣе замѣчательны также нѣкоторые поговорки, какъ напримѣръ: Худая шуба портится и отъ собачьяго лаю.

Общественное дѣло справляютъ обществомъ.

Нѣтъ тайны, которая бы не открылась.

Осѣдлый человѣкъ дома своего не бросаетъ.

Съ увеличенiемъ пашни, уменьшается кормъ скотины.

Прiостановись сваха, до прiѣзда свата.

Домашняя продажа, не дешевле московской.

Глупый не пиво пьетъ, а умъ пропиваетъ.

Лѣсъ богатъ всѣмъ и его не скоро опустошишъ.

Работать можетъ и дуракъ, а выпить только умный.

Новой дороги не прокладывай, малой дороги не люби, большою дорогою ходи.

У бѣднаго отродье бѣдное.

Для бездонной пропасти и холмовъ мало.

При разборѣ пока еще тлѣющей язычествующей религiи чувашъ, нельзя не признать ея происхожденiя отъ Зороастра, жившаго въ 550 году до Р. Х. въ Персiи при Дарiѣ Гистаспѣ. Какъ у Зароастра, такъ и у чувашъ, главное основанiе былъ дуализмъ: добро Тора и зло Шайтанъ, находившiяся въ вѣчной враждѣ. У Зороастра эти два начала происходятъ отъ безпредѣльнаго времени Зервана, что у чувашъ понимается подъ вѣчнымъ существованiемъ видимаго мiра Торы. По Зороастру высшее доброе существо, это Оромазъ, богъ свѣта ровносильный чувашскому Сюльди Тора верхнiй богъ, одинаково какъ у евреевъ,—Саваоѳъ Богъ звѣздъ. Корень сӳл значитъ верхъ, а производное сюльди—верхнiй, отъ котораго по всей вѣроятности происходитъ чувашское сӳл—дур т. е. звѣзда. Ариманъ, богъ зла, созданный также вѣчностiю, хотя и позже Оромаза, былъ прежде добрымъ духомъ, одинаково какъ у чувашъ—Кереметь. Кромѣ этихъ главныхъ началъ въ ученiи Зороастра существуютъ еще производные боги, какъ отъ Оромаза, такъ и отъ Аримана, одинаково и у чувашъ идетъ цѣлый рядъ добрыхъ и злыхъ боговъ, посредниковъ между человѣкомъ и высшими существами добраго и злого начала. Измѣненiя именъ боговъ ничего не значатъ, въ особенности если нѣкоторые изъ нихъ донынѣ удержали даже свой персидскiй корень, какъ напримѣръ Чонъ Сöраданъ Тора отъ персидскаго джонъ, душа и прибавки качества пэйгамъ—радостная вѣсть и бюрденъ—нести. Я полагаю, что религiя чувашъ осталась безъ всякихъ прикрасъ, со времени ея принятiя и потому мнѣнiе Сбоева о томъ, что чуваши сами ее передѣлали и стали приписывать созданiе той или другой части вселенной разнымъ второстепеннымъ богамъ—не вѣрно, такъ какъ эти же самые боги входили цѣликомъ въ Зороастрово ученiе и перешли съ тѣми же

свойствами, но подъ другими названіями въ чувашскую религію, при чемъ общее названіе бога—Тора, придается всѣмъ, съ прибавленіемъ только главнаго качества этого бога, на чемъ основывалось и ученіе Зороастра, который допускалъ раздѣльность управленія божества по разнымъ отраслямъ, но съ подчиненіемъ ихъ главнымъ двумъ божествамъ: Оромазу и Ариману или Торѣ и Шайтану. Если чуваши въ послѣдствіи отступали, то это не въ извращеніи ученія Зороастра сохранившагося до нынѣ, но въ пріобщеніи къ нему нѣкоторыхъ обрядовъ, введенныхъ ихъ жрецами іомсями, въ видѣ значительныхъ и очень разнообразныхъ жертвоприношеній разнымъ второстепеннымъ богамъ, что приблизило религіозность, но не основаніе религіи чувашъ, къ шаманству т. е. къ вѣрованію въ колдуновъ и въ такія сверхестественныя вещи, которыя не были введены въ ученіе Зороастра. Во всякомъ случаѣ религію язычествующихъ чувашъ слѣдуетъ признать за ученіе Зороастра, которое могло привиться, если чуваши—буртасы жили, по выселеніи изъ Монголіи, какъ мною желательно было это доказать, около хозаръ въ средней Азіи, вблизи Аму-Дарьи, но не на Алтаѣ.

По понятіямъ чувашъ, первые люди были безъ души, ходили на четвереренькахъ и не имѣли ни малѣйшаго нравственнаго превосходства надъ животными. По волѣ Сюльди-Тора, помощникъ его, богъ дающій младенцамъ души, Чонъ-Сёраданъ-Тора, сотворилъ множество духовныхъ существъ, которыя онъ вдохнулъ въ людей, но за тѣмъ у него осталось еще множество душъ, которыя имъ раздаются и по нынѣ, всякому раждающемуся младенцу. Съ тѣхъ поръ жизнь ихъ измѣнилась и они стали жить въ полномъ довольствіи, пользуясь всѣми превосходствами своего быта и получая отъ земли и природы лишь одно даровое, безъ всякаго труда. Этотъ періодъ перерожденія и жизни также схожъ съ ученіемъ Зороастра по которому человѣкъ, исходя отъ неба, былъ чистъ и свѣтелъ, но впослѣдствіи онъ утратилъ эти преимущества подъ разрушающимъ вліяніемъ Аримана. У чувашъ это истолковано нѣсколько иначе, они говорятъ, что человѣкъ пресыщенный благами міра и упоенный медомъ и пивомъ, началъ нравственно падать гордиться, желать властвовать другъ надъ другомъ и однажды, подъ вліяніемъ хмѣльныхъ напитковъ поддался Шайтану, умертвивъ старшаго сына Сюльди-Тора, Кереметь, который по происхожденію хорошій духъ

но превратился затѣмъ въ злого, мстительнаго и дѣйствуетъ, чрезъ ему подчиненныхъ, одинаково какъ Ариманъ посредствомъ Девовъ (Dews).

За совершенное преступленіе Сюльди-Тора разсѣялъ людей по всей землѣ, смѣшалъ ихъ языкъ и назначилъ каждому свой жребій, раздаваемый богомъ Кебе и его помощниками Пюлюхси и Пигамбаръ. Съ этихъ то поръ появилось 77 языковъ, различіе племенъ и благосостоянія. Для верховнаго же начальства надъ людьми, для суда надъ ними и водворенія порядка собственно на землѣ, Сюльди-Тора назначилъ имъ земнаго царя Сирди-Падшу, котораго чуваши считали за представителя высочайшаго бога, всегда покланялись и поминали его во всѣхъ своихъ языческихъ молитвахъ, вмѣстѣ съ семействомъ. За тѣмъ слѣдуютъ еще нѣсколько второстепенныхъ земныхъ царей, покровителей скота, лѣсовъ, полей, дома и дороги.

Послѣдніе боги родились изъ самой жизни чувашъ и составляютъ именно то прибавленіе, которое вѣроятно привито уже впослѣдствіи жрецами, въ виду успокоенія простыхъ и робкихъ чувашей, жившихъ въ лачугахъ, среди лѣсовъ, при постоянномъ уходѣ за скотомъ, обработкѣ полей и безпрестанно разъѣзжавшихъ по опаснымъ дорогамъ и встрѣчавшихся то съ хищнымъ звѣремъ, то съ врагомъ. По поводу послѣдняго чуваши наученные горькимъ опытомъ разбойническихъ выходокъ татаръ, никогда не отправляются въ городъ, либо на базаръ одни, но всегда цѣлою вереницею повозокъ, охраняя себя массою. Въ противуположность этому татары еще до нынѣ, не отвыкли выѣзжать и выходить въ поле на поиски и множество примѣровъ исчезнувшихъ крестьянъ, могутъ служить доказательствомъ коварства татарскаго нрава. До нынѣ, благоразумный путешественникъ по татарскимъ деревнямъ, не упуститъ изъ виду запастись оружіемъ для отпора.

По ученію Зороастра человѣкъ при постоянной борьбѣ съ дурными началами можетъ достигнуть возстановленія прежняго блаженства. Тоже самое проповѣдуется и въ чувашскомъ ученіи. Всключеніе въ чувашское ученіе божественной власти Сирди-Падши и способъ признанія добродѣтели посредствомъ назначаемыхъ іомсями жертвоприношеній, также особенное уваженіе къ старшимъ и къ іомсямъ, составляетъ отступленіе отъ ученія Зороастра, приближая

его къ шаманству. Тѣмъ не менѣе и послѣднее не совсѣмъ дурно развиваетъ значеніе добродѣтели. Оно требуетъ исполненія царскихъ повелѣній, любви къ равнымъ, въ снисходительности къ нисшимъ, въ довольствѣ своимъ жребіемъ, въ неприсвоеніи себѣ ничего чужаго, въ гостепріимствѣ, въ трудолюбіи, въ празднованіи пятницы и воздержаніи въ этотъ день отъ всякой работы. Чуваши строго придерживаются этимъ законамъ и вполнѣ отвѣчаютъ вышеизложеннымъ пунктамъ добродѣтели; въ одномъ лишь они не могутъ устоять, это въ воровствѣ, но не сравнительно съ другими народностями и въ конокрадствѣ въ особенности, которое и составляетъ ихъ самое крупное преступленіе, совершаемое большею частію въ нетрезвомъ видѣ. Конокрадство считается у чувашъ весьма важнымъ преступленіемъ для будущей блаженной жизни, что доказывается слѣдующею сказкою, переведенною буквально Н. И. Золотницкимъ:

„Старикъ со старухой жили, дескать, старикъ въ лѣсъ пошелъ дескать, встрѣтился съ нимъ татаринъ дескать, старикъ его спросилъ дескать: куда идешъ татаринъ-бичей? Въ вѣру пойти (креститься). Дай-ка самъ я окрещу тебя. Ну такъ пожалуй окрести, вотъ тебѣ деньги, какія при мнѣ есть. Старикъ татарина положилъ, дескать, на колоду внизъ лицомъ, взялъ топоръ да по шеѣ зарубилъ и татаринъ умеръ. Старикъ деньги его взялъ да началъ на нихъ богатѣть и разбогатѣлъ. Поживши, поживши жена его ребенка родила, дескать,—сына, этотъ сынъ подросши, лошадь запрягъ и поѣхалъ въ лѣсъ той дорогой, гдѣ отецъ татарина зарубилъ. Татаринъ вышелъ ему на встрѣчу: куда молодецъ отправляешся ты? Въ лѣсъ. Не ходи туда, а взойди молодецъ ко мнѣ въ гости. Но гдѣ же твой домъ? Татаринъ ему говоритъ: вотъ здѣсь, только закрой глаза да за мной три шага сдѣлай. Молодецъ закрылъ глаза, три раза шагнулъ и вдругъ очутился на томъ свѣтѣ. Идетъ молодецъ дорогой, видитъ двѣ женщины сидятъ да молоко изъ горшка разливаютъ, а молока пуще прибываетъ, такъ что и помѣстить некуда. Дальше идя видитъ, двѣ женщины молока разливаютъ, одна говоритъ: тебѣ много мнѣ мало, другая отвѣчаетъ; тебѣ много, мнѣ мало. Оттуда еще дальше идя видитъ, двое лежатъ подъ тулупомъ: одинъ говоритъ: мнѣ тепло другой гворитъ и мнѣ тепло еще дальше двое лежатъ подъ тулупомъ, одинъ говоритъ: мнѣ холодно другой говоритъ и мнѣ холодно. Еще дальше онъ

видитъ мостъ изъ людей смощенный; всѣ-столбы, перекладины—все люди; какъ на одного наступить онъ стонетъ, на другаго наступить—тотъ стонетъ. Прошедши это онъ видитъ небольшое строеніе, въ немъ поютъ всякаго рода птицы, всякая трава зеленѣетъ, запахъ отличный. Наконецъ онъ зашелъ въ большой домъ, дескать; въ немъ сидитъ старикъ съ совсѣмъ сѣдою бородою, дескать. Ну молодецъ, издалека пришелъ ты, сядь-ка отдохни у меня, куда угодно смотри, а въ эти окна не гляди. Сказавши это старикъ вышелъ. Молодецъ подумалъ: зачѣмъ это дядюшка не велѣлъ мнѣ смотрѣть туда, что будетъ? Взглянулъ: въ одномъ мѣстѣ большой котелъ со смолой кипитъ, народу въ немъ и не знай сколько; глядѣлъ-глядѣлъ да и увидалъ своего отца, схватилъ его за волосы, волосы выдернулись; послѣ того онъ началъ плакать. Вскорѣ пришелъ старикъ и говоритъ: что ты надѣлалъ? Я тебѣ запретилъ смотрѣть. Молодецъ говоритъ: дадюшка, вѣдь и мой отецъ тамъ кипитъ, какъ его вынуть (избавить)? Старикъ сказалъ: не бойся, молодецъ, отецъ твой теперь дома, а скажи-ка что ты видѣлъ и слышалъ дорогою. Ахъ, дядя, многое я видѣлъ: въ одномъ мѣстѣ двѣ женщины молоко разливаютъ, не куда дѣвать-прибываетъ; старикъ сказалъ: онѣ молока ни для кого не жалѣли. Молодецъ говоритъ: а это что такое: двѣ женщины молоко разливаютъ, одна говоритъ: тебѣ много и другая-тоже; а вотъ что: онѣ для людей жалѣли. Еще дядя: двое лежатъ подъ тулупомъ, одинъ говоритъ мнѣ тепло и другой тоже; старикъ отвѣчаетъ: они ни для кого не жалѣли одежды. А еще, дядя, двое лежатъ и говорятъ, что тому и другому холодно; старикъ сказалъ: они прежде для людей жалѣли одежды, ни кому не давали, вотъ за то-то и страдаютъ. Ну теперь, дядя, это что: видѣлъ я мостъ изъ людей смощенный; старикъ сказалъ: это *конокрады* и тѣ, которые портили людей, за то они страдаютъ. А это что, дядя: въ небольшомъ строеніи всякія птицы и всякія травы;—это приготовлено для людей безгрѣшныхъ. Ахъ, дядя, мнѣ туда попасть-бы! Ты взойдешъ туда—отвѣтилъ старикъ. Потомъ онъ напоилъ и накормилъ молодца и сказалъ: ну ступай, молодецъ, домой. Оттуда молодецъ воротился домой, отецъ мать его состарѣлись, отецъ въ болѣзни третій годъ лежитъ. Что же это батюшка, я, кажется, только три дня ходилъ. Эхъ, ынокъ, ты отправившись тридцать лѣтъ пропадалъ. Отецъ спросилъ сына гдѣ ты шатался? Я батюшка пошелъ въ лѣсъ,

тамъ меня татаринъ позвалъ въ гости, тамъ я видѣлъ тебя, ты кипишь въ адскомъ котлѣ. Услышавши это отъ своего сына, старикъ началъ плакать, молиться Богу и всѣ какія у него были вещи, деньги и платья роздалъ бѣднымъ людямъ и нищимъ. Вдолгѣ затѣмъ старикъ со старухою умерли, а послѣ того и сынъ ихъ".

Сказка въ ту сторону, а я въ эту сторону. (Сказка туда, а я сюда".

Какъ не прихотливы ихъ желанія на земномъ поприщѣ, такъ одинаково они просты для посмертной жизни. По понятіямъ чувашъ, добродѣтельные люди будутъ наслаждаться счастіемъ въ будущей жизни въ свѣтлой и удобренной странѣ. У нихъ будутъ красивые дома, хорошій скотъ, много товаровъ, столько же хлѣба, богатая одежда и вдоволь пива и меду. Ихъ ожидаетъ вѣчная жизнь, постоянное довольство, веселье и всякія наслажденія.

Напротивъ того, недобродѣтельнаго человѣка ожидаетъ полнѣйшій физическій и душевный недостатокъ. Ему предстоитъ жить въ аду, въ котлообразной безднѣ, среди постоянныхъ мученій, которыя уже начинаются по пути слѣдованія въ эту бездну. Это представленіе будущей жизни, хотя бы и весьма ограниченное въ своихъ желаніяхъ, прямо указываетъ однакожь, что чуваши понимаютъ и желаютъ лучшей жизни, нежели какъ они въ состояніи ее вести въ нынѣшнее время. Они знаютъ разницу между свѣтлой и темной избой, между грязнымъ и чистымъ платьемъ и это подтверждается еще ихъ наклонностію зайти въ хорошій трактиръ и быть очень взыскательными ко всему, чѣмъ только они тамъ пользуются. Почему же послѣ этого они, имѣя средства, не заботятся сами объ улучшеніи своей обстановки? Потому что въ прежнее время ихъ слишкомъ запуганы; но вотъ разовьется нѣсколько этотъ народъ, убѣдится въ своей равноправности съ сосѣдями и въ безобидности своего положенія, тогда можно надѣяться, что чуваши среди другихъ племенъ казанской губерніи, займутъ первое мѣсто, если только они не увлекутся своими заработками и не промѣняютъ ихъ на вино.

Сбоевъ разбираетъ чувашскихъ боговъ въ слѣдующемъ порядкѣ:

А) небесные, добрые боги.

1) Сюльди Тора—высочайшій богъ. У него жена—Сюльди-Торъ-амышъ и дѣти, Сюльди-Тор' ывыль-зэмъ;Сюльди- То-

ра есть властитель и распорядитель всего надзвѣзднаго духовнаго міра; съ земнымъ онъ сообщается не иначе, какъ чрезъ посредство другихъ земныхъ боговъ.

2) Сюдъ-Тунзы-Тора, творецъ свѣта и теплоты.

3) Чонь-С раданъ-Тора, творецъ души.

4) Асл'-Адій-Тора, богъ грома и молній. Асла адій авдать значитъ дѣдъ поетъ, громъ гремитъ.

5) Кебе, судьба т. е. богъ управляющій дѣлами, судьбою человѣка. Ему подчинены Пюлюхси и Пигамбаръ.

6) Пюлюхси по назначенію Кебе раздаетъ людямъ счастливый и несчастный жребій, богатство или скудость. У него жена и дѣти.

7) Пигамбаръ по опредѣленію Кебе раздающій людямъ душевныя качества и сообщающій іомсямъ пророческія видѣнія. Онъ же былъ богомъ огня, пастуховъ и покровитель скотовъ.

8) Ира-Тора, богъ благодѣянія и покровитель супружеской и семейной жизни.

9) Перегеть-Тора, его жена и дѣти, многочадные. Онъ даетъ людямъ изобиліе въ жизненныхъ потребностяхъ въ счастливомъ поддержаніи супружества и въ преумноженіи земныхъ плодовъ. Онъ же оберегатель кладовъ.

10) Хвэль Тора, его жена и дѣти, богъ солнца.

11) Оихъ-Тора, его жена и дѣти, богъ мѣсяца.

12) Пертерли, богъ одновидный, покровитель мануфактурныхъ (промышленныхъ) издѣлій. Онъ же дѣлаетъ пищу безвредною.

13) Сюлэнь, богъ змѣй, летающій по воздуху и сообщающій женщинамъ даръ плодородія.

14) Сирь аише, его жена и дѣти, богъ создавшій землю.

15) Силь Тора, его жена и дѣти, боги вѣтра.

16) Сюрэнь Тора, богъ странствующій по воздуху и помогающій постигнутыхъ нечаяннымъ бѣдствіемъ.

17) Хирле-Сирь-Тора, богъ плодородной земли.

18) Хурбанъ Тора, богъ жертвоприношеній; онъ былъ посредникомъ при всѣхъ жертвоприношеніяхъ между богами и чувашами.

19) Алыкъ-озян-Тора, охранитель небесныхъ вратъ.

В) земные добрые боги.

1) Сирди-Падша, Сирди-Падш'-Амыже, Сирди-Падша Ывыль-зэмъ, земной царь, царица и дѣти ихъ. На торжественныхъ жертвоприношеніяхъ ихъ имя всегда поминалось вслѣдъ за высочайшимъ богомъ и прежде всѣхъ другихъ боговъ.

2) Сöл-Тора, покровитель путешествующихъ.

3) Кильранъ-Тора, домовой.

4) Кардранъ-Тора, покровитель скотнаго двора.

5) Вурманъ Тора, хранитель лѣсовъ (лѣсной царь), лѣсной богъ.

6) Хирранъ Тора, блюститель пашней и полей.

Происхожденіе высшаго злого бога повѣствуется чувашами слѣдующимъ образомъ. Сынъ Сюльди Тора разъѣзжалъ по землѣ въ колесницѣ и съ бѣлыми конями, водворяя повсюду довольствіе; люди подстрекаемые злымъ началомъ Шайтаномъ, убили его во время путешествія и дабы лучше скрыть свое преступленіе сожгли тѣло и разсѣяли прахъ по воздуху. Отъ прикосновенія праха къ землѣ выросли деревья, а съ ними вмѣстѣ народилось безчисленное множество злыхъ боговъ Кереметей, пребывающихъ постоянно на землѣ. Число ихъ еще болѣе увеличилось, когда эти киреметп переженились. Отъ избытка такихъ злыхъ боговъ произошло то, что каждая чувашская деревня имѣла свою Кереметь и если образовывались выселки, на пустопорожнихъ мѣстахъ, то непремѣнно въ этотъ выселокъ перемѣщалась какая нибудь Кереметь, которая по ночамъ навѣщала своихъ родныхъ въ колесницѣ. Изъ этого можно заключить, какъ сильно вѣровали чуваши въ злое начало, которое ихъ преслѣдовало вездѣ и всюду почему и не удивительны ихъ частыя и нерѣдко богатыя жертвоприношенія богамъ, посредствомъ которыхъ они только и полагали избавляться отъ бѣды, тогда какъ истинную пользу приносили эти жертвы единственно ихъ жрецамъ, іомсямъ.

По Сбоеву, наиболѣе замѣчательные Кереметп были:

1) Асла-Кереметь т. е. главная. Ей приносились жертвы, если цѣлый околодокъ селеній постигало общее несчастіе: повальная болѣзнь, засуха, дождь, градъ, неурожай, пожаръ и др. Тогда по приглашенію іомси всѣ собирались въ главную Кереметь, причемъ жертвоприношеніями были нѣсколько лошадей, столько же коровъ, трое, четверо больше овецъ, непремѣнно бѣлаго цвѣта.

2) Кюмюль-Кереметь, серебряная, которой приносились въ даръ деньги или оловянные кружечки, тухлянки при всякомъ предпріятіи, въ отвращеніе убытковъ. Фуксъ разсказываетъ о денежныхъ приношеніяхъ Теркулю, по поводу которыхъ одинъ изъ священниковъ, разсердившись на суевѣріе своихъ прихожанъ, велѣлъ продать анбары съ Теркулями. Русскій крестьянинъ, купившій ихъ, ломая нашелъ въ углахъ до 15 руб. отъ жертвоприношеній. Эти денежные вклады продолжались и потомъ и наконецъ кончились нечаяннымъ появленіемъ въ анбарахъ курицы и утки. Все это было очень выгодно русскому крестьянину, но должно быть относилось къ Кюмюль-Кереметя, но не къ богу Теркулю.

3) Пиликъ-Тюбе-Кереметь, живущая на 5 холмахъ. Ей въ жертву приносился бѣлый баранъ.

4) Чиришлаваръ-Кереметь, еловаго лѣса. Ей въ жертву приносились бѣлый баранъ и гусь.

5) Хирле-Сирь-Кереметь, отнимающая плодородіе земли. Чрезъ каждые пять лѣтъ приносили ей въ жертву жеребенка, въ отвращеніе бѣдствія. Въ молитвахъ этой Кереметя Сбоевъ слыхалъ, что упоминали имя Николая чудотворца. Также и Фуксъ разсказываетъ о такомъ смѣшеніи православія съ язычествомъ, хотя и не указываетъ прямо на молитвы обращенныя къ Хирле-Сирь-Кереметя.

5) Йивашъ-Кереметь, смирная или не злая, скоро успокоивающаяся при первомъ назначительномъ приношеніи.

7) Хаяръ-Кереметь, злая, которая наноситъ человѣку всякія бѣдствія. Ей приносятъ въ жертву какую либо скотину чернаго цвѣта; кромѣ того чуваши вѣрили, что явившись въ эту Кереметь, въ дремучій лѣсъ, возможно безъ всякихъ жертвоприношеній заставитъ ее одними заклинаніями нанести страшное зло своему врагу, до умерщвленія, если только онъ вблизи. Эта Кереметь, описанная впервые Сбоевымъ поясняетъ нѣсколько характеръ чувашъ, который дѣлается при извѣстныхъ обстоятельствахъ и при сознаніи своего безсилія злостнымъ, навлекая на врага всякаго рода несчастіе, сухую бѣду и даже смерть, въ минуту своего остервенѣнія.

Кромѣ Кереметя были также злые боги, происшедшіе прямо отъ злаго духа Шайтана.

8) Эсрель, ангелъ смерти, поражающій внезапно мучитель-

ною смертію. Для отвращенія сего ему приносили въ жертву черныхъ барановъ, въ количествѣ по назначенію іомси.

Барановъ этихъ разрубали на 3 части и оставляли по указанію іомси, въ пищу самому Есрелю, тогда какъ при другихъ жертвоприношеніяхъ, каждый молящійся наѣдался до сыта, да и бралъ еще домой.

9) Аръ-Сюри, лѣшій. Онъ поражаетъ людей разными внутренними болѣзнями. Онъ живетъ въ лѣсу, кричитъ филиномъ, похожъ на стогъ сѣна, отличается большими глазами, но по боязни къ собакамъ, не заходитъ въ деревни. Ему въ жертву приносятъ блины, игечи, хлѣбъ, пиво и все это ставится на опредѣленномъ іомсею мѣстѣ.

10) Йирихъ, духъ наружныхъ болѣзней, которому приносятъ въ жертву гороховой кисель и нѣсколько ягнятъ, какъ только одна изъ этихъ болѣзней поразитъ чувашенина. Голову ягненка кладутъ въ кузовъ или кадку и вѣшаютъ въ анбарахъ, украшая вѣтками, оловянными блесками, что почитается за предохранительное средство отъ оспы, кори и подобныхъ болѣзней.

11) Ыя, домовой, духъ насмѣшливый, играющій съ людьми, въ особенности въ баняхъ, гдѣ сталкиваетъ чувашъ съ полковъ, причиняетъ вывихи, искривляетъ зрѣніе. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ умножаетъ скотъ, охраняетъ домъ отъ огня, покровительствуетъ пчеловодству и торговлѣ.

Свѣдѣнія собранныя г. Сбоевымъ и основанныя, какъ на личномъ изученіи чувашъ, такъ и на весьма хорошихъ свѣдѣніяхъ неизвѣстнаго писателя сѣвернаго архива, слишкомъ драгоцѣнны, неоспоримо лучшіе и потому мы считали обязанностію передать ихъ вкратцѣ настолько, чтобы можно было себѣ составить болѣе ясное понятіе о главныхъ основаніяхъ исчезающей религіи. Ко всему этому слѣдуетъ однакожъ прибавить, что въ эту перечень далеко не вошло все исчисленіе боговъ и на сколько я понимаю, по сравненію съ другими отрывочными описаніями чувашской миѳологіи, сдѣлать это невозможно, еслибъ даже оно всецѣло существовало въ настоящее время. Происходитъ это отъ того вліянія, которое уже впослѣдствіи и пріобрѣли іомси, ихъ жрецы, знахари, колдуны, которые должно быть изъ видовъ корыстолюбивыхъ, сами вымышляли разныхъ боговъ, какъ только забывались старые и тѣмъ вынуждали на новыя жертвоприношенія пользуясь ими наилучшимъ образомъ. Это отступ-

леніе отъ первообразнаго ученія, вѣроятно, было ни у однихъ чувашей, но у всѣхъ послѣдователей Зороастра. Отъ этаго и произошло, что въ разныхъ чувашскихъ мѣстностяхъ разные боги, съ разными присвоенными имъ качествами и принаровленныя ко всевозможнымъ нуждамъ чувашъ. При всемъ томъ, основная идея нетронута. Отъ этого самаго произошло, при крещеніи чувашъ, то странное сочетаніе христіанства съ язычествомъ, которое едва ли можно встрѣтить въ другихъ язычествующихъ религіяхъ. Чуваши перенесли разныя качества своихъ боговъ на святыхъ и на иконы, отбросивъ и позабывъ жертвоприношенія. Они легко признали апостоловъ Петра и Павла, Архангела, Илью пророка, ангела хранителя, матерь Божію помощницу въ родахъ, моливши́сь прежде во время родовъ женѣ высочайшаго бога, Сюлди-Торъ-Амышъ. Икона у нихъ называется—богъ угла, который находится въ сообщничествѣ со священниками и передаетъ имъ всѣ отступленія чувашъ отъ православія. Такимъ образомъ если во время поста они ѣли скоромное, то икона ими поворачивалась. Одинъ изъ проѣзжихъ замѣтилъ однажды своимъ домохозяевамъ чувашамъ, что они не соблюдаютъ поста, на что тѣ ему отвѣтили, что онъ дѣлаетъ тоже самое. Но я нѣмецъ отвѣчалъ проѣзжій; а мы чуваши возразили они. Переходъ былъ почти не замѣтенъ, но нельзя сказать чтобъ онъ и нынѣ увѣнчался, какъ увѣряетъ Сбоевъ полнымъ успѣхомъ. Начиная съ того, что его цыфры объ язычествующихъ очень не вѣрны, многіе изъ чувашъ перешли въ мухаммеданство, а многіе очень шатки въ своихъ понятіяхъ о христіанствѣ и этому отчасти виною татары, которые громко подымаютъ на смѣхъ своихъ сосѣдей, коль скоро послѣдніе крестятся, поклоняются или ставятъ свѣчу предъ иконою. Такіе примѣры бываютъ въ особенности часто впереди казанскаго кремля у нерукотвореннаго образа. Фуксъ говоритъ что если чуваши на основаніи всѣхъ положенныхъ іомсею жертвоприношеній, не имѣютъ успѣха, то по его же совѣту ставятъ свѣчу Николаю чудотворцу, либо идутъ въ церковь и ставятъ свѣчу „Русскому Богу“. Лаптевъ говоритъ, что по единогласнымъ отзывамъ всѣхъ близко знающихъ бытъ этаго народа, къ чувашамъ особенно живущимъ въ массахъ, нисколько не привились нравственныя истины христіанства; мнѣніе это вполнѣ подтверждается фактами,—фактами, къ сожалѣнію, столь краснорѣчивыми

какъ уголовныя дѣла, показывающія преступное участіе тѣхъ лицъ, которыя по положенію и назначенію своему, должны руководить народъ въ нравственномъ образованіи. Чуваши со времени введенія шаманства, что могло быть въ XIII столѣтіи, до настоящей поры, лишены почти всякой религіи! Въ этомъ серьезномъ дѣлѣ, не слѣдуетъ себя утѣшать и убаюкивать, а дѣйствовать.

Обращаясь къ прежнему, слѣдуетъ его еще дополнить тѣмъ, что жертвоприношенія съ истиннымъ смиреніемъ дѣлаются только для злыхъ боговъ, но не для добрыхъ, которые по своему качеству этого не требуютъ. Для нихъ жертвоприношеніе совпадало вмѣстѣ съ праздникомъ и веселіемъ. Торѣ возносятъ главнымъ образомъ только однѣ молитвы, по Фуксу, въ родѣ слѣдующей:

Тора сирлахъ!	Тора помилуй.
Тора анбахъ!	Тора неоставь
Сюлди Тора!	Всевышній Тора
Сирлахъ сирди Падша	Спаси земнаго Царя
Ывылданъ хирнадень!	Сыновей, дочерей
Тырранъ, пыйранъ,	Хлѣба, меду,
Тора бадыръ!	Тора дай
Исмяшканъ, симяшканъ	Пить, ѣсть,
Сывлыхне Тора, бадыръ	Здоровья Тора дай!
Вылихранъ чирлихранъ	Скотомъ здоровымъ
Толыяхъ карда,	Наполни дворы
Утба карда	Лошадьми дворъ
Иняба карда	Коровами дворъ
Сорыхба карда	Овцами дворъ
Тора бадыръ!	Тора дай.
Кадарапъ кикъ шалданъ высься киляггана ярасъ,	Странника издалека приходящаго и уставшаго отъ пути въ домъ пустить
Тора бадыръ тудухъ.	Тора дай всегда!
Шайтанданъ сирлахъ,	Отъ черта свободи,
Хуза ядыръ, Тора.	Выгнавъ его, о Тора.

Религіозныхъ построекъ у чувашъ не существовало, за исключеніемъ самаго неприхотливаго деревяннаго зданія для Кереметп, гдѣ и совершались жертвоприношенія. Зданіе это представляло видъ паралелограмма, длиною не болше 60-ти, а шириною до 50-ти саженъ и состояло изъ сплошнаго бревенчатаго забора, съ тремя воротами на востокъ, сѣверъ и

западъ. Первыя назначались для пропуска животныхъ, вторыя для приноски воды, а послѣднія для прохода людей. Вдоль всей западной стѣны тянулся открытый къ срединѣ, слѣдовательно къ востоку навѣсъ, назначавшійся для ѣды жертвеннаго мяса. Впереди его и правѣе западныхъ воротъ ставился столъ, жертвенникъ такой величины, чтобы на немъ можно было бы съ удобствомъ закалывать самое большое животное, верблюда, до 2 сажень длины и до 1 сажени ширины. Столъ этотъ покрывался крышею на переводинахъ и стропилахъ. Во время жертвоприношенія чуваши были увѣрены, что на самомъ жертвенникѣ сидитъ самъ Кереметь, а на переводинахъ его семейство. По обѣимъ сторонамъ жертвенника врывались по два столба, соединенныхъ перекладиною, свѣшенною до переводинъ жертвеннаго навѣса. На этихъ перекладинахъ подвѣшивались котлы, въ которыхъ варили жертвенное мясо.

Исправленіе строеній Кереметы не допускалось, но его вовсе вновь перестраивали, когда оно приходило въ ветхость, сожигая старый матеріалъ.

Жертвоприношенія можно раздѣлить на пять видовъ: 1) моленье о хлѣбѣ, 2) предъ началомъ яроваго посѣва, 3) предъ началомъ озимаго посѣва, 4) Кереметы и 5) поминки.

По уборкѣ хлѣба и свареніи пива, каждое чувашское семейство считаетъ за непремѣнную обязанность, въ кругу семьи, родныхъ и хорошихъ знакомыхъ, отблагодарить Творца за счастливое окончаніе лѣтнихъ работъ. Для сей цѣли набирается посреди избы столъ со всѣми возможными блюдами, приготовленными изъ послѣдняго урожая. Пиво, хлѣбъ, ичеги (сырники), каша, составляютъ главную принадлежность. Старшій въ семействѣ, взявъ хлѣбъ въ правую руку, а шапку въ лѣвую, становится лицемъ къ востоку, при отворенныхъ дверяхъ и окнахъ. Онъ вслухъ произноситъ молитву Торѣ, благодаритъ за новый хлѣбъ, проситъ снабдить имъ хозяйство въ будущемъ году, также ниспослать свою благодать на умноженіе скота, дать дождь, свѣтъ, миръ.

Кончается молитва испрошеніемъ прощенія грѣховъ и помилованія. За тѣмъ осѣнивъ всѣхъ присутствующихъ, хлѣбъ разрѣзается на кусочки, каждому дается одинъ, съѣдается половина, а другая бросается на печь. Тоже дѣлается и съ другими блюдами, за исключеніемъ каши. Далѣе каждый черпаетъ ковшомъ пиво и снова начинается тоже моленье,

послѣ чего всякій, отливъ часть пива въ особый сосудъ, остальное выпиваетъ. Затѣмъ начинается музыка, пляска, угощеніе виномъ, что продолжается до поздней ночи. Обрядъ этотъ со всѣми язычествующими признаками, сохранился между чувашами и донынѣ. Совершаемое жертвоприношеніе хлѣбомъ, игечами и пивомъ, обращено было прежде вѣроятно къ Аръ-Сюри, въ виду сохраненія здоровья и силы чувашина, безъ которыхъ разумѣется не мыслимо успѣшное и хорошее окончаніе всѣхъ лѣтнихъ работъ.

Второе, третье и четвертое жертвоприношенія исполняются на одинаковыхъ основаніяхъ; разница состоитъ лишь въ томъ, что моленье объ урожаѣ яроваго Ой-чукъ и озимаго хлѣба Синзя сопровождается пляскою, музыкою и весельемъ на открытомъ полѣ, тогда какъ жертвоприношеніе Кереметн совершается всегда въ загороженномъ и описанномъ выше мѣстѣ. Вообще всѣ три моленія о хлѣбѣ были и суть вмѣстѣ съ тѣмъ чувашскіе праздники, изъ которыхъ главный, моленіе о хлѣбѣ по окончаніи работъ, Тора-тыражинъ-чуклесъ, въ ноябрѣ мѣсяцѣ, совпадалъ съ началомъ чувашскаго года.

Совершеніе жертвоприношенія въ Кереметн производилось слѣдующимъ образомъ: іомся, прочитавъ очистительную молитву животнымъ, собраннымъ у восточныхъ воротъ, вводилъ ихъ внутрь. Чрезъ восточныя ворота вносили воду и обливали каждое животное до содроганія. Если это не достигалось, то такое животное считалось недостойнымъ жертвоприношенія, отводилось въ сторону и закалывалось особо. Принятыя Кереметью животныя немедленно закалывались, разрѣзались на части, очищались отъ внутренности и за тѣмъ собственно куски мяса, по числу народа клались въ котлы, гдѣ уваривалось оно въ водѣ, вмѣстѣ съ крупою и саломъ. Во время кипѣнія чуваши воображали, что Кереметь спускается и воспринимаетъ жертву среди клубящагося дыма. Въ это время всѣ чуваши, держа шапки въ лѣвой рукѣ, произносятъ вслухъ за іомсею молитвы, обращенныя ко всѣмъ Кереметямъ, прося избавить ихъ отъ всякихъ несчастій и дать что просятъ. Когда мясо уварилось, то имъ надѣляли всѣхъ молящихся, которые тогда помѣщались подъ навѣсомъ. Послѣ сего головы, ноги и кожа животныхъ вѣшались на деревьяхъ, внутренности и кости сжигались. Наконецъ каждый клалъ въ дупло, либо ящикъ нѣсколько денегъ, а женщины, кото-

рыя также могли присутствовать, но не молиться, въ особенности невѣсты, вѣшали на сучья полотно и другія произведенія своей работы.

Жертвоприношенія усопшимъ, поминки или моленіе по усопшимъ, раздѣляются на частныя, случайныя и общія, причемъ всѣ они носятъ одинъ характеръ: молитвы, надѣленія поминаемыхъ пищею и шумныхъ оргій, среди ѣды, пѣсенъ, плясокъ, плача и завываній. Частныя поминки дѣлаются на третій, седьмой и сороковой день.

Случайныя поминки справляются, въ неопредѣленное время. Такъ напримѣръ рѣзь въ поясницѣ и боль въ животѣ приписывается вліянію усопшихъ, требующихъ поминокъ. Или если чувашъ видѣлъ во снѣ покойника вмѣстѣ съ какимъ нибудь изъ своихъ животныхъ и по воображенію, либо съ похмѣлья, чувашину представилось что покойникъ требуетъ это животное себѣ, въ такомъ случаѣ оно безпрекословно приносится въ жертву. Также если проѣзжая кладбище или мазарки, т. е. мѣсто гдѣ складывались вещи дорогихъ и близкихъ усопшихъ, на него находилъ необъяснимый страхъ, переходившій въ лихорадку, либо если заболѣваетъ скотъ, пасшійся около кладбища или мазарокъ, во всѣхъ такихъ случаяхъ дѣлаются поминки на кладбищахъ или мазаркахъ, принося въ жертву покойнику разныя съѣдаемыя вещества, напитки и скотъ. Наконецъ общія совершались въ семикъ, въ мѣсяцъ поминовенія усопшихъ въ ноябрѣ и декабрѣ и въ 3-й день пасхи.

Поминки до сороковаго дня сопровождаются въ семействѣ нѣкоторымъ трауромъ т. е. пѣсенъ и плясокъ не должно быть, мужъ не спитъ съ женою, всякая работа прекращается кромѣ самой необходимой, домашней.

Поминки у богатыхъ справляются каждый четвергъ, вплоть до сороковаго дня и у всѣхъ кромѣ того въ третій и седьмой день. Для этого они приготовляютъ разныя блюда, за исключеніемъ мясныхъ, которыя разставляются на столѣ. Каждый членъ семейства, по старшинству беретъ кусочекъ каждаго кушанья и кладетъ его въ особую чашу; потомъ черпаетъ ковшемъ пиво и отливаетъ нѣсколько его также въ особую чашу. Эти двѣ чаши выносятъ на дворъ собакамъ, въ которыхъ по понятіямъ чувашъ переселяется усопшій, причемъ визгъ, лай и ссора этихъ животныхъ служатъ лучшимъ доказательствомъ, что пища принята усопшими.

Во время совершенія обряда горятъ свѣчи у волоковаго окна или впереди чашекъ. По окончаніи моленія начинается угощеніе, продолжающееся до разсвѣта.

Въ сороковой день приглашается іомся, либо кто-нибудь изъ старшихъ родственниковъ заколоть ту скотину, которая къ этому была предназначена самимъ покойникомъ до смерти. Сваривъ мясо и наградивъ іомсю, половину всего изготовленнаго кушанья везутъ на кладбище. Пріѣхавъ, каждый привѣтствуетъ усопшаго. Далѣе выливаетъ на могилу каждый родственникъ полковша вина и столько же пива, а за тѣмъ каждый кладетъ на нее кусокъ каждаго кушанья. Затѣмъ каждый отходитъ и начинаетъ молиться, обращаясь къ сѣверу и прося усопшаго принять приношеніе. Вопль и визгъ при этомъ переходятъ всякіе предѣлы. Въ это же время кидаются на могилы собаки и пожираютъ все, что отложено. Вслѣдъ за собачьимъ визгомъ и лаемъ начинается обоюдное угощеніе чувашъ, при пѣсняхъ, пляскахъ и хлопаньи въ ладоши, вплоть до истощенія съѣстныхъ припасовъ. Послѣ этого вся родня отправляется на мазарки. Я нигдѣ не могъ найти описанія наружности мазарокъ, но такъ какъ въ нихъ сохраняются вещи усопшихъ, то вѣроятно это было маленькое крытое, легкое зданіе. Внутри устонавливался разъ на всегда столъ на одной ногѣ. На немъ ставится пиво, каша и кладется полотенце, для утиранія усопшаго. При входѣ, родственники кинувъ нѣсколько кусочковъ собакамъ, приговариваютъ „ѣшь, пей батюшка“ или другой. Затѣмъ ударивъ въ ладоши начинается пляска вокругъ стола. Оттуда всѣ ѣдутъ домой, гдѣ также накрывается столъ, около котораго садятся родственники и далѣе по старшинству и почету. За каждымъ кушаньемъ и питьемъ слѣдуетъ отдѣленіе части въ особый сосудъ для собакъ, послѣ чего тотчасъ начинается дикая пляска. Потомъ приступаютъ къ слѣдующему блюду, при семъ опять каждый по старшинству, кладетъ кусокъ особо, вливаетъ полковша пива въ особый сосудъ и снова начинается хлопанье въ ладоши, что продолжается до съѣденія всѣхъ блюдъ. Послѣ этого выносятъ на дворъ сосуды съ отложенными кусками, ставятъ ихъ на столъ, вокругъ котораго пляшутъ, пока не опрокинется столъ, что должно означать полное удовлетвореніе желанія покойнаго какъ уже сытаго и отпировавшаго вмѣстѣ съ другими.

Общее поминовеніе справляется исключительно на кладбищахъ. Туда пріѣзжаютъ всѣ, непремѣнно съ пивомъ, виномъ, хлѣбомъ и другими съѣдомыми предметами. Собственно моленіе справляется тутъ іомсями, которые, окруженные пріѣзжими, читаютъ молитву вслухъ, объ успокоеніи усопшихъ. Это дѣлается на колѣняхъ. Потомъ приносятъ къ могиламъ всѣ явства, вколачивается у изголовья каждой могилы колъ, гдѣ неимѣется каменнаго столба и вѣшаютъ на него полотенце или платокъ. Далѣе, возлѣ могилы разстилаютъ полотно, либо что нибудь въ этомъ родѣ и на немъ раскладываютъ кушанье, каравай, ватрушки, кашу также пиво и медъ. Затѣмъ начинается по кружкамъ, семействамъ, описанный выше обрядъ отдѣленія кусочковъ и отливаніе питья въ особыя чаши или въ особо для сего вырытыя ямки. При этомъ они молятся и просятъ усопшихъ быть смирными, не безпокоить и не ходить къ живущимъ, вѣруя въ возможность посѣщенія покойниками ихъ прежнихъ жилищъ. По окончаніи сего, всѣ приговариваютъ: „вставайте, ѣшьте и утирайтесь полотенцами“. При этомъ обрядѣ замѣчается странное противорѣчіе между обыденною неопрятностію чувашъ и утираніемъ рта полотенцемъ. Затѣмъ въ головы покойниковъ кладутъ всякую одежду, смотря по состоянію. Кончается этотъ обрядъ неистовою попойкою, среди лая и визга собакъ, обниманія, лобызанія, воя, плача, крика и необъятнаго шума. Тутъ все смѣшивается: мущины, женщины, дѣти, всякій выражаетъ свою скорбь по своему и по пословицѣ: что у трезваго на умѣ, то у пьянаго на языкѣ. Хлопанье въ ладоши, пляска, музыка, вой и крикъ дѣтей, все это смѣшивается и производитъ на присутствующихъ неумолимо скверное впечатлѣніе. Женщины рвутъ на себѣ волосы, топчутъ и горько плачутъ; другія недовольныя усопшимъ свекромъ, мужемъ, плюются, ругаются самыми площадными выраженіями, топчутся надъ могилою и вбиваютъ въ нее колъ въ конецъ своего остервѣненія. Пьяная, растрепанная и еще грязнѣе толпа возвращается домой вмѣстѣ со своими сытыми псами. Стерегущіе уходъ чувашъ, изъ ближайшихъ деревень, русскіе крестьяне, налюбовавшись вдоволь на эту дьявольскую картину, дорисовываютъ ее еще тѣмъ, что увозятъ оставленное усопшимъ имущество къ себѣ домой, употребляя лучшія вещи на одежду дѣтей и бѣдныхъ.

Всѣ эти жертвоприношенія хотя и слишкомъ уродливы и какъ бы невѣроятны, тѣмъ не менѣе продолжаются до нынѣ, среди плохо развивающагося и мало прививающагося развитія всего вообще населенія казанской губерніи, гдѣ нѣкоторые творятъ подобныя безобразія, а другіе подбираютъ ихъ остатки.

Остальныя общія поминки по усопшимъ бываютъ похожи на тѣ, которыя справляются въ сороковый день въ избѣ усопшаго, только съ тою разницею, что по окончаніи обряда у себя дома, всѣ отправляются съ угощеніями отъ сосѣда къ сосѣду, гдѣ повторяется одно и тоже.

Къ сему отдѣлу относится обрядъ объ изгнаніи изъ дому злого духа, что дѣлается въ одинъ день съ жертвоприношеніемъ высшему богу, въ страстную пятницу. Этотъ обрядъ начинается съ молитвъ возносимыхъ Торѣ, потомъ слѣдуетъ ѣда и питье, а кончается день тѣмъ, что каждый изъ молящихся вооружается палкою и начинаетъ бить по стѣнамъ, угламъ и разнымъ предметамъ внутри избы. Постепенно каждый переходитъ къ выходу, гдѣ тоже самое дѣлается, какъ и на дворѣ и во всѣхъ надворныхъ строеніяхъ; за тѣмъ выходятъ на улицу и размахивая палками, ударяя или по землѣ и по встрѣчнымъ предметамъ, вся толпа двигается впередъ ускоренно до ближайшаго ручья, оврага и подобныхъ предметовъ. Затѣмъ каждый бросаетъ палку и вслѣдъ имъ яйца и хлѣбъ и возвращается домой съ увѣренностію, что Шайтанъ изгнанъ.

Какъ мы уже видѣли, многіе изъ этихъ религіозныхъ обрядовъ вмѣстѣ съ тѣмъ не болѣе какъ праздники, сопровождаемые громкими напѣвами при звукахъ доморощенной музыки и разными играми. Такого же свойства и всѣ остальные праздники, но безъ жертвоприношеній, однакожь съ постояннымъ угощеніемъ, пивомъ и виномъ, что обыкновенно кончается утратою всѣми всякаго сознанія. Женщины и дѣвицы не могутъ быть исключаемы при этомъ. Палласъ разсказываетъ, что накапунѣ пятницы, во всѣхъ язычествующихъ деревняхъ, сотники обходятъ всѣ избы и оповѣщаютъ о наступленіи праздника. Онъ начинается съ молитвъ обращенныхъ къ йириху и кончается нескончаемымъ угощеніемъ.

У охристіанившихся чувашъ празднуютъ одинако воскресенье, начиная съ поѣздокъ въ церковь. Храмовые праздники они также чтутъ, какъ и русскіе, но по замѣча-

нію Сбоева, чуваши по окончаніи службы, ходятъ цѣлою толпою по причту поздравлять каждаго изъ нихъ съ праздникомъ, послѣ чего начинается ѣда, музыка, пляска и игры. Одинаково справляютъ Рождество, масляницу и Пасху. Предъ наступленіемъ Рождества вся молодежь, собравшись вмѣстѣ съ дѣтьми, ходитъ по избамъ и кричитъ „овечья нога", т. е. напоминая время, когда овцы ягнятся, кидая на полъ орѣхи или желуди. Ребятишки поднимаютъ орѣхи, а хозяинъ дома угощаетъ ватагу пивомъ или виномъ. При сопровожденіи деревенской музыки, эта процессія направляется дальше, причемъ нѣкоторыя дѣвицы пускаются въ пляску, вмѣстѣ съ парнями, какъ по улицѣ, такъ и въ избахъ.

На масляницѣ чуваши катаются на лошадяхъ въ саняхъ или салазкахъ, увѣшенныхъ лентами, бубенчиками и колокольчиками. Также во всѣхъ мѣстахъ устроиваются ледяныя горы. Кромѣ того дѣвицы составляютъ складчину пива, меду и разныхъ блюдъ, приглашая молодыхъ парней къ себѣ на общій дѣвичій пиръ, гдѣ подъ музыку всѣ пляшутъ, играютъ и угощаются. Также чуваши семействами ѣздятъ на Рождествѣ и масляницѣ по родству, взявъ съ собою всякое угощеніе. По пріѣздѣ гостей сначала угощаютъ хозяйскимъ виномъ, а потомъ уже начинается распиванье привезеннаго. При этомъ пьющіе оборачиваются на востокъ, приговаривая: Господи помилуй, Господи не оставь, Господи избытокъ дай, хорошенько жить помоги. Потомъ отливаютъ нѣсколько изъ ковша обратно и начинаютъ пить. Во время питья они безпрестанно поздравляютъ другъ друга. Въ тоже время происходитъ пляска подъ музыку и поочередно. Во время подобныхъ пирушекъ лучшее угощенье ширданъ, т. е. баранина, изжаренная въ зашитомъ рубцѣ, въ видѣ колбасы, которая всегда имѣется въ готовности въ анбарахъ и подается только въ праздники.

Кромѣ всего вышеизложеннаго, существуютъ у чувашъ зимою дѣвичьи праздники въ видѣ русскихъ посидѣлокъ. Для этого въ какомъ нибудь домѣ собирается вся молодежь, при чемъ дѣвицы прядутъ, распѣвая пѣсни, а мущины плетутъ лапти, курятъ трубки, также распѣваютъ, либо играютъ на какомъ нибудь инструментѣ. Потомъ начинаются игры, показываютъ разныя фокусы, пробуютъ разнымъ способомъ свою силу и забавляются на всякій ладъ, проводя время такимъ образомъ до поздней ночи.

Изъ всего этого можно заключить, до какой степени женщины у чувашъ общительны, доступны ко всякому дѣлу, такъ что всякій обрядъ, праздникъ или увеселеніе не можетъ обходиться безъ нихъ, составляя особенно рѣзкій контрастъ съ значеніемъ женщинъ у татаръ. Какъ религія чувашъ, такъ и это положеніе женщинъ уже показываетъ на сколько расходятся эти два народа, образуя два совершенно отличныхъ характера, далеко не схожихъ между собою.

Любимая игра чувашъ, при всякомъ собраніи дѣвицъ и молодыхъ людей, лычки. Взявъ пукъ лычковъ, концы его раздаютъ по рукамъ и та пара, у которой концы оказались отъ одного лычка, должна цѣловаться. Жмурки также весьма употребительная игра, между молодыми. Тотъ кому завязываютъ глаза, получаетъ жгутъ, которымъ хлещетъ по всѣмъ сторонамъ, пока не настигнетъ ударъ, одного изъ играющихъ. На рождествѣ чуваши изощряются въ выдумкахъ на разныя чудовищныя наряды, пугая этимъ дѣтей и доставляя не малое удовольствіе дѣвицамъ. Кромѣ того молодые люди выдумываютъ разныя любезности, по большей части весьма грубыя, которыми забавляютъ дѣвицъ, во время своихъ сходокъ. Такимъ образомъ они показываютъ, какъ кровь льется изъ шеста. Для сей цѣли дѣвица и парень становятся другъ противъ друга на чурбанахъ или стульяхъ. Дѣвицѣ даютъ въ лѣвую руку шестъ, а парень въ правой держитъ ножъ, а въ лѣвой ковшъ воды. Въ то время, какъ вниманіе дѣвицы всецѣло устремлено на шестъ, парень ударяетъ по немъ ножемъ, выливая на голову дѣвицы ковшъ воды. Внезанность вызываетъ одновременно и хохотъ постороннихъ и неудовольствіе обманутой, что только и можетъ случиться однажды съ каждою изъ обманутыхъ.

На этихъ же вечерахъ молодцы пробуютъ свои силы, взявшись за концы палки и упираясь пятами. Затѣмъ начинается перетягиванье, кончающееся тѣмъ, что одинъ изъ двухъ долженъ приподняться.

Наконецъ не малое удовольствіе чувашъ составляютъ сказки, къ которымъ прибѣгаютъ они во всякое свободное время. Сидятъ ли чуваши въ тѣсномъ самейномъ кругу при одномъ или двухъ пріятеляхъ; стерегутъ ли они табуны или они на посидѣлкахъ, если находится межъ нихъ краснорѣчивый разсказчикъ, сказки составляютъ важное средство препровожденія времени, въ особенности зимою. Составныя части чу-

вашихъ сказокъ всегда какой нибудь богатырь или красавица дѣвица. Нерѣдко тѣхъ и другихъ замѣняетъ музыкантъ, пузырщикъ, которому чуваши, принимая его за одареннаго свойствомъ колдовства, приписываютъ всякія небылицы, привороженіе и прочее. По разсказу Михайлова, сказки чувашъ переполнены воображеніемъ; яблоки пляшутъ, листья бьютъ въ ладоши; у источника для жаждущаго—серебряный ковшъ; ихъ лошади необыкновенной быстроты; тутъ встрѣчаются и свѣтлыя озера, камыши и осокоревыя деревья. Вообще подобныя сказки носятъ на себѣ оттѣнокъ арабскій и отличаются нѣсколько отъ той, которая приведена выше о конокрадахъ.

Чуваши имѣютъ слѣдующіе инструменты: пузырь (шыбыръ), гусли, гудокъ, дудка, гармонія, балалайка и скрипка, сильно распространившаяся въ послѣднее время.

Изъ всѣхъ этихъ инструментовъ наиболѣе древній инструментъ чувашъ пызырь разной величины. Пузырщикъ, какъ уже выше было сказано, весьма важное лицо въ кругу своего околодка, который вѣритъ, что онъ можетъ приворожить къ себѣ каждую дѣвицу. На свадьбахъ они послѣ жениха играютъ самую видную роль, такъ точно какъ и при всѣхъ увеселеніяхъ и никто не дерзнетъ съ ними ссориться въ избѣжаніе лишиться музыки, но соперничать дозволительно и забавно, такъ какъ отъ этого зависитъ степень уваженія. Это соревнованіе, въ особенности на свадьбахъ, переходитъ иногда всякія границы и сильно вліяетъ на здоровье играющихъ. Искуство игры у этихъ людей зависитъ не только отъ ихъ груднаго органа, но главнымъ образомъ отъ совершенства самаго инструмента, который въ послѣднее время достигъ до степени 8 тоновъ и такая игра почитается уже за верхъ искусства.

Замѣчательно также и то, что если эти пузырщики отправляются въ бурлаки, то пузыри свои они берутъ съ собою. Проѣзжая на суднѣ мимо своихъ родныхъ береговъ, они влезаютъ на мачту и начинаютъ играть, выражая этимъ, какъ бы тоску по родинѣ, по тѣмъ дѣвицамъ, которыя нѣкогда слушали ихъ съ увлеченіемъ. Нынѣ пузыри употребляются исключительно тамъ, гдѣ громкія ликованія нуждаются въ болѣе сильныхъ звукахъ, въ противномъ случаѣ замѣняютъ ихъ гуслями, на которыхъ также появились хорошіе музыканты. Нерѣдко музыканты чуваши съигрываются

на всѣхъ своихъ инструментахъ, составляя такимъ образомъ свой оркестръ изъ пузыря, гуслей, гармоники, балалайки, скрипки и барабана. Настройка инструментовъ, такъ точно какъ и самая игра, недоступная какъ инструментамъ такъ и играющимъ, очень оригинальна, напоминая цѣликомъ басню Крылова квартетъ. Собственныхъ мотивовъ у нихъ очень мало, но есть импровизація и полный репертуаръ русскихъ плясовыхъ пѣсенъ, также извѣстны имъ нѣкоторые вальсы, польки и подобные легкіе мотивы. Чувашскіе мотивы свидѣтельствуютъ о наклонности чувашъ къ музыкѣ, которая въ смыслѣ ихъ образованія, могла бы принести большую пользу народу, развить ихъ слухъ, если бы обратили на этотъ предметъ хоть бы малѣйшее вниманіе. И музыка можетъ многое пояснить, что не досказывается словами, книгами, въ особенности если послѣднихъ вовсе нѣтъ. Я полагаю, что чуваши не уступятъ въ изученіи музыкѣ и игрѣ на разныхъ инструментахъ, въ особенности духовыхъ, евреямъ, которыхъ постоянно и вездѣ суютъ въ военные музыкантскіе хоры, не извѣдавъ способность личности, а лишь потому, что король Давыдъ игралъ хорошо, слѣдовательно всѣ евреи должны также хорошо играть. Проба назначать чувашей въ музыканты могла бы, можетъ быть, принести какъ имъ, такъ и войску большую пользу, основываясь на сочувствіи чувашъ къ музыкѣ, хотя бы и очень несовершенной.

Чуваши, плетя лапти, оберегая скотину и птицу на водѣ, либо проводя свободное время въ тѣсномъ кругу или въ сообществѣ односельцевъ, а также во время народныхъ праздниковъ, для своего развлеченія прибѣгаютъ къ пѣснямъ, изъ коихъ нѣкоторыя поются однимъ лицомъ, а другія съ припѣвомъ цѣлаго хора. Здѣсь прилагаются пѣсни: 1) хозяевъ при угощеніи и провожаніи гостей 2) гостей, при угощеніи хозяевъ, 3) пѣсня невѣсты безъ словъ и 4) сурна. Изъ этихъ пѣсенъ и другихъ можно составить слѣдующіе выводы: чувашская музыка имѣетъ свою самостоятельность, отличную отъ русской, татарской и черемисской музыки. Въ ней больше пѣвучести, чѣмъ у татаръ и черемисъ. Рулады и носовыя ноты у нихъ встрѣчаются рѣдко. Хоровыя пѣсни поются по преимуществу унисономъ. Церковное пѣніе въ нѣкоторыхъ православно-чувашскихъ приходахъ идетъ очень успѣшно и по справедливости имъ могутъ гордиться тѣ лица, которыя занимаются этимъ дѣломъ столь добросовѣстно.

Что касается до способности играть на разнообразныхъ войсковыхъ инструментахъ, то тому доказательствомъ служатъ два чувашенина дивизіоннаго хора 2-й пѣхотной дивизіи, которые вышли въ отставку въ 1869 году.

Собственно изъ пѣсенъ наиболѣе употребительны и извѣстны слѣдующія:

Чимъ чимъ кызыя! шта кандынъ кызыя,	Постой, чижикъ, куда ты лѣтишъ?
Кандыръ вуры симяшкынъ.	Конопляное сѣмечко клевать лечу.
Я хози корзасынъ?	А какъ хозяинъ увидитъ?
Чиршъ туррыне хобарыпъ.	На вершину елки поспѣшу улѣтѣть.
Чиршъ туррыне тарзасынъ, онда минь сіинъ?	А туда улетѣвши, чѣмъ будешь питаться?
Чиршъ йиггеллине онда ларза сіипъ.	Еловыя шишки тамъ буду поѣдать.
Я пырна ларзасынъ?	А если онѣ въ горлѣ засядутъ?
Чавыпъ та кларыпъ.	Оттуда ихъ вытащу.
Я іонъ тохсасынъ?	А если кровь пойдетъ?
Шува каипъ-та тазалыпъ	Пойду на рѣку да вымоюсь.
Я шинза кайзасынъ?	А если тамъ озябнешъ?
Вотъ хорып та ужуныпъ	Раскладу огня да нагрѣюсь.
Я ору письсэ кайзасынъ?	А если отъ жару нога сгоритъ?
Тимирзя каипъ-та сыптарыпъ.	Въ кузницу пойду да наварю.
Я тимирьзь кильдэ полмазасынъ,	А если кузнеца дома не найдешъ?
Вара хорахъ оруба сикьсэ сюрипъ.	Тогда на одной ногѣ стану прыгать.

Вотъ какъ поясняется эта пѣсня: подъ чижикомъ слѣдуетъ разумѣть человѣка, ухаживающаго за дѣвицею, который за раскрытіемъ тайны скрывается въ лѣсу, питаясь еловыми шишками и травою. Выниманіе шишекъ и омовеніе—спасеніе Богомъ. Ознобленіе—отверженіе Богомъ. Согрѣваніе огнемъ—призрѣніе. Обжогъ ноги—отверженіе людьми. Навареніе ноги—наемъ въ работники. Отсутствіе кузнеца—отказъ въ наймѣ. Скаканіе на одной ногѣ—бѣдность, милостыня.

Айда инге вурмана	Пойдемъ сноха въ лѣсъ гулять,
Хура сирла пустярма	Малину сладку собирать,

Хура сила тутла-маръ	Но малина не вкусна,
Мана игне тода боръ	Поцѣлуй меня въ уста.

Ингѐ арымъ хирь бо̀льми,	Жена молодица не будетъ уже дѣвкой
Кюлни то́рыхъ сють бо́льми.	Какъ и творогъ молокомъ не будетъ.
Ингѐ, дярымъ минь дярынъ?	Молодка! я сказалъ.-Что скажешь?
Пря куму̇лъ коръ, дярымъ,	Испытай хоть разъ любовь, сказалъ
Пря кумулъ кормарин	Любви ни разу не испытала.
Юмюряхъ хозахъ сюрямибыръ.	Не всегда же будешь жить въ одиночествѣ,
Адя инге́ сердя́я̇,	Пойдемъ молодка за снитью.
Сердя самры̇къ, бымастынъ	Снить молода, не пойду;
Адя инге́ потра́па;	Пойдемъ молодушка за борщомъ;
Ботранъ писмянъ бымастынъ;	Борщъ не поспѣлъ, не пойду
Адя инг сирла́я;	Пойдемъ молодушка за ягодами;
Сирла болманъ бымастынъ.	Ягоды зелены, нѣтъ не пойду.

Хора хи́рь-зэне	Брюнетокъ дѣвушекъ,
Хора тора со́ратны;	Черный богъ родилъ;
Хирле-хи́рь-зэне	Красивыхъ дѣвушекъ,
Хирле тора со́ратны	Красивый богъ родилъ;
Хи́рь-зэмъ хизирь боласъ-ранъ	А чтобы дѣвушки не были безплодны.
Пире тора со́ратны	Для того насъ богъ родилъ;
Хора хи́рь-зэне	Чернымъ дѣвушкамъ,
Хора корга̇ба сыра барасъ.	Чернымъ ковшомъ пиво поднести,
Хирле хи́рьзэне	Краснымъ дѣвушкамъ
Хирле корга-ба сыра барасъ.	Краснымъ ковшомъ пиво поднести.

Въ такомъ же родѣ есть еще много другихъ пѣсенъ, достаточно ясно выказывающихъ, что чуваши, при всей робкости и смиренности, довольно пылкій и страстный народъ, оцѣнивающій достоинства женщины и воспѣвающій ихъ прелести съ тѣмъ сознаніемъ, которое имъ доступно, въ виду неотъемлемой пользы женщины въ семействѣ и вездѣ, гдѣ она принимаетъ прямое участіе: на работѣ, гуляньяхъ, моленьяхъ и гульбищахъ. Но кромѣ этихъ пѣсенъ есть и другія, довольно грустныя, въ которыхъ жалуется чувашенинъ на неудачу, на судьбу, на участь; изъ нихъ нѣкоторыя далеко не лишены поэтическаго вдохновенія. Въ этихъ то пѣсняхъ и слѣдуетъ искать ихъ литературы, которая, если собрать ее по всей чувашской землѣ, окажется далеко не бѣдною. Но нельзя также пройти молчаніемъ хоровыя, обрядовыя пѣсни изъ коихъ мы представляемъ одинъ образчикъ:

Ай, ай ингге. Куль ингге,
Хора-рахъ та шатра-рахъ.
Ахъ, ахъ астуманъ.
Астумазыръ ильны она!
Сара каикъ туратьчэнь
Сарни тордса сигыньче
Ахъ,
Астумазыръ
Хвэль хирельзэ-тогатьчэнь
Питьнэ турза сювыньче
Ахъ

Шора коракъ туратьчэнь
Шоръ сарпаннэ сырныньче
Ахъ

Вить-вить-каикъ туратьчэнь
Вить салминэ турыньче;
Ахъ

Хора коракъ туратьчэнь
Хораннэ сювза сяггыньчэ
Ахъ

Вильтрень каикъ туратьчэнь
Витренэ сюклезэ турыньче;
Ахъ

Молодая Акулинушка
Черновата, рябовата.
Ахъ, ахъ позабыли
Позабывшись ее взяли.
До просыпу жолтянки
Пусть свой сарни подвяжетъ.
Ахъ, ахъ

До восхода солнышка
Пусть встанетъ умоется.
Ахъ

До просыпу вороны
Пусть сарпанъ обернетъ;
Ахъ

До просыпу мелкихъ птицъ
Пусть салму накрошитъ.
Ахъ

До просыпу ворона
Котелъ вымывши подвѣситъ.
Ахъ

До просыпу крапивника
Пусть ведро (воды) принесетъ.
Ахъ

Наконецъ есть пѣсни обрядовыя, возносимыя Богу и земному царю и не менѣе того бранныхъ, если напримѣръ, свахи не довольны угощеніемъ на свадьбахъ или по другимъ случаямъ, причемъ многія изъ нихъ переполнены русскими площадными выраженіями.

Выше уже дано понятіе о томъ, какимъ образомъ сходятся чуваши съ чувашками, изъ чего можемъ заключить, что выборъ невѣсты въ полной мѣрѣ зависитъ отъ жениховъ, но не отъ ихъ родителей.

Изъ нихъ болѣе осторожные и благоразумные не ограничиваются тѣмъ, что увидятъ только дѣвушку; нѣтъ многіе изъ нихъ желаютъ знать ихъ образъ мыслей, ихъ способность хозяйничать и потому уговариваютъ своихъ односелокъ, пригласить дѣвушку къ себѣ на гулянье, напримѣръ въ семикъ. Дѣвушку заманиваютъ, угощаютъ на счетъ жениха пряностями, въ то время, какъ онъ ее высматриваетъ и вслушивается въ ея разговоръ. По отъѣздѣ ея, женихъ обязанъ угостить тѣхъ односелокъ, которыя сдѣлали ему такое одолженіе. Другіе же, увидѣвъ дѣвушку, отправляются въ ея деревню, какъ бы покупатъ хлѣбъ, либо другой товаръ для отца или брата и во время своего разговора, высматриваютъ дѣвушку, которая въ это время подаетъ пиво и прислуживаетъ при закускѣ. Наконецъ есть рѣдкіе случаи, что прибѣгаютъ къ свахамъ или сватамъ. Убѣдившись, что дѣвушка соотвѣтствуетъ требованіямъ, начинается сватанье и вскорѣ послѣ того бываетъ и свадьба, обыкновдно въ періодъ отъ Петрова до Ильина дня, т. е. во время хлѣбнаго цвѣта, когда у чувашенина считается за грѣхъ, заниматься какою либо работою, за исключеніемъ драть лыки. Невѣстъ по большей части выбираютъ изъ другихъ деревень по той причинѣ, что чуваши, селясь по семействамъ и родоначальникамъ, всѣ между собою въ родствѣ, но тамъ, гдѣ это родство уже очень отдалилось, гдѣ деревня считаетъ свыше 100 дворовъ, тамъ случается, что чуваши берутъ себѣ въ жены изъ той же деревни, что бываетъ однакожъ рѣже, такъ какъ этимъ нарушается свадебный обрядъ, т. е. длинные поѣзды изъ деревни въ деревню.

Женихъ, собравшись жениться, объявляетъ о томъ отцу, который, находя невѣсту подходящею, отправляется съ ближайшимъ родственникомъ и съ сыномъ, если послѣдній незнаетъ своей невѣсты, въ ея домъ, взявъ съ собою вина.

По объявленіи о причинѣ пріѣзда, невѣстинъ отецъ спрашиваетъ дочь о согласіи, которая даетъ отвѣтъ чрезъ мать. При этомъ однакожъ несогласіе дочери не слишкомъ принимается въ разсчетъ, такъ какъ главное тутъ, по выгоднѣе выдать замужъ, получить хорошій калымъ или выкупъ. Изъ за послѣдняго происходятъ всегда длинные переговоры и несогласіе со стороны отца невѣсты, который увѣряетъ, что она еще молода, нужна въ хозяйствѣ и проч. Когда наконецъ сговорятся о калымѣ, доходящимъ отъ 3—100 р. с. смотря по состоянію и достоинству невѣсты, то ставятъ на столъ каравай съ салмою. Жениховъ отецъ кладетъ на каравай мѣшокъ съ калымомъ, послѣ чего старшій невѣстинъ семьянинъ, отецъ или братъ, кто въ живыхъ, беретъ каравай вмѣстѣ съ калымомъ и, оборотясь къ востоку, произноситъ слѣдущую молитву: дочь съ зятемъ, Господи, сохрани, на людскія рѣчи, Господи, не попускай, храни ихъ въ благонравіи, мирѣ; въ единой дружбѣ, согласіи жить, Господи, помоги. Послѣ того отцы раскланиваются. За тѣмъ невѣстинъ отецъ беретъ калымъ, вынимаетъ деньги изъ кошелька, отдаетъ послѣднія отцу жениха, положивъ предварительно въ кошелекъ, мѣдную монету, дабы у новаго родственника не переводились деньги. Далѣе начинается обоюдное угощеніе привезеннымъ виномъ и принесеннымъ съ погреба пивомъ, которымъ обноситъ гостей невѣста. Женихъ, сидѣвшій на лавочкѣ, выходитъ послѣ этого на дворъ, прося невѣсту показать свое приданое; требованіе это исполняется въ присутствіи женинской родни въ анбарѣ и женихъ, осматривая всѣ вещи, которыя сотканы, сшиты и вышиты по большой части самою невѣстою, восклицаетъ безпрерывно: ну твои чистенькія ручки, ну твои хорошенькія глазки. По окончаніи угощенія, отецъ съ родственникомъ или сватомъ садятся въ телѣгу, провожаемые новымъ родствомъ, а женихъ садится на козла правитъ, проѣжая деревню вскачь. Во все время обратнаго пути сѣдоки поютъ: Богъ помогъ намъ невѣсту сосватать, у меня сынокъ Григорій есть говорю я; ему Богъ помоги и меня призрѣвать и Царю помогать. Какъ отцы наши живали, такъ и ему Господи повели.

Но случается иногда, что отцы никакъ не могутъ сойтись на счетъ калыма. При такомъ разногласіи свадьба уже быть не можетъ, но только до извѣстнаго срока, такъ какъ этому горю помогаетъ обычай красть невѣсту или вѣрнѣе

калымъ. Эта покража всегда бываетъ извѣстна отцу или родственникамъ жениха и не безъ вѣдома невѣсты. Для исполненія сего, пользуются рабочею порою, когда мущины отправляются въ поле и остается по какимъ либо причинамъ дома дочь, которая въ сопровожденіи своихъ подругъ уходитъ въ лѣсъ по ягоды или грибы. Тутъ ей встрѣчается сватъ, который, наговоривъ много о достоинствахъ и достаткѣ ея жениха, добивается согласія на свиданье. Въ назначенное время и мѣсто является туда невѣста. Внезапно ее хватаютъ и увозятъ въ кибиткѣ въ деревню къ жениху, который въ это время одѣтъ щегольски и верхомъ конвоируетъ, вмѣстѣ со своими пріятелями, свою невѣсту. Какъ только что вѣсть о покражѣ разнесется въ невѣстиной деревни, мущины ея родственники отправляются къ жениху и пріѣхавъ начинаютъ примѣрно, но и выразительно, драку, кончающуяся тѣмъ, что обѣ стороны идутъ въ кабакъ и перепиваются до положенія ризъ. Этою покражею уменьшается только калымъ, но не уничтожается. Также послѣ такой покражи, родственники невѣсты считаютъ за необходимость выдать ее за мужъ для снятія съ нея того пятна, которое на ней лежитъ. Невѣсту привозятъ къ себѣ домой и за тѣмъ неминуемо бываютъ тѣже празднества и обряды, какъ и при совершеніи брака, безъ кражи.

Спустя три дня послѣ сватовства, женихъ, нагрузившись виномъ и гостинцами, ѣдетъ къ невѣстѣ, гдѣ, угощая свою будущую родню, сговаривается о днѣ свадьбы. Послѣ сего до самаго дня свадьбы женихъ отгуливаетъ съ молодежью свое холостое время, а невѣста въ обществѣ подругъ остается постоянно дома и приготовляетъ свое приданое среди пѣсенъ, сообразныхъ съ тѣмъ положеніемъ, въ которомъ она находится.

По истеченіи 2 недѣль, въ день свадьбы, у жениха и невѣсты самымъ опрятнымъ образомъ выметаютъ ихъ обширные дворы и по срединѣ устраиваютъ амфитеатръ изъ лавокъ подъ названіемъ шиликъ, съ площадкою по срединѣ. На этой площадкѣ устанавливаются два стола, причемъ къ концу одного прикрѣплена березка. На столѣ стоятъ разныя угощенія, пиво и вино.

Къ этому же дню, съ согласія родителей, уже избраны разныя должностныя свадебныя лица и именно: 1) свадебный голова, изъ родственниковъ. 2) Посаженный отецъ или вѣр-

нѣе смѣльчакъ свадебнаго пира изъ родственниковъ или посторонннхъ. 3) Дружка, старшій или большой зять изъ родственниковъ и зятьевъ. 4) Жена дружки или жена старшаго, большаго зятя пазначается въ свахи къ жениху и невѣстѣ. 5) Полдружка изъ холостяковъ, вооруженный старинным луком и стрѣлою. 6) Служитель, изъ мальчиковъ для присмотра за лошадьми свадебнаго поѣзда. 7) Два пузырщика и столько же барабанщиковъ.

Утромъ въ день свадьбы, полдружка посылается женихомъ оповѣстить родственоиковъ и односельцевъ о предстоящемъ празднествѣ, который, нарядившись въ лучшую одежду, верхомъ, съ бубенчиками объѣзжаетъ приглашаемыхъ, останавливается у дворовъ и кричитъ: поѣдемте на свадьбу; женатый, жену пусть возьметъ; съ дѣтьми женщина, пусть и дѣтей съ собой беретъ; а если дѣтей нѣтъ, то колотушку пусть возьметъ. Послѣ сего собираются всѣ у жениха, причемъ нерѣдко съѣзжаются до 60 повозокъ. Холостые же всѣ верхомъ въ кумачныхъ рубашкахъ, въ шляпахъ, украшенныхъ разноцвѣтными тесемками и кистями. Нѣкоторые надѣваютъ синіе кафтаны, обшитые или отороченные сурковымъ или хорьковымъ мѣхомъ. Лошади ихъ съ бубенчиками и колокольчиками.

Когда гости соберутся, то какъ женихъ, такъ и невѣста начинаютъ одѣваться. У невѣсты это продолжается очень долго, такъ какъ нарядъ, описанный выше, довольно сложенъ. Всѣ свои серебряныя украшенія они вычищаютъ, до блеска, мѣломъ, а волосы вымываютъ особенно тщательно ойраномъ, отъ чего они не меньше блестятъ, чѣмъ ихъ украшенія. Жениха также одѣваютъ въ анбарѣ всѣ гости, но главнымъ его помощникомъ полдружка. По большей части лапти замѣняются сапогами, а онучи чулками. Затѣмъ слѣдуетъ синій кафтанъ, подпоясанный шелковымъ поясомъ. Сзади подвязывается четвероугольникъ, покрывающій весь задъ, вышитый тесьмою и галунами. Спереди привязывается фартукъ, вокругъ шеи; онъ вышитъ на груди, по краямъ и на концѣ разными узорами. На шею навѣшивается ожерелье изъ серебряныхъ монетъ; на голову надѣвается суконная шапка съ сурковымъ или хорьковымъ околышкомъ, которая сверхъ того обвязывается бумажнымъ или шелковымъ краснымъ платкомъ, котораго одинъ конецъ длиннѣе и распущенъ. На руки женихъ надѣваетъ маленькія рукавицы или перчатки, а

въ правую беретъ нагайку. Когда такимъ образомъ женихъ одѣнется, то полдружка три раза ходитъ въ избу къ родителямъ, спрашивая, что они подарятъ своему сыну. Получивъ наконецъ въ отвѣтъ, что сынъ наслѣдуетъ все состояніе, либо что ему отдадутъ анбаръ, лошадь или т. п. полдружка возвращается, объявивъ отвѣтъ и за тѣмъ женихъ со всѣми гостями выходитъ на дворъ. Съ разрѣшенія главы свадьбы, полдружка приказываетъ музыкантамъ играть, причемъ гости свищутъ и хлопаютъ въ ладоши и полдружка пляшетъ; вслѣдъ за нимъ повторяется тоже самое нѣсколькими молодыми людьми изъ гостей. По окончаніи этого, всѣ съ напѣвомъ ой ря-ре-ря-ре-ой ря-ре-ря-ре идутъ къ родителямъ въ избу. Шествіе это называется: поднимаются.

Въ избѣ приготовленъ для жениха особый столъ съ лавкою, покрытою войлокомъ. Женихъ, вошедши, ударяетъ по войлоку три раза, для изгнанія всего дурнаго; въ это время отецъ кладетъ на войлокъ деньги, до цѣлковаго, дабы сынъ не сидѣлъ на пустомъ мѣстѣ. Женихъ беретъ деньги и садится. Потомъ полдружка подчуетъ жениха и всѣхъ гостей пивомъ и виномъ и надѣваетъ чрезъ плечо лукъ, а къ поясу подвязываетъ колчанъ со стрѣлою. Къ верхнему концу лука привязывается бѣлый холстъ, длиною аршинъ шесть. Полдружка, нарядившись, начинаетъ плясать подъ музыку и ему вторятъ нѣсколько холостяковъ.

Послѣ этого всѣ отправляются къ невѣстѣ, при этомъ женихъ, дружка, его жена, полдружка и пузырщикъ, а также вся молодежъ верхомъ; остальные въ разныхъ повозкахъ и въ кибиткахъ. Женщины ѣдутъ стоя. У главы свадьбы четыре сумки чрезъ плечо, у дружки двѣ. Выѣхавъ изъ деревни, глава свадьбы останавливаетъ поѣздъ и повѣряетъ всѣ ли выѣхали. За тѣмъ снимаетъ шапку; по его примѣру всѣ мужчины дѣлаютъ то же и молятся въ слухъ: Господи помилуй, Господи не оставь, Господи помоги намъ, не введи въ стыдъ и въ посмѣяніе. Накрывшись потомъ шапками, поѣздъ трогается при звукахъ пузыря, колокольчиковъ, бубенчиковъ, хлопаньи въ ладоши, свистѣ, стуканьи повозокъ и среди хоровыхъ пѣсенъ. Женщины хоромъ запѣваютъ, а мущины послѣ каждаго стиха хоромъ переливаютъ мотивъ на разные лады. Пѣсня такая вотъ что значитъ:

1) Непремѣнно, непремѣнно увеземъ, увеземъ, увеземъ, не взявши не поѣдемъ, не взявши не поѣздемъ, не взявши не поѣдемъ.

2) Имѣющая пріѣхать съ нами о, еслибы была хороша (три раза)
3) Свекру и свекрови о! еслибы была угодлива (три раза)
4) Ахъ какъ бы съ мужемъ пожила согласно (три раза)
5) Не лѣнива бы была и работяща (три раза)
6) И для насъ была бы не противна (три раза)
7) Какъ бы хорошо было, если бы была годная (три раза).

Послѣ каждаго стиха мущины поютъ: Эй, ре, ре, ряй, ре, ре, ряй, рой, ой, рой, рой, рой, ой, ра, ра! Эехъ, оіохъ, оіохъ, ой, іой, іой, іой, оіохъ, оіохъ, (на манеръ тирольцевъ).

Чѣмъ ближе поѣздъ приближается къ невѣстиной деревни, тѣмъ онъ становится шумнѣе. Полдружка невѣсты, котораго зовутъ глава веселья, узнавъ о приближеніи поѣзда, затворяетъ ворота, требуя недоплаченнаго калыма. Иногда это дѣлается для шутки, но случается, что калымъ при сватовствѣ былъ не весь уплаченъ, либо ничего не дано, если невѣста была краденая. Глава веселья останавливая поѣздъ жениха, кричитъ ему: стой свадьба, если не будетъ уплаченъ весь калымъ, то берите невѣсту, но отправляйтесь безъ угощенія и придоного. Тогда весь поѣздъ отправляется на сосѣдній дворъ, а глава свадьбы съ дружкою входятъ къ невѣстѣ во дворъ и улаживаютъ дѣло съ отцомъ, послѣ чего весь поѣздъ впускается во дворъ.

Въѣзжая, глава свадьбы, дружка, полдружка и женихъ объѣзжаютъ 3 раза шиликъ, по теченію солнца и потомъ сходятъ съ лошадей. При этомъ дружка и полдружка помогаютъ жениху. Какъ ихъ лошади, такъ и всего поѣзда, отдаются подъ присмотръ служителя (пюлюхсе). При вступленіи жениха въ шиликъ, жениху подаетъ одинъ изъ родственниковъ невѣсты пиво, за тѣмъ онъ идетъ дальше къ своему столу, гдѣ кромѣ молочнаго и яичнаго не поставлено ничего, дабы женихъ катался какъ сыръ въ маслѣ. Усаживаясь, онъ переворачиваетъ войлокъ и ударяетъ по немъ 3 раза нагайкою. Родители невѣсты кладутъ на войлокъ серебряныя деньги, которыя онъ беретъ себѣ и садится на мѣсто. У другаго стола, съ березкою сидятъ главы свадьбы жениха и невѣсты, которыхъ родители невѣсты безпрестанно подчуютъ, а они наблюдаетъ за порядкомъ церемоніи. Березка украшена полотенцемъ, вышитымъ по концамъ. Какъ только женихъ усядется на свое мѣсто, начинаютъ невѣсту убирать въ анба-

рѣ, надѣвая на нее всѣ ея украшенія. По окончаніи сего невѣстинъ глава веселья, отправляется три раза къ ея родителямъ, спрашивая ихъ, что они даютъ ей въ приданое. Тѣ отвѣчаютъ: если она будетъ хорошо жить, то получитъ лошадь, корову и т. д. что пожелаетъ. Тогда онъ возращается назадъ, объявляетъ ей вѣсть, поздравляетъ и даетъ выпить пива изъ ковша. За тѣмъ ее накрываютъ покрываломъ изъ бѣлаго холста, вышитымъ по угламъ и краямъ. Два раза она его снимаетъ, на третій покрывало остается на головѣ и тогда ея пузырщикъ начинаетъ играть, глава веселья танцовать, а за нимъ пускаются и остальные въ пляску.

Одновроменно съ этимъ начинаются пляски на площадкѣ шилика. Въ нихъ волею и неволею принимаютъ участіе дѣвушки, которыхъ послѣ каждый пляски угощаютъ ковшомъ пива. Танецъ состоитъ въ томъ, что дѣвушка прямо смотритъ на своего кавалера, вздергиваетъ и опускаетъ руки, перебираетъ и семенитъ ногами, вращаясь скоро то въ ту, то въ другую сторону, раскланиваясь подъ конецъ съ женихомъ и главою свадьбы. Пузырщики въ это время напрягаютъ всѣ свои силы и качаясь изъ стороны въ сторону, какъ будто увлеченные играю, выдѣлываютъ невозможное для воспроизведенія своихъ однообразныхъ звуковъ, теряющихся среди барабаннаго боя, присвистыванья и шума. Хоръ жениховыхъ женщинъ поетъ въ это время:

Увезли таки увезли и веземъ,
Здѣсь не оставимъ мы, не оставимъ,
Мы не взявши не поѣдемъ.
А красива Марья, красавица Дарья
И у насъ дѣтинушка пригожъ, Григорій, Григорій.
Увезли таки увезли и веземъ,
Не оставили таки не оставили,
и т. д.

Каждый стихъ повторяется 3 раза, послѣ чего впадаетъ хоръ мущинъ и женщинъ: ре, ра, ре, рэ, ой, ра, рай, рой, рой, десять разъ.

Во время пѣнія женщины размахиваютъ полотенцами, которыя держутъ въ правой рукѣ.

Невѣсту накрытую покрываломъ отводятъ въ избу, гдѣ она начинаетъ оплакиват каждаго изъ своихъ родныхъ и

нерѣдко съ непритворными слезами. Оплакавъ всѣхъ, она къ каждому подноситъ ковшъ вина, становясь на одно колѣно и оставаясь въ этомъ положеніи, пока не опустятъ въ ковшъ денегъ, по благоусмотрѣнію. Во все продолженіе этого обряда играетъ въ избѣ невѣстина музыка и пузырщики. Вслѣдъ за тѣмъ входятъ въ избу всѣ жениховы гости со своими музыкантами. Тутъ начинается соревнованіе послѣднихъ съ невѣстиными музыкантами, и безъ того уже однообразная музыка превращается исключительно въ какую то силу наколачиванія барабановъ и надуванія пузырей. Дисгармонія достигаетъ при этомъ верха невѣроятія. Среди этого шума начинается общая пляска, которая тѣмъ кончается, что глава веселья выгоняетъ изъ избы всѣхъ гостей, вслѣдъ за которыми идетъ невѣста, въ сопровожденіи своего дружки. Къ этому выходу невѣсты приготовлены у подъѣзда нѣсколько повозокъ, въ которыя укладываютъ приданое невѣсты: нѣсколько кадокъ съ замками, вмѣсто сундуковъ, съ нарядами, перины и длинныя подушки. За труды укладыванія приданаго, невѣстинъ посаженный отецъ раздаетъ ея подругамъ мелкую монету. Какъ только повозки отъѣхали въ сторону, служитель подводитъ невѣстѣ верховую лошадь,приготовленную женихомъ. Тогда возращается она въ избу и снова начинается слезное прощаніе со всѣмъ ея родствомъ, среди неумолкаемой музыки пузырщиковъ. Глава свадьбы и женихъ сидятъ между тѣмъ все на своемъ мѣстѣ и угощаются.

Во время послѣдняго прощанія невѣсты, женихъ съ дружкою, полдружкою садятся на лошадей и снова объѣзжаютъ шиликъ по теченію солнца; сдѣлавъ это полдружка пускаетъ стрѣлу на востокъ. Ребятишки бросаются ее подымать и приносятъ обратно женихову главѣ, который спрашиваетъ далеко ли упала стрѣла и не дрались ли ребятишки. Дальній полетъ и отсутствіе драки по чувашскому суевѣрію значитъ долгая и мирная жизнь. Стрѣла отдается тому же мальчику, который ее поднялъ и не возращается полдружкѣ. За тѣмъ наполняю ся всѣ 4 сумы женихова главы съѣстными припасами, дабы они не переводились въ новомъ хозяйствѣ. По окончаніи сего свадебный глава встаетъ съ мѣста, прощается со всѣми и садится въ повозку, выѣзжая со всѣми изъ воротъ, гдѣ снова останавливаетъ весь поѣздъ и спрашиваетъ, всѣ ли выѣхали. Между тѣмъ женихъ съ

нагайкою въ рукахъ и въ сопровожденіи жены дружки и полдружки, ожидаетъ невѣсту у воротъ. Посаженный отецъ и смѣльчакъ входятъ въ это время въ избу, откуда при громкихъ рыданіяхъ и звукахъ музыки, выводятъ невѣсту на крыльцо съ опущеннымъ покрываломъ. Смѣльчакъ ей помогаетъ сѣсть верхомъ на лошадь. Усѣвшись, посаженный отецъ выводитъ подъ уздцы лошадь невѣсты за ворота. Какъ только невѣста поровняется съ женихомъ, онъ ударяетъ ее три раза нагайкою, въ знакъ, чтобы она позабыла прошлое, была бы проворная и работящая жена. Далѣе поѣздъ направляется въ женихову деревню въ слѣдующемъ порядкѣ: впереди ѣдутъ верховые, за ними слѣдуетъ невѣста, конвоируемая съ правой стороны, посаженнымъ отцомъ, а съ лѣвой - женою дружки. За невѣстою ѣдетъ женихъ; съ его правой стороны дружка, а съ лѣвой полдружка. За ними слѣдуетъ цѣлая вереница повозокъ и наконецъ пѣшіе родственники и односельцы невѣсты, провожающіе молодыхъ до выѣзда изъ деревни. Поѣздъ этотъ еще шумнѣе, чѣмъ тотъ, который пріѣзжаетъ къ невѣстѣ съ женихомъ и это понятно послѣ стольких угощеній. Этимъ кончается пиръ въ домѣ родителей невѣсты.

Невѣста пріѣхавъ на дворъ къ жениху сходитъ съ лошади, съ помощію посаженнаго отца и становится на разостланный войлокъ. Родители жениха кидаютъ на войлокъ деньги, на которыя наступаетъ невѣста, подбирая ихъ за тѣмъ. Послѣ сего при громкихъ пѣсняхъ и музыкѣ, вводятъ невѣсту въ избу, гдѣ ее встрѣчаетъ іомся съ ковшомъ пива, привѣтствіемъ и пожеланіемъ новобрачнымъ мира, согласія и богатства. Пока іомся говоритъ, молодые стоятъ наклонившись.

Такъ какъ вся эта церемонія продолжается до позднаго вечера, то за тѣмъ невѣсту отводятъ въ анбаръ или клѣтъ спать съ родственниками жениха. Остальные расходятся по деревнямъ, а ближайшіе остаются до слѣдующаго дня допраздновать свадьбу. На другой день утромъ выводятъ невѣсту въ томъ же нарядѣ и подъ покрываломъ и отправляются, уже малымъ поѣздомъ, въ приходскую церковь вѣнчаться. Туда же ѣдутъ посаженный отецъ, дружка съ женою и ближайшіе родственники. По возвращеніи изъ церкви ихъ вводятъ въ избу и становятъ у печи, при звукахъ музыки и пѣсняхъ ближайшихъ родственниковъ. Одинъ изъ нихъ беретъ суковатую вѣтку и пляшетъ съ нею вдоль избы,

дотрогиваясь два раза до покрывала. Въ третій разъ дотронувшись до покрывала вѣткою, онъ срываетъ его. Вслѣдъ за этимъ надѣваютъ на невѣсту масмакъ и сарпанъ, т. е. головное полотенце, вдѣваютъ серьги и покрываютъ хощпою.- Потомъ новобрачныхъ выводятъ на дворъ и покрываютъ войлокомъ. Свадебный глава, помолившись на востокъ, съ яишницею въ чашкѣ, отвѣдавъ, кидаетъ ее ложкою на молодыхъ два раза, дабы они были чисты, какъ въ яишницѣ молоко и чтобы наслаждались счастьемъ, какъ яишница плаваетъ въ молокѣ. По окончаніи этого обряда, подружка и двѣ дѣвицы начинаютъ плясать, причемъ одна изъ дѣвицъ держитъ на спичкѣ варенную въ молокѣ лепешку, съ которою она проходитъ промежъ молодыхъ. Тутъ молодая, выкупаетъ лепешку за 10—20 коп. сер. Далѣе вводятъ молодыхъ въ избу, гдѣ всѣ присутствующіе усаживаются по лавкамъ съ ковшомъ пива. Тогда молодая обходитъ по старшинству всѣхъ и даритъ каждаго какою либо вещью. Пузырщикамъ она даетъ по цѣлковому. Потомъ жена дружки спрашиваетъ всѣ ли довольны подарками? Если нѣтъ, то недовольные развѣшиваютъ свои подарки на березкѣ шилика и молодая немедля, замѣняетъ ихъ другими. Сдѣлавъ это, молодая подноситъ каждому ковшъ пива, а тѣ отплачиваютъ ей мелкою монетою и поцѣлуемъ.

Молодая, собравъ свои деньги, отводится въ лагучу. На крыльцѣ ожидаетъ мужъ, который наступаетъ ей на ногу, желая убѣдиться застѣнчива ли она. Подходя къ лагучѣ, она должна перешагнуть чрезъ холстъ, въ два пальца шириною, который держутъ дружка и одна изъ дѣвушекъ. Во время перехода чрезъ лоскутокъ, онъ вырывается изъ рукъ другой, послѣ чего молодая его выкупаетъ за 10—20 коп. сер. Онъ называется бириховъ лоскутокъ, въ честь второстепеннаго чувашскаго бога Бириха. Одинъ изъ молодыхъ людей въ тоже время говоритъ слѣдующіе стихи:

Ути, ути, утка!
Куда идешъ утка?
Рѣпу рѣзать иду,
Рѣпу кому подарить?
Хорошенькой невѣстѣ подарю.

Утка—новобрачный. Этимъ заканчивается какъ бы обрядъ свадьбы и молодыхъ отводятъ и запираютъ въ клеть, гдѣ они остаются два часа, послѣ чего ихъ подымаетъ сваха или

сноха молодой. Если молодая оказалась невинною, то признаки показываютъ всѣмъ. Новобрачная затѣмъ, выходя изъ лачуги, снова обноситъ всѣхъ подарками и потомъ отправляется съ золовкою либо ближайшею родственницею и въ сопровожденіи дѣвицъ и холостяковъ, за водою.

Всѣ они берутъ съ собою, кто метлу, другой кочергу, нѣкоторые садятся верхомъ на палку, сопровождая невѣсту такимъ образомъ. Золовка три раза опрокидываетъ ведро съ водою, на четвертый молодая даритъ золовку вещью или деньгами и несетъ воду въ избу. Тамъ она принимается варить яшку, которую всѣ ѣдятъ, какъ кушанье приготовленное новымъ человѣкомъ. Этимъ оканчиваются всѣ обряды послѣ чего начинается уборка шилика. (1)

Чрезъ недѣлю, три недѣли и полгода, молодые посѣщаютъ родителей и родственниковъ молодой. Каждый разъ поѣздъ увеличивается числомъ сопутствующихъ лицъ. Посѣщенія эти сопровождаются безпрерывнымъ угощеніемъ, причемъ пиво и вино играютъ самую важную роль. Въ третій разъ тесть даритъ своей дочери лошадь, корову, улья или иное и затѣмъ самъ ѣдетъ въ гости къ молодымъ, гдѣ продолжаются угощенія до 3 и болѣе дней. По истеченіи мѣсяца послѣ свадьбы, молодая надѣваетъ сарпанъ, родъ тонкаго полотенца, вышитаго по краямъ и концамъ, которымъ чувашскія женжины, накрываютъ свою голову повседневно.

Согласно Сбоеву и Фуксъ, чуваши язычники имѣли по нѣскольку женъ; кромѣ того слѣдуетъ замѣтить, что такъ какъ жена чувашей цѣнится по ея работѣ, то случалось прежде, что лѣнивыхъ мужъ выгонялъ изъ своего дома, какъ ненужную вещь, не заботясь нисколько о ея существованіи. За тѣмъ въ силу того же начала, чтобы имѣть работящую помощницу, чуваши женились вслѣдъ за тѣмъ на другихъ; со времени же сближенія съ татарами, принявъ отъ нихъ многое наружное, они могли также найти удобнымъ и непротивузаконнымъ имѣть нѣсколько женъ, нѣсколько работницъ. Теперь это можетъ быть, какъ рѣдкое исключеніе, у некрещеныхъ.

Разрѣшеніе женщинъ отъ бремени, какъ было уже за-

---

(1) Отдѣлъ этотъ въ измѣненномъ и дополненномъ видѣ позаимствованъ изъ статьи Михайлова въ каз. губ. вѣд.

мѣчено, необыкновенно легко, что происходитъ какъ отъ хорошаго ихъ тѣлосложенія, такъ и отъ безпрерывнаго движенія и работы среди семейныхъ и хозяйственныхъ нуждъ. По рожденіи ребенка у некрещеныхъ чувашъ, болѣе зажиточныхъ, чемедля посылаютъ за іомсею, который умывъ ребенка въ корытцѣ, разбиваетъ надъ головою новорожденнаго два яйца, потомъ отрываетъ пѣтуху голову и все выбрасываетъ за ворота, въ знакъ изгнанія Шайтана. Далѣе дѣлаются какія то заклинанія надъ водою, чтобы предсказать судьбу ребенка и потомъ іомся даетъ ему имя. Послѣ сего передается ребенокъ бабкѣ. Другая женщина, какъ бы крестная мать, принимаетъ его, надѣваетъ на него рубашку и отдаетъ матери. Г-жа Фуксъ приводитъ рядъ чувашскихъ нехристіанскихъ именъ съ которыми познакомиться будетъ умѣстно.

Имена мужскія	Имена женскія
Охтіоръ	Салидида
Илюкъ	Сарба
Отриванъ	Гуллейка
Охливанъ	Сандяба
Добрисъ	Шехерка
Дедюха	Сяшма
Имюшка	Сачаби
Яруха	Ильгяби
Салесковъ	Тивярба
Игимень	Иллекка
Плотъ	Кулбика
Корми	Окка
Урасъ	Елишма
Масокъ	Ходабъ
Отамонъ	Альбача.
и т. д.	и т. д.

Одѣваютъ, содержутъ и воспитываютъ дѣтей слѣдующимъ образомъ: дитя завертывается въ тряпки, подсыпанныя мелко истолченою древесною гнилушкою. Потомъ укладываютъ его въ лубки, дабы руки и ноги были прямы и завязываютъ, оставляя лицо открытымъ.

Люльки у чувашъ дѣлаютъ круглыя изъ лубковъ. Низъ заплетенъ веревками, сверху его солома и какая нибудь тряпица. Привязывается люлька къ дугообразной палкѣ, въ видѣ коромысла, которая двигается на крюкѣ.

Мать питаетъ младенца грудью; соски или рожки вовсе неупотребляются. По истеченіи 4—5 мѣсяцевъ, перестаютъ пеленать, одѣвая ребенка въ рубашенку съ краснымъ воротникомъ и начинаютъ давать въ пищу пережованный хлѣбъ съ яйцами и молокомъ пока ребенокъ не начнетъ ходить. Во время занятій матери, она опоясываетъ ребенка веревкою, конецъ которой привязываетъ къ крюку, такъ чтобы ребенокъ имѣлъ возможность ползать кругомъ себя, не трогая тѣхъ предметовъ, которые могутъ ему причинить вредъ. Какъ только прорѣжутся зубы, его сажаютъ за общій столъ и кормятъ ляшкою. Въ остальное время онъ ѣстъ довольно крѣпкій сыръ приготовленный изъ творогу. Кафтаны суконные и лапти дѣти надѣваютъ, когда начинаютъ бѣгать. Дѣвочки, кромѣ кафтановъ носятъ балахоны. Дѣти отъ 7—10 лѣтъ помогаютъ матери прясть. Этотъ же возрастъ, во время лѣтнихъ работъ, остается дома, смотрѣть за птицею и кормить ее, загонять скотъ и помогать старикамъ. Отъ 10 лѣтъ мальчики начинаютъ боронить, плести лапти и стеречь табуны. Въ 14 и 15 лѣтъ выѣзжаютъ пахать, ѣздятъ зимою за дровами, привыкаютъ къ домашнему мастерству и справляютъ по силамъ всякую работу. Въ 18 лѣтъ ихъ считаютъ уже взрослыми. Дѣвушки 12 лѣтъ помогаютъ матери вышивать, а къ 15 годамъ уже ткутъ, моютъ бѣлье и готовятъ пищу.

Дочерей выдаютъ за мужъ очень поздно, иногда 30 лѣтъ, тогда какъ мужу едва минуло 20 лѣтъ. Дѣлается это для того, чтобы имѣть жену крѣпкую, здоровую и работящую.

По смерти чувашина одна изъ родственницъ разбиваетъ надъ его головою два яйца, а старшій изъ родственниковъ отрываетъ голову пѣтуху и все это бросается за ворота злымъ духамъ, которыхъ просятъ не препятствовать покойнику перейти мирно на тотъ свѣтъ.

Чувашскіе похороны сопровождаются слѣдующими обрядами. Умершій немедленно выносится на дворъ и омывается; зимою это дѣлается въ избѣ. За тѣмъ его одѣваютъ въ лучшее платье и кладутъ въ гробъ въ шапкѣ и въ рукавицахъ; за щеки кладутъ табакъ и деньги, а уши, ноздри, ротъ затыкаютъ шелкомъ, для того, чтобъ при допросѣ на томъ свѣтѣ, ему можно было отвѣчать: ничего не слыхалъ, ничего не видалъ. Прежде хоронили ихъ на другой же день, что впрочемъ и теперь также нерѣдко дѣлается, по теснотѣ избъ. Такъ какъ чуваши вѣрятъ въ продолженіе жизни на небесахъ, при тѣхъ же потребностяхъ, какъ на землѣ, то, до

прихода священника, они кладутъ подъ покойника въ гробъ, на обзаведеніе на томъ свѣтѣ, все то, чѣмъ онъ занимался при жизни. Мущина получаетъ съ собою тавлинку и табакъ, нѣсколько вина, пива; если былъ плотникъ то топоръ, если пузырщикъ—то пузырь и другія принадлежности, а также и деньги, иногда значительныя суммы. Женщинамъ кладутъ иглы, нитки, ленъ, холстъ и проч. Ихъ также одѣваютъ въ парадное платье съ шапкою на головѣ и въ рукавицахъ. Если умершій былъ очень безобразенъ при жизни, чего чуваши боятся, то гробъ крѣпко закрывается, иногда желѣзными обручами. Бывали случаи, что покойниковъ прибивали подъ сердцемъ, а также ноги, гвоздями, къ гробу, полагая лишить его возможности, вставать и пугать людей. При выносѣ покойника изъ избы, ему кидаютъ вслѣдъ зажженное тряпье или обливаютъ раскаленный камень водою, выражая этимъ желаніе, чтобы онъ одинаково быстро перешелъ на тотъ свѣтъ, какъ улетучивается дымъ.

Покойника иногда не везутъ на телѣгѣ, не несутъ на рукахъ, даже и лѣтомъ, но тащутъ на саняхъ и съ колокольчиками, на кладбище. Тамъ вырываютъ яму, становятъ два кола у изголовья и въ ногахъ и на нихъ свѣчи. Направленіе могилы отъ запада къ востоку. Затѣмъ родственники начинаютъ прощаться съ покойникомъ, прося поклониться всѣмъ роднымъ, его опередившимъ, послѣ чего зарываютъ могилу. По окончаніи сего, присутствующіе ѣдятъ и пьютъ пиво, бросая кусочки и отливая пиво на могилу. За тѣмъ начинаются поминки, кончающіяся всегда общимъ опьяненіемъ. Платье покойника относится на мазарки и хранится тамъ, на случай еслибъ оно ему понадобилось при возвращеніи домой. По окончаніи всѣхъ обрядовъ, чуваши моются, переодѣваются, признавая свое платье нечистымъ отъ прикосновенія къ покойнику и наконецъ снова угощаются.

Всѣ эти похоронные обряды, сохранились у чувашей, не смотря на введеніе христіанства.

На могилахъ чувашскихъ ставятся колья, деревянныя и каменныя столбы, иногда кладутъ плиты. Многіе изъ нихъ отъ времени врѣзались въ землю. Остается желать, чтобы и настоящій отдѣлъ также врѣзался въ память и научилъ бы тѣхъ, которые могутъ сдѣлать добро чувашамъ, развить въ нихъ сознаніе своихъ силъ, которыя до нынѣ не тронуты, между тѣмъ могутъ принести, какъ самимъ чувашамъ, такъ и всѣмъ остальнымъ племенамъ губерніи, несомнѣнную пользу.

ЧЕРЕМИСЫ.

О татарахъ и въ особенности о чувашахъ было писано довольно основательно и много, хотя и не въ той мѣрѣ, какъ это было бы желательно, для полнаго этнографическаго описанія племени; о черемисахъ мы почти неимѣемъ и этого, тогда какъ они уже начинаютъ сливаться угасающимъ огнемъ. При этомъ весьма важно сознаніе, въ какую сторону направить эти новыя русскія силы, какъ ими воспользоваться съ наибольшею выгодою для страны и для нихъ самихъ, какую способность или наклонность слѣдуетъ поддерживать и развивать, въ отклоненіе двойной, безполезной работы: обрусѣнія и развитія, которыя могутъ и должны идти рука объ руку.

Выше было пояснено, кто были аборигенами казанской губерніи: справа мордва, слѣва зыряне. Какъ двинулась бѣлоглазая чудь, съ своимъ хвостомъ весь, мэря, маря (черемисы) и ари (вотяки), причемъ мари какъ близко-родственная съ мэрью засѣла возлѣ нее по обѣимъ сторонамъ Волги и по правому берегу устья Оки, по лѣсамъ и болотамъ, занимая въ казанской губерніи приблизительно уѣзды ядринскій, цивильскій, чебоксарскій, козьмодемьянскій, царевококшайскій и отодвинувъ къ западу мордву. Въ такомъ почти положеніи засталъ черемисъ (мари) Несторъ, опредѣляя ихъ мѣстожительство къ юговостоку отъ мэри. Нужно предполагать, что до движенія русскихъ къ Ростову и Нижнему-Новгороду, мари сидѣли почти неподвижно и мало подвинулись къ сѣверу, что даже возможно допустить и позже за весь періодъ принятія и утвержденія христіанства въ сѣверовосточныхъ окрайнахъ Россіи, значитъ до XIII стол. Также намъ извѣстно, что при княженіи Олега, Ростово-Мэрьскою землею управлялъ русскій князь (¹), въ вѣдѣніи котораго вѣроятно

(¹) Шлецера Несторъ, II. 271—Френъ.

были и мари, какъ сосѣдственные, неразграниченные, упоминаемые Несторомъ, ничѣмъ не отличающіеся отъ прочихъ финскихъ племенъ и проживающіе донынѣ въ тѣхъ же мѣстахъ, костромской и ниже-городской губерніи, хотя въ весьма ограниченномъ числѣ. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что самое управленіе краемъ и народомъ въ то время было далеко не головоломное, ограничивавшееся сборомъ податей въ извѣстный срокъ по объѣзду князя. Платить его тому или другому было все равно, тѣмъ болѣе, что тогда русскіе дѣйствовали съ финнами купно и сообща, хотя уже и пользовались первенствомъ и преобладаніемъ.

Первое, незамѣтное движеніе черемисъ съ своихъ мѣстъ, началось съ правой стороны, въ концѣ VII и въ началѣ VIII столѣтія, когда болгарское царство нѣсколько обрисовалось и стало появляться передовое племя хозаръ, буртасы, засѣвшее въ тетюшскомъ, свіяжскомъ, цивильскомъ и ядринскомъ уѣздахъ и постепенно придвигавшееся къ Волгѣ, до конца X столѣтія. При томъ, по всей вѣроятности, было и то явленіе, которое до нынѣ продолжается, т. е. болѣе сильный элементъ поглощалъ слабый или черемисы-чувашились. Пребываніемъ нѣкогда черемисъ даже въ свіяжскомъ уѣздѣ доказывается урочищами, сохранившими до нынѣ черемисскія названія: село Марквашп—Спасское и д. Марквашп--Набережные. Ма-рок-вашъ значитъ корень черемисской земли. Кромѣ того это подтверждается и лѣтописями, въ которыхъ говорится о черемисскихъ волостяхъ, расположенныхъ на р. Свіягѣ (¹). Фактъ переселенія черемисъ съ нагорной стороны въ луговую подтверждается также Вештомовымъ (²), который говоритъ, что черемисы перешли въ вятскую губернію, изъ казанской, тѣснимые разными народами, съ юго-восточной Азіи т. е. по нашему болгарами и буртасами, такъ какъ всѣ остальные народы, кромѣ монголъ, не доходили до разсматриваемыхъ мѣстъ казанской губерніи. Кромѣ того упоминается о томъ же въ спискахъ населенныхъ мѣстъ, гдѣ сказано: что въ различныхъ актахъ XVI и XVII вѣка видно, что черемисы жили въ цивильскомъ и ядринскомъ уѣздахъ, въ мѣстахъ, гдѣ уже нынѣ нѣтъ ихъ ни одной души.

Когда въ XII и XIII столѣтіяхъ, въ ростовской землѣ начало утверждаться христіанство, то на основаніи нѣкото-

(¹) Исторія вятчанъ.

(²) Фуксъ, о черемисахъ стр. 184.

рыхъ русскихъ лѣтописей, значительная часть ростовской мэри, ушла въ болгарскую землю (1). Такъ какъ Болгарія далеко не вся еще была мухаммеданствующая, притомъ новая религія вводилась не мечемъ, но проповѣдью, то мэри и мари ростовскія, естественно могли найти пріютъ въ чужой землѣ, среди своихъ единоплеменниковъ, въ лѣсахъ, между Волгой и Вяткою, гдѣ они и поселились.

Одинаково при распространеніи русскихъ по Волгѣ и основанія суздальскаго и владимірскаго княжествъ, черемисы начали переходить за рѣку Суру. Въ козьмодемьянскомъ уѣздѣ, въ пернягашскомъ приходѣ, есть деревня Шошмора, шожа—ячмень и мара—черемисъ. Есть преданіе, что черемисы въ этотъ околодокъ пришли изъ нижегородской губерніи. Прежде они жили въ макарьевскомъ уѣздѣ, гдѣ нынѣ село Мары и деревня Вѣнецъ. Земли этихъ 2-хъ урочищъ по генеральному межеванію называются черемисскими (2). Затѣмъ русскіе, двигаясь по берегамъ Волги и уширяя съ каждымъ годомъ свою прибрежную землю, окружили непереселившихся черемисъ нагорной стороны, со всѣхъ сторонъ, сдвинувъ ихъ съ мѣста, какъ около Волги, такъ и Суры. Такъ нынѣшняя деревня козьмодемьянскаго уѣзда Копони, заселенная русскими, прежде называлась Когокопонъ, большіе Копони, въ отличіе отъ Изи-Копонъ, малые Копони, заселенные по нынѣ черемисами. Такимъ же образомъ села Покровское, Спасское и Владимірское, называются и по нынѣ большая, малая Юнга (рѣка) и Басурманово, такъ какъ прежніе ихъ жители были черемисы. Относительно села Владимірскаго сохранилось у черемисъ преданіе, что когда въ немъ начали строить церковь, то многіе изъ черемисъ бѣжали на рѣчьку большую Юнгу, оставшіеся же на мѣстѣ, по указанію Михайлова, принявъ православіе, обрусѣли. Тоже самое случилось съ деревнями большая и малая Шурмара, такъ что нынѣ изъ всѣхъ черемисъ нагорной стороны, осталось всего до 22,247 д. об. п.; остальные перешли за Волгу, либо обрусѣли или очувашились. Эти черемисы, совершенно разъединенные отъ своихъ соплеменниковъ, назы-

---

(1) Списки населенныхъ мѣстъ. Казанская губернія, стр. LXVII.

(2) Статья Износкова, труды казанскаго статистическаго комитета, стр. 11.

ваются горными, составляя лучшую отрасль финскихъ племенъ казанской губерніи.

Судя по тѣмъ историческимъ даннымъ, которые дошли до насъ и судя по нѣкоторымъ остаткамъ валовъ, кургановъ и могилъ черемисской земли, представляется вѣроятнымъ, что мари во время разселенія славянъ, находились на той же степени развитія, какъ чудь ладожская, весь бѣлоозерская и мурома муромская. Какъ у нихъ, такъ и у мари были города и укрѣпленные пункты. Между первыми замѣчателенъ Кокшаровъ, нынѣ Котельничъ вятской губерніи, занятый русскими при самомъ основаніи русскихъ поселеній на Вяткѣ и Камѣ. Кромѣ того уже выше упоминалось о челымскомъ городкѣ, на сундырской горѣ, черемисскомъ укрѣпленіи въ 23 верстахъ отъ Козьмодемьянска, слѣды котораго видны до сихъ поръ. Существованіе укрѣпленій доказываетъ, что мари не безъ боя уступили свои мѣста, что въ нихъ было развито чувство самосохраненія и сознаніе своего народнаго бытія. И дѣйствительно, русскіе вступили въ сношеніе съ мари, при увеличивающимся ихъ развитіи, подъ вліяніемъ сосѣдственныхъ болгаръ, а потомъ воинственныхъ ордъ Чингизъ-хана, включившихъ отчасти и ихъ, въ свои ряды. Кромѣ того извѣстно также, что черемисы имѣли своихъ князей. Введено ли такое правленіе по примѣру русскихъ, въ ростовской землѣ, самими черемисами или управлялъ ими князь по избранію и утвержденію золотой орды неизвѣстно; достовѣрно однакоже то, что при завоеваніи Казани, послѣдній изъ нихъ, князь Балтушъ, въ битвѣ съ войсками царя Іоанна IV, былъ убитъ ядромъ и похороненъ на горѣ, которая съ того времени называется Балтушева гора, въ г. Малмыжѣ (1).

Подобныя враждебныя столкновенія, начавшіяся съ XII столѣтія, сначала шли по берегамъ рѣки Волги, Вятки и Камы. Начало имъ положили переселенцы, а потомъ пошли ушкуйники, вызывавшіе своими грабежами вооруженіе и отпоръ всѣхъ мирныхъ жителей. Такимъ образомъ, въ 1374 году, эта вольница на 90 ушкуяхъ, пограбивъ Волгу, взяла выкупъ съ города Болгаръ въ 300 рублей. Потомъ они раздѣлились на двѣ партіи: меньшая, съ 40 ушкуями двинулась вверхъ по Волгѣ, дошла до Обухова, опустошила все Засу-

(1) Вятскія губ. вѣдомости 1860 г, стр. 152.

рье и Маркваш, высадилась потомъ на лѣвый берегъ Волги, истребила свои суда и разорила много селъ по берегамъ Ветлуги на пространствѣ между Васильсурскомъ и Козьмодемьянскомъ и за тѣмъ на лошадяхъ отправились къ Вяткѣ. Послѣдствіемъ такихъ внезапныхъ нападеній было то, что черемисы неоднократно нападали на Хлыновъ, а когда возникло царство казанское, то въ опустошеніяхъ казанцевъ, черемисы принимали участіе, что и вынудило Іоанна IV построить исключительно для усмиренія черемисъ, крѣпость Козьмодемьянскъ въ 1552 г. Укрѣпленія Царевококшайска въ 1574 г., Кокшайска и Уржума были построены, какъ послѣдствіе бунта съ 1572—84 г., въ которомъ принимали живѣйшее участіе черемисы, проникнувъ до Перми и причинивъ много вреда въ особенности торговымъ людямъ (1).

Но и за тѣмъ черемисы не усмирились. Неоднократно покушаясь уничтожить эти укрѣпленныя мѣста, они въ эпоху междуцарствія 1610—1613 г. хотѣли завладѣть Нижнимъ-Новгородомъ, но разбитые подъ Свіягою, бросились къ Вяткѣ и навели на всѣхъ ужасъ своимъ грабежемъ и разбойничествомъ. За тѣмъ въ первые годы царствованія Михаила Θедоровича, черемисы не разъ прекращали всякое сообщеніе между Казанью и Нижнимъ, подступали къ разнымъ городамъ, проникая до Арзамаса и Мурома. Въ разбойничествѣ Стеньки Разина, они также принимали участіе. Русская пословица возникшая со времени пораженія Палецкаго въ 1524 г.: съ одной стороны черемися, а съ другой берегися, имѣла въ то время полнѣйшее примѣненіе; воинственность же черемисъ отразилась на нихъ и до нынѣ, въ смѣлой охотѣ и въ ихъ безотвѣтной наглости и безсознательной храбрости, которая на службѣ, въ военное время, весьма пригодна.

Преданія черемисъ начинаются съ покоренія Казани царемъ Іоанномъ IV, притомъ по искаженности и неполнотѣ фактовъ, не представляютъ особаго интереса въ виду имѣющихся русскихъ лѣтописей. До XVI-го же столѣтія, у нихъ нѣтъ преданій и племя это не имѣетъ никакихъ свѣдѣній, какъ о мѣстѣ своего прежняго жительства, такъ и вообще о жизни своихъ предковъ.

---

(1) Описаніе сибирскаго царства Миллера, стр, 69.

Ихъ разсказы переполнены миѳологическими легендами о происхожденіи разныхъ боговъ, изъ коихъ многіе, какъ и вообще вся ихъ религія, не даютъ яснаго объ нихъ понятія; а типъ и языкъ также не поясняютъ откуда произошло это племя и гдѣ именно оно прежде жило, въ отдаленное время, до своего переселенія.

Нынѣшніе мари-черемисы, сплошною массою живутъ по лѣвую сторону Волги, въ чебоксарскомъ, козмодемьянскомъ, царевококшайскомъ уѣздахъ казанской губерніи, и въ яранскомъ и малмыжскомъ уѣздахъ вятской губерніи до 210 т. душъ обоего пола. Эта мѣстность, по своей особенности, имѣетъ огромное вліяніе не только на бытъ черемисина, но даже на его наружный видъ и потому считаемъ не лишнимъ дать о ней нѣкоторое понятіе. Она лишь изрѣдка, кой гдѣ выходитъ изъ своего однообразія, представляя болѣе пріятный для глаза видъ при пологихъ изгибахъ рѣкъ, среди холмовъ и бугорковъ, едва замѣтныхъ въ нѣкоторыхъ волнообразныхъ мѣстностяхъ. Эти рѣдкія мѣста весьма скоро смѣняются разною величиною лѣса, доходящею до неприходимой чащи и стройными мачтовыми деревьями. Въ этихъ лѣсахъ встрѣчается рѣдко дубъ и липа, чаще ольха и сосна. Особенная плодовитость земли для произрастанія березы превращаетъ заброшенныя пахоти, въ 5 лѣтъ, въ неприходимую чащу молодаго, вытянувшагося березоваго лѣса, питающагося влагою и испареніями болотъ, охватывающихъ десятки квадратныхъ верстъ. По нимъ медленно, чуть замѣтно течетъ рѣка, заливающая все свое побережье весною и осенью. Въ сухое время, берега оставаясь обнаженными и покрываясь болотистою зеленью среди снесенныхъ весеннимъ потокомъ сучьевъ, корней и растеній, наполняютъ воздухъ міазмами и безчисленнымъ множествомъ мошекъ, комаровъ, облетающихъ черемисскіе лѣса миріадами миріадъ. Болѣе возвышенныя мѣста, также неудобны по слѣдующимъ причинамъ: они по большей части песчаныя, покрытыя также сплошными лѣсами сосны, ели и пихты и переполненныя не менѣе березовыхъ, всевозможными насѣкомыми. Проселочныя дороги, пересѣкающія лѣса, по ихъ первобытному проложенію, узки, вязки, тряски, представляя проѣзжающему не только затрудненіе въ самой ѣздѣ, но причиняя отъ непривычки неописанную муку отъ насѣкомыхъ, неотступно преслѣдующихъ, какъ людей такъ и лошадей. По увѣренію г. Фуксъ, болѣе спокой-

ный способъ передвиженія по луговой сторонѣ черемисской земли-верхомъ и осенью. Такое состояніе мѣстности имѣетъ прямое вліяніе на бытъ черемисъ, которые сдѣлались безпечными, лѣнивыми и дурными земледѣльцами. Земледѣліе возможно лишь въ мѣстахъ су-песочныхъ, которыхъ весьма немного. Унавоженіе, по плоскости мѣстности и ея влажности, нейдетъ въ прокъ, уносится и скоро вывѣтривается. Паръ и залежъ, быстро покрываются древесными растеніями. Скотоводство также не можетъ процвѣтать по обширности лѣсовъ, незначительности пастбищъ и болотистой мѣстности. По неволѣ черемисинъ сдѣлался охотникомъ, бродягою по окружности до 200 верстъ отъ своего дома, среди опасностей и лишеній. Между тѣмъ мошки преслѣдуютъ его неотстанно, онѣ лезутъ во всѣ отверстія, при чемъ единственное спасеніе обкуриваніе, постоянный огонь и костры среди лѣса. Глаза его за все это время онъ держитъ полуоткрытыми, но, не имѣя возможности укрыть лицо, возвращается съ охоты или съ выдѣлки разныхъ древесныхъ произведеній, съ опухшею и изуродованною до нельзя наружностію. Эти 65% лѣснаго пространства, на столько же дѣлаютъ черемисина лѣснымъ жителемъ и дурнымъ хозяиномъ. Лѣность черемисина сравнительно съ племенами другихъ мѣстностей Россіи, происходитъ оттого, что онъ какъ невоспроизводительный финнъ, не въ силахъ побороть природу; онъ безпеченъ потому, что вся его работа и попеченіе не дома, а въ лѣсу; онъ не земледѣлецъ, такъ какъ ему нечего воздѣлывать или работа его неоплачивается. Ему въ удѣлъ, достался богатый кусокъ земли, не по почвѣ, а по лѣснымъ произведеніямъ, которыя еще на многіе года составятъ единственное средство для поддержанія его жизни. Но вмѣстѣ съ тѣмъ эти же лѣса, останавливаютъ цѣлое племя, отъ движенія впередъ. О! еслибъ можно было, не уничтожая лѣсовъ, расчистить ихъ такъ, чтобъ они, составляя богатство края и страны, доставляли вмѣстѣ съ тѣмъ возможность, превратить черемисина въ осѣдлаго жителя, которому бы открыли глаза и показали за тѣмъ возможность заниматься хлѣбопашествомъ и скотоводствомъ.

Характеръ народа и его наклонности, неминуемо вліяютъ на мѣстность, среди которой онъ расположился; но вотъ уже вторично, мнѣ приходится убѣждаться и въ противномъ. При первомъ обстоятельствѣ, мѣстность въ видѣ лѣсной, можетъ потерпѣть, если человѣкъ находя ея неудобною, вырубаетъ все и лишаетъ себя необходимыхъ средствъ къ

жизни. Такъ это случилось почти во всей Европѣ и во многихъ губерніяхъ Россіи. Но за тѣмъ человѣкъ приходитъ въ себя, видитъ что онъ себѣ сдѣлалъ зло и мало по малу снова начинаетъ засаживать гулящія отъ хлѣбопашества и сѣнокоса мѣста. Засаживаются неудобныя горы, покатости, засаживаются дороги, межи, заборы, и незамѣтно начинаетъ исчезать появившійся недостатокъ лѣса, замѣненный на время соломою и кизякомъ. Наконецъ образуются столь извѣстныя лѣсныя пространства, какъ въ Саксоніи, столь извѣстный сѣверный садъ Италіи, по всему венеціанскому королевству, вплоть до рѣки По. Этимъ природа потеряла только въ своей естественности, но искусство взяло свое и примирило потребности человѣка съ природою.

Совершенно противное видимъ тогда, если человѣкъ подчиняется природѣ, что и случилось съ черемисами, которые по своей непроизводительности не въ состоніи выйти изъ подъ этого животнаго гнета и ждутъ своего освобожденія отъ русскихъ не проникнувшихъ еще въ эти дебри. Подобный же другой примѣръ, я нашелъ въ 1862 году въ минской губерніи, по теченію р. Припети, гдѣ жители пинскаго, мозырскаго и рѣжицкаго уѣздовъ, также находятся подъ полнѣйшимъ игомъ природы, причемъ крестьяне побережныхъ мѣстъ Пины, не называютъ себя даже человѣкомъ, но Пинчуками. И дѣйствительно эти пинчуки - не люди, а какіе то выродки: широкоплечіе, очень маленькаго роста, безсознательно блѣдное выраженіе лица, переваливающаяся походка большею частію длинныя руки, большія ступни, колтунъ, (волосная болѣзнь) на головѣ и дубина въ рукѣ, уподобляютъ его тому творенію, которое поставлено ниже человѣка.- И тамъ остается рѣшить туже задачу, какъ и въ казанской губерніи.

Выше уже было сказано, что черемисы раздѣляются на горныхъ, т. е. живущихъ на правой сторонѣ Волги и на луговыхъ, по лѣвой, низменной сторонѣ рѣки. Также было упомянуто, что они себя зовутъ мари, что значитъ человѣкъ. Луговые мари, въ отличіе отъ горныхъ, зовутъ послѣднихъ курукъ-мари или горныхъ людей, названіе перешедшее также и на чувашъ. Это сосѣдство курукъ - мари съ чувашами послужило поводомъ къ тому, что тѣхъ и другихъ смѣшивали очень часто, причисляя курукъ-мари, горныхъ-черемисъ, также къ служилымъ татарамъ, горнымъ татарамъ.

Только со временемъ начали отличать тѣхъ отъ другихъ. Между тѣмъ обрусѣніе края, вблизи нижегородской губерніи, сдѣлало свое и если не вовсе сгладило отличительныхъ признаковъ горныхъ черемисъ, то преобразило ихъ на столько, что нынѣ они составляютъ лучшее племя губерніи, между иноплеменниками по своей типичности, воспріимчивости и стремленію къ христіанству.

Здѣсь считаемъ не лишнимъ обратить вниманіе на названіе мари-черемисами. Откуда могло произойти это слово? По татарски послѣднее означаетъ негодный, гнилой. Но татары не могли присвоить этого названія черемисамъ, такъ какъ уже Несторъ знаетъ ихъ подъ этимъ именемъ; скорѣе это могли сдѣлать болгары, которые по своей развитости, имѣли права опредѣлять качества сосѣдственныхъ и подданныхъ имъ племенъ. Но черемисы того времени имѣли уже города, занимались какъ всѣ финны кузнечнымъ мастерствомъ и хотя также обитали въ лѣсахъ, но это не составляло ихъ исключительности, такъ какъ и другіе племена одинаково были лѣсными жителями, напримѣръ буртасы. Судя же по остаткамъ валовъ и по тому сопротивленію, которое они оказывали русскимъ, черемисы далеко не были чужды чувства собственной независимости и достоинства. Уровень ихъ образованія въ то время, едва ли стояла ниже другихъ племенъ, не исключая даже массы болгаръ и если они сдѣлались таками, какими они извѣстны теперь, то это за время послѣднихъ 300 лѣтъ, по отсутствію всякаго о нихъ попеченія и желанія ихъ развить, хотя бы на пользу всей страны.

Намъ кажется справедливымъ, искать корень слова черемисъ, въ другихъ нарѣчіяхъ. Господа антропологи съ своей стороны принесли бы существенную пользу наукѣ, еслибъ они сравнили черепа настоящихъ мари съ отрываемыми черепами мэри около Ростова. Одна наука, должна помогать другой въ пріемахъ энтографіи и потому изслѣдованія череповъ такимъ образовъ за изчезновеніемъ языка мэри, можетъ принести огромную пользу и доказать фактически, что все пространство отъ Уржума, чрезъ Ядринъ до Ростова, было нѣкогда занято одною отраслью финскаго племена мэри-мари, что теперь лишь смутно подтверждается вышеприведенными этнографическими изслѣдованіями.

О наружности черемисъ судить весьма трудно, по ея разнообразію, представляя смѣсь разныхъ племенъ съ чисто

финскимъ племепемъ. По этой смѣси типа и языка, оказывается справедливымъ наше предположеніе о смѣшеніи пограничныхъ финнъ съ тюркскими племенами и о происхожденіи на этомъ основаніи, южно-финскаго племени, къ которому черемисы принадлежатъ по характеру и нраву, въ отличіе отъ сѣверно-тюркскаго, отличительною чертою котораго, признаемъ кочевую жизнь.

Горные черемисы, окруженные съ одной стороны чувашами, а съ другой русскими, подходятъ наружностію своею то къ тѣмъ, то къ другимъ. Такъ напримѣръ черемисы козьмодемьянскаго уѣзда, приходовъ Пайгусовскаго и Владимірскаго, совершенно обрусѣли и потому по наружности трудно ихъ отличить отъ русскихъ. За то того же уѣзда въ приходахъ Кузнецовскомъ и Кожважскомъ, много такихъ черемисъ, которыхъ во всѣхъ отношеніяхъ нельзя не признать за чувашей. Вообще черемисы очень податливы на сліяніе и на правой сторонѣ Волги быстро теряютъ свою народность. Они же тутъ гораздо красивѣе луговыхъ: по большей части выше средняго роста; лицо Индо-Европейскаго очертанія, каріе глаза, черные волосы, иногда круто завивающіеся. Носы тонкіе, вздернутые нѣсколько у кончика; скулы мало выдаются. Зубы бѣлые, цвѣтъ лица темнѣе чѣмъ у русскихъ. Конхоида разныхъ частей женской фигуры идетъ плавнѣе чемъ у чувашекъ и луговыхъ черемисъ. Племя это также разумнѣе, воспріимчивѣе и болѣе работящее, выдерживая одинаково хорошо всѣ труды хлѣбопашества и занимаясь имъ не съ меньшимъ усердіемъ, чѣмъ чуваши. Вообще въ горныхъ черемисахъ замѣтна какая то особенная примѣсь, какъ будто цыганская, которая совокупившись съ русскою смѣтливостію и удалью, и съ чувашскою прилежностію, воспроизвела прекрасный типъ, вполнѣ соотвѣтствующій службѣ въ гвардіи, куда и направляютъ много молодыхъ солдатъ горныхъ черемисъ.

Совершенно противуположное мы видимъ въ массѣ этого населенія, по лѣвую сторону Волги. Черемисы тамъ средняго роста, съ виду сухіе, тощіе, блѣдные; желтоватый цвѣтъ кожи; глаза вѣчно полуоткрытые; разрѣзъ послѣднихъ скорѣе продолговатый, чѣмъ круглый; носы всѣхъ возможныхъ очертаній: отъ сильно вздернутыхъ какъ у финнъ, до сплюснутыхъ, какъ у калмыковъ. Уши длинные, скулы то сильно выдаются, въ особенности у женщинъ, то едва замѣтны. Съ виду они кажутся сон-

ными, неповоротливыми и глупыми, какими ихъ и призналъ Миллеръ, но что не совсѣмъ справедливо и есть не болѣе, какъ послѣдствіе ихъ жизни, прямо зависящей отъ окружающей ихъ природы, о чемъ уже было говорено. Очертаніе женской фигуры, еще хуже, представляя угловатости и далеко неплавный переходъ отъ очертанія къ очертанію. (¹) Для разрѣшенія задачи, какъ могла составиться такая племенная смѣсь типовъ, мы приводимъ хоть тотъ примѣръ, что въ козьмодемьянскомъ уѣздѣ, гдѣ прежде черемисы жили сплошною массою, до нынѣ сохранились слѣдующія названія селъ: Пошкарды, Пошкаръ, производное отъ башкиръ, башкурды; Калмыкъ-кассы; Мадары, - производное отъ маджары, гдѣ и нынѣ еще живутъ черемисы. Наконецъ на границѣ царевококшайскаго и казанскаго уѣздовъ весьма замѣтна смѣсь татаръ съ черемисами, которая естественно проявляется тамъ еще сильнѣе, гдѣ черемисы-мухаммедане. Какимъ образомъ попали въ среду черемисъ маджары, башкиры и калмыки, трудно разъяснить. Но что они между ними жили и съ ними слились, слишкомъ вѣроятно. Сплюснутые носы, по нѣкоторымъ мѣстностямъ подтверждается фотографическимъ снимкомъ луговыхъ черемисъ, № 5, гдѣ мущина имѣетъ подобный носъ. Во всякомъ случаѣ все это доказываетъ, что черемисы по типу составляютъ переходное племя отъ финнъ къ тюркамъ.

Судя по названіямъ нѣкоторыхъ черемисскихъ деревень Шюдеръ-Мара или сотня черемисская, можно было бы предположить, согласно заявленію Г. Л. Износкова, что при разселеніи ихъ, они располагались и строились по сотнямъ. Названіе это произошло вѣроятно отъ такого же раздѣленія на сотни монгольскихъ ордъ. А такъ какъ черемисы были подвластны золотой ордѣ и имѣли князей или правителей зависимыхъ отъ нее и отъ казанскихъ царей, то черемисы какъ въ отношеніи податей, такъ и выставленія войска, были подчинены однимъ условіямъ, по счисленію чингизхановыхъ подданныхъ. Черемисскія деревни состоятъ изъ множества околодковъ, вытянутыхъ по оврагамъ, отчего каждое изъ нихъ носитъ названіе своего урочища, ангеръ-оврагъ, съ прибавленіемъ собственнаго имени строителя или мѣстнаго предмета, въ

(¹) Фуксъ.

родѣ: сосновки, осиновки и т. д. Нѣсколько такихъ околодковъ вмѣстѣ, составляютъ деревню или село, причемъ приписной къ нимъ околодокъ не носитъ, какъ въ чувашскихъ деревняхъ нѣсколько названій, но пользуется только своимъ собственнымъ. Околодки эти разростаясь превращаются въ деревушки, но при этомъ величина ихъ рѣдко доходитъ до 50 дворовъ; по большей части они бываютъ отъ одного двора до 10 и много 30 дворовъ. Для отличія околодковъ, носящихъ одно и тоже названіе урочищъ, къ нимъ прибавляютъ большой, среднiй, малый или верхнiй и нижнiй или 1-й, 2-й, 3-й и т. д. Новые околодки возникаютъ въ такомъ случаѣ, если тѣснота поляны не дозволяетъ возводить по близости всѣ хозяйственныя постройки, вновь образованнаго хозяйства, раздѣломъ. Тогда новый хозяинъ переносится на близь лежащее незаселенное мѣсто и кладетъ такимъ образомъ основаніе новому поселку, который слыветъ подъ названіемъ Пертнуръ или Комакануръ т. е. изба-поле, печь-поле. (¹) Пока у этого новаго хозяина достаточно мѣста на дворѣ, тамъ селятся взрослые дѣти, запахивая постепенно все вокругъ лежащее поле. Какъ только семья разростется до третьяго, либо четвертаго колѣна, а пахотной земли и нови, кругомъ околодка недостаточно, то дѣлается новое переселеніе младшими членами семейства, которые вынуждаются на это, находя неудобнымъ заниматься хлѣбопашествомъ на дальнихъ полянахъ, предпочитая имѣть ихъ подъ рукою.

Такимъ образомъ невозможность распространять околодокъ, по избытку лѣса и недостатку полянъ, среди другихъ потребностей заселенія, суть главныя причины раздробленія семей и основанія новыхъ поселковъ. Но бывали случаи, что внезапно переносились цѣлые околодки и являлись неожиданно на противуположныхъ мѣстахъ по той причинѣ, что старая мѣстность не удовлетворяла своимъ плодородіемъ,- условіямъ жизни или была угрожаема слишкомъ частымъ посѣщеніямъ непрошенныхъ гостей. Отъ послѣднихъ разумѣется легко укрыться въ отдаленныхъ отъ дорогъ мѣстахъ и въ непроходимыхъ чащахъ.

Такимъ то образомъ образовалось у черемисъ ихъ скудное ферменное хозяйство, которое при нѣкоторомъ вниманіи могло бы получить всѣ начала для будущаго ихъ благосостоянія.

(¹) Износковъ.

Черемисскіе дома не построены къ востоку, а расположены какъ попало, какъ лучше, какъ понравилось. Вокругъ ихъ стоятъ множество анбаровъ, лачугъ, клетей, для лѣтняго житья и для храненія всѣхъ возможныхъ запасовъ. Вблизи двора у нѣкоторыхъ, огороды, а у горныхъ черемисъ непремѣнно, такъ точно какъ и садъ, огороженный и тщательно усаженный березами. Такой садъ составляетъ у горныхъ черемисъ непремѣнную принадлежность ихъ бытія, какъ признакъ ихъ прежняго мѣстажительства среди лѣсовъ, потребность перешедшая въ кровь и замѣняемая искуственнымъ насажденіямъ. Горно-черемисскія деревни, по избытку этихъ садовъ и зелени, представляютъ веселый видъ и рѣзко отличающійся этимъ, отъ поселеній сосѣднихъ народностей. Если такіе околодки болѣе значительны, что бываетъ при 30 дворахъ, изъ коихъ каждый занимаетъ огромное пространство, какъ для построекъ, такъ для огородовъ и садовъ, все огороженное плетнемъ, то образуются между дворами, узкіе и извилистые переулки, которые до крайности затрудняютъ ѣзду и встрѣчу повозокъ.

Такое расположеніе деревень и околодковъ вообще, имѣетъ особую важность во время пожаровъ.

На луговой сторонѣ нѣтъ надобности искать садовъ, такъ какъ каждый околодокъ съ его пахотною землею, окруженъ вѣковымъ лѣсомъ, что на нагорной сторонѣ уже исчезло давно.

Избы горныхъ черемисъ по большей части бѣлыя и во всемъ сходны съ русскими, не исключая и внутренняго убранства. Если встрѣчаются исключенія, то это по сосѣдству съ такими чувашами, которые сохранили свои прежнія понятія. Что касается до луговой стороны, то тамъ легко найти обратное явленіе и въ особенности въ отдаленныхъ отъ проѣзжихъ дорогъ мѣстахъ. Тутъ хотя и бываютъ избы весьма хорошей постройки, съ русскими печами, но они содержатся о вратительно грязно и небрежно; хозяева безпечны въ своемъ домашнемъ быту, что постоянно доводитъ до разрушенія тѣ предметы, которые легко могли бы быть исправлены, со раняя тѣмъ все зданіе на болѣе продолжительное время. Но есть мѣста, въ которыхъ черемисы, занимаясь постоянно плотничною работою, строятъ избы весьма прочно, хорошо по большею частью курныя, совершенно одинаковыя съ чу, вашскими; въ противуположность сему, во многихъ мѣст-

ностяхъ, на границѣ вятской губерніи, избостроеніе исключительно производится русскими кукарами, притомъ весьма непрочно ([1]). Всѣ эти избы предназначаются исключительно для зимняго времени. Окна въ нихъ маленькія, потолки изъ кругляковъ; полъ выстилается тесанными досками. При такомъ устройствѣ неудивительно найти вмѣсто стеклъ, коровьи пузыри. Для лѣтняго времени у нихъ строятся на дворахъ шалаши, въ которыхъ и укрывается семейство до наступленія холодовъ. Внутреннее устройство курныхъ избъ схоже съ чувашскимъ; тѣже нары, лавки, чурбаны. Самоваровъ и чайныхъ приборовъ тамъ не слѣдуетъ искать; все это замѣняется котлами и деревянною посудою, самодѣльщиною.

Одежда черемисская проще чувашской и измѣняется сообразно мѣстности. У горныхъ черемисъ, мущинъ, одежда похожа на русскую. Красныя рубашки, верблюжьяго сукна чапанъ, одинаковый какъ у русскихъ сельскихъ торговцевъ, а иногда синій или темнозеленый кафтанъ съ шерстянымъ поясомъ; ямщичья шапка и съ шароварами въ длинныхъ сапогахъ, превращаютъ горнаго черемисина вполнѣ въ русскаго человѣка. Въ противоположность этому, женщины по большинству удержали свой костюмъ, хотя мнѣ и случалось видѣть такихъ, которыя въ обыкновенные дни, ходятъ въ русскихъ мѣщанскихъ платьяхъ, вовсе неупотребляя болѣе своихъ старинныхъ нарядовъ.

Необрусѣвшіе горные черемисы и всѣ луговые, носятъ по преимуществу бѣлый кафтанъ, безъ шнурка кругомъ шеи, но съ откиднымъ воротникомъ. По нѣкоторымъ мѣстамъ можно встрѣтить сѣрые кафтаны и бѣлые, отороченные чернымъ или синимъ шнуркомъ. Лѣтомъ они носятъ кафтаны изъ бѣлаго крестьянскаго холста, съ оторочкою по подолу и по концамъ рукавовъ, кумачемъ. Кто по богаче тотъ носитъ сапоги, по беднѣе и въ луговой сторонѣ, общеупотребительны онучи изъ чернаго, иногда бѣлаго сукна, обвитые тщательно бичевками. Лапти у нихъ выдѣлываются не только хорошо, но и щеголевато. Рубашки вышиты шерстью около шеи, по прорѣзу на груди, по окружности внизу, на плечахъ и рукавахъ, особыми черемисскими фигурами и заплетушками, мастерской выдумки и оригинальнаго вкуса. Встрѣчаются также рубашки

([1]) Фуксъ.

совершенно бѣлыя изъ болѣе тонкаго полотна, у обрусѣвшихъ горныхъ черемисъ. Рубашка и кафтанъ всегда подпоясываются, первая шерстянымъ шнуркомъ съ кистями, а вторoй ремнемъ, либо широкимъ поясомъ. Шапки ихъ низкія, суконныя, обшитыя во всю ширину какимъ нибудь мѣхомъ, мѣстнаго произведенія. Но бываютъ и высокія войлочныя, подмосковныя, въ видѣ усѣченнаго конуса. Во время праздниковъ и моленія, они надѣваютъ особенныя высокія берестовыя шапки, четверти 3 вышиною, на подобіе камилавки (1). Отправляясь въ лѣсъ, на охоту, черемисинъ подвязываетъ къ ремневому поясу, ножны для ножа; тутъ же вкладывается огниво и посредствомъ желѣзной дужки прицѣпляется топоръ. Огниво имъ необходимо имѣть при себѣ постоянно, какъ для того чтобы разводить огонь въ лѣсахъ отъ мошекъ, такъ и для закуриванія трубки, которая сопровождаетъ черемисина вездѣ и едва ли не прячется, только ко сну.

Женскій нарядъ царевококшайскаго уѣзда, изображенный на рисункѣ № 5, состоитъ изъ слѣдующихъ частей: онучи (штырь) черные, суконные, на манеръ черкесскихъ штановъ, плотно прилегающихъ къ ногѣ, съ фальшивымъ разрѣзомъ съ боку и отороченныхъ синимъ шнуркомъ, а возлѣ тонкимъ серебрянымъ галуномъ, продолженнымъ вверхъ, въ видѣ лампаса съ боку, по шву. Въ другихъ мѣстностяхъ носятъ такіе же онучи, какъ у чувашъ, въ видѣ бревенъ, крѣпко обвитыхъ бичевками. Лапти, замѣняющія вездѣ башмаки, хорошей выдѣлки и потому называются иногда бисерными, по тонкости работы. Исподнее платье рубашка, всегда вышита богатымъ узоромъ, на подобіе мужскихъ. Сверху рубашки надѣвается бѣлый суконный кафтанъ мижеръ, который у луговыхъ низко подпоясывается поясомъ. Если же мижеръ не надѣвается, то рубашка подпоясывается такимъже образомъ. Но отъ этого отступили горныя черемиски, которыя носятъ короткія тальи. Поясъ украшенъ множествомъ кистей, бахрамою, а концы его висятъ съ боку, либо спереди, оканчиваясь шерстяными кисточками и бахромкою. На грудь надѣваютъ паралелограммъ, подобный чувашскому дѣвичьему, подъ названіемъ мельшеръ, прикрѣпленный къ мѣдному кольцу, которое въ свою очередь, пришито къ рубашкѣ. Вся кожа этого мельшера

---

(1) Знаменскій.

усыпана пришитою старою серебряною монетою, а нижній край украшенъ раковинами, ужовками или змѣиными головками. На шею надѣваютъ ожерелье аршешъ, состоящее изъ шерстяной тесьмы, обшитой по наружной плоскости бѣлыми перламутровыми пуговицами и крупнымъ разноцвѣтнымъ бисеромъ. Наружный край весь увѣшанъ раковинами. На концѣ виситъ мѣдный, оловянный или серебряный крестъ, нѣсколько выше мельшера. Плотно къ шеи надѣвается: другое широкое ожерелье, коего наружный и внутренній края образуютъ два экцентрическихъ эллипсоида. Это украшеніе, подъ названіемъ шуякшъ, надѣвается такъ, чтобы широкая сторона эллипсообразной площади приходилась по среди груди; она вся усыпана старыми и новыми монетами, также эллипсообразно, а край увѣшанъ ужовками. Головной уборъ, въ видѣ камилавки, значительно уширяющейся къ верху, образуетъ тамъ ребро, а съ боковъ треугольники. Эта чалма называется сорока, покрыта темно краснымъ сукномъ, украшеннымъ спереди бѣлымъ шнуркомъ, въ видѣ скобокъ. Сорока покрывается бѣлымъ платкомъ, вышитымъ по краямъ красною шерстью; концы его подвязываются подъ подбородкомъ.

Многія изъ черемисокъ носятъ передники, красиво вышитые по краямъ. Другія, два мельшера-паралелограмма, на подобіе чувашскихъ женщинъ. Серьги у нихъ одинаковы, какъ у чувашекъ, т. е. составлены изъ мелкой монеты, на мѣдныхъ проволокахъ, одна ниже другой. Нѣкоторыя носятъ также, ниже ушей и съ боку шеи, проволочные усы, загнутые къ затылку, какъ было описано при разборѣ чувашскаго наряда. Наконецъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ черемиски носятъ на головѣ полотенцо изъ холста, сарпанъ, вышитый узенькимъ узоромъ. Имъ покрываютъ голову на половину, подвязывая концы подъ подбородкомъ. Волосы при этомъ разбросаны на обѣ стороны. Сверху сарпана, надѣвается, какъ у замужнихъ чувашекъ масмакъ, повязка въ вершокъ шириною, со сплошнымъ вышитымъ узоромъ. Наконецъ многія черемиски ходятъ и съ открытыми головами, въ особенности въ нагорной сторонѣ.

Вообще ихъ одежда очень разнообразна, съ особеннымъ оттѣнкомъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, но при этомъ тамъ, гдѣ черемисы живутъ возлѣ чувашъ, они по одеждѣ похожи на нихъ, тамъ же гдѣ они приходятъ въ соприкосновеніе

съ русскими, національный костюмъ становится изъ года въ годъ проще, наконецъ въ отдаленныхъ мѣстахъ, въ чащахъ лѣсовъ, онъ до того разнообразенъ и такъ еще мало изслѣдованъ, что трудно пріурочить описаніе ихъ одежды, въ этихъ мѣстахъ, къ одной какой нибудь опредѣленной формѣ.

Пища горныхъ черемисъ по мѣстностямъ совершенно сходна съ русскою, отъ которыхъ они переняли также способность угощаться въ трактирахъ нескончаемымъ чаемъ. Тамъ же, гдѣ по мѣсту жительства горные черемисы ближе къ чувашамъ, кушанья сходны съ чувашскими. На луговой сторонѣ черемисы содержутъ какъ себя, такъ и своихъ домашнихъ значительно хуже. Ихъ отлучки въ лѣса на продолжительное время, не дозволяютъ имъ пользоваться домашними произведеніями, а сухой хлѣбъ, грибы, брусника, вообще сырая и холодная пища, при запиваніи ея болотистою водою, производитъ дурное вліяніе на ихъ организмъ. Но положеніе ихъ бываетъ еще хуже, если они уходятъ слишкомъ далеко отъ своихъ жилищъ, либо по неурожаю терпятъ голодъ; тогда древесная кора, коренья, сосновые и еловые шишки, бѣлки, сороки и галки, нерѣдко составляютъ ихъ единственную пищу.

По недостатку скота, Черемисы рѣдко употребляютъ мясо и какъ отъ этого, такъ и вообще отъ дурной пищи всѣ сухощавы. Обыкновеная ихъ пища хлѣбъ, иногда весьма дурнаго качества, испекаемый лѣтомъ въ золѣ; салма (ляшка) изъ овсяной муки, овсяная каша, и кислое молоко. Тѣ изъ нихъ, которые нѣсколько занимаются огородничествомъ, употребляютъ картофель, морковь, капусту, рѣдьку и лукъ. Квасъ приготовляютъ рѣдко, притомъ всегда жидкій и кислый.

Постнаго кушанья они не знаютъ и постовъ не соблюдаютъ. Въ праздники они пекутъ ватрушки и употребляютъ мясо: лошадиное, оленей, зайцевъ, медвѣжье мясо и сало.

Почти въ каждомъ хозяйствѣ можно найти пиво и иногда медъ, то и другое одуряющаго свойства. До вина они большіе охотники и рѣдкій черемисининъ не пьетъ, не пьянствуетъ.

Главныя занятія черемисъ, находятся въ прямой зависимости отъ обитаемой ими мѣстности. Такъ по берегамъ Волги, они занимаются очень успѣшно рыболовствомъ. Тоже самое производится и въ другихъ мѣстахъ, по разнымъ рѣкамъ и озерамъ, изобилующимъ рыбою. Постоянно занимающіеся этимъ промысломъ черемисы, берутъ въ аренду разныя урочища и за тѣмъ поставляютъ свои произведенія гур-

томъ въ Казань, Козьмодемьянскъ, Чебоксары и въ другіе города и мѣста на базары и ярмарки; нѣкоторые же сбываютъ свой товаръ на мѣстѣ, пріѣзжимъ купцамъ. Здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что съ предоставленіемъ крестьянамъ распоряжаться оброчными статьями, отдача въ аренду рыбныхъ промысловъ пошла какъ бы хуже, чѣмъ прежде. Многіе договоры были уничтожены, явились черемисы каштаны, которые имѣя дѣло съ обществомъ и арендаторами, пользуются денежными подарками отъ послѣднихъ и всегда успѣваютъ уговорить общество, отдавать свои рыбные промыслы личностямъ не всегда надежнымъ и часто, за очень дешевую цѣну. Всякая подобная сдѣлка кончается всегда попойкою, послѣ которой представители общества бываютъ еще сговорчивѣе и уступчивѣе. Впослѣдствіи нерѣдко возникаютъ поэтому поводу споры и несогласія. Тѣже самые прибрежные жители занимаются бурлачествомъ и сплавомъ плотовъ, какъ по разнымъ рѣкамъ внутри земли, такъ и по самой Волгѣ. За подобный сплавъ, какъ работникъ, такъ и сплавщикъ, получаютъ хорошія цѣны, отъ 15—30 р. с. при этомъ, если вода довольно высока, то нѣтъ опасности въ скоромъ и своевременномъ достиженіи пункта поставки. Но такая работа сопряжена съ большими трудностями, если вода низка. Часто случается, что плоты садятся на мель и тогда сплавщики принуждены бываютъ ждать до повышенія уровня или приниматься за переборку плотовъ и связку нѣсколькихъ маленькихъ. Такія неудачи отнимаютъ много времени, сопряжены съ лишеніями и потому черемисы, за рискъ сплава вынуждены брать дороже, нежели какъ въ дѣйствительности онъ стоитъ, когда они безпрепятственно достигаютъ Казани, въ нѣсколько дней.

Многіе изъ черемисъ, береговыхъ жителей, привыкшихъ къ водѣ и къ управленію разной величины судовъ, съ дровами, корою, лаптями и др. произведеніями весьма смѣлые матросы и приносятъ существенную пользу волжскому судоходству. У насъ въ Россіи не вполнѣ еще примѣненъ способъ комплектованія нашего флота, исключительно жителями прибрежья. Между тѣмъ какъ выполненіе всякой спеціальности только тогда приноситъ пользу, если исполнители знакомы съ дѣломъ и соотвѣтствуютъ ему по своимъ занятіямъ; а такъ какъ континентальный житель, рѣдко можетъ быть хорошимъ морякомъ, не привыкши съ малолѣтства, къ водѣ, то и нѣтъ надежды, чтобы онъ когда либо былъ та-

кимъ морякомъ, какъ жители морскихъ береговъ Англіи и Франціи. Въ этихъ странахъ обращено на этотъ предметъ исключительное вниманіе, а у насъ все еще продолжаютъ комплектовать нашъ флотъ, жителями внутреннихъ губерній. Такъ мнѣ случилось видѣть рекрутъ назначенныхъ въ каспійскую и балтійскую флотиліи, изъ континентальныхъ уѣздовъ саратовской губерніи и деревень, отдаленныхъ отъ Ильменя и Бѣлоозера новгородской губерніи. Съ виду можно было только судить, что это такіе же люди, какъ и матросы; что же касается до ихъ способности, сдѣлаться моряками, можетъ быть въ 30-хъ годахъ жизни, то это кажется невѣроятнымъ, ибо нѣтъ естественныхъ задатковъ. Мнѣ случилось говорить о способности разныхъ народовъ Россіи, къ морской службѣ, съ безсрочно-отпускнымъ рядовымъ балтійской флотиліи Ефимомъ Петровымъ, чувашъ, нынѣ учитель русско-чувашской школы, тетюшскаго уѣзда, въ деревнѣ большихъ Яльчикахъ. Онъ мнѣ простодушно отвѣчалъ, что изъ всѣхъ иноплеменниковъ, самые бойкіе моряки, черемисы.

Нынѣ, съ разработкою статистическихъ свѣдѣній Россіи, весьма легко составить списокъ прибрежныхъ поселеній береговъ морей, значительныхъ озеръ и рѣкъ и за тѣмъ исключивъ ихъ, изъ набора въ континентальныя войска, предоставить флоту большій просторъ въ выборѣ матросовъ, исключительно способныхъ съ дѣтства, къ борьбѣ со стихіею. Сюда непремѣнно войдетъ большой участокъ черемисскихъ селъ, привыкшихъ къ такимъ занятіямъ, тогда какъ съ другой стороны, самый характеръ черемисъ идетъ на встрѣчу такой службы. Ихъ равнодушіе къ жизни, ихъ вѣчно угрюмой нравъ, вмѣстѣ съ лишеніями, къ которымъ привыкъ ихъ организмъ, ихъ безстрашіе, среди бушующихъ лѣсовъ и хищныхъ звѣрей, когда покровомъ имъ служитъ вѣтвистое дерево, утѣшеніемъ вѣчная трубка, пропитаніемъ черствый кусокъ хлѣба, все это, такъ близко подходитъ къ жизни моряка, что можно предвидѣть въ этомъ полнѣйшій обоюдный успѣхъ и за тѣмъ остается пожелать примѣненія въ будущемъ, выбора на службу, не только по назначенію, но и по наклонности, призванію и занятію человѣка.

Въ противуположность этимъ прибрежнымъ жителямъ, горные черемисы вполнѣ континентальный и осѣдлый народъ. Ихъ главное занятіе земледѣліе, которому они вполнѣ преданы, не уступая въ этомъ ни русскимъ ни чувашамъ. По сосѣдству съ послѣдними они воздѣлываютъ тѣ же самые

хлѣба и съ одинаковымъ успѣхомъ; полнѣйшему преуспѣянію этого дѣла, мѣшаетъ черезполостность, которая въ чувашскихъ обществахъ не существуетъ. По этому многіе горночеремисскія поля не только отдалены отъ поселка, но даже заходятъ и переходятъ за другія деревни и села, что имѣетъ послѣдствіемъ, захвата чужой собственности, а это влечетъ за собою споръ и судъ, причиняя тому и другому хозяйству не малый вредъ и взывая къ устраненію этого неудобства надлежащимъ размежеваніемъ земель, по околодкамъ.

Одинаково тщательно горные черемисы занимаются разведеніемъ всѣхъ огородныхъ овощей, а нѣкоторые изъ нихъ содержутъ хорошіе фруктовые сады, по преимуществу яблони, торгуя ими съ прибылью.

Горные черемисы извѣстны также по нѣкоторымъ околодкамъ и деревнямъ своею овчинною выдѣлкою, а другіе кузнечнымъ мастерствомъ. Вообще горные черемисы въ последнее 30-ти лѣтіе сдѣлали огромные успѣхи по разнымъ мастерствамъ, которые изъ года въ годъ пріобрѣтаютъ межъ нихъ все большую и большую гражданственность. Такъ между ними не трудно теперь найти хорошихъ плотниковъ, моляровъ, каменьщиковъ, печниковъ и даже золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастеровъ, производящихъ не только сельскія произведенія, но и работающихъ съ прибылью, по городамъ. Наконецъ многіе занимаются пчеловодствомъ, чему способствуютъ ихъ искуственно разведенные сады. У горныхъ черемисъ исключительно пасѣчное пчеловодство, за отсутствіемъ большихъ лѣсовъ. Пчелы разводятся при домахъ или въ близь лежащихъ рощицахъ, искустно ограждая ихъ отъ вѣтра и удаляя по возможности отъ воды, для отвращенія заносовъ и погибели при роеніи. Улья выставляются 1 апрѣля и прячутся на зиму 1 октября въ подполье или омшанникъ. Въ продолженіи лѣта, при каждомъ и болѣе удаленномъ отъ дома пчелникѣ, находится караульщикъ изъ стариковъ для котораго отстраивается особая караулка. Горно-черемисскія улья ничто иное какъ выдолбленные обрубки деревъ, цѣною до $1^1/_2$ р. с, а со пчелами до 10 р. с.

Улья эти вышиною до сажени, а шириною въ 1 аршинъ, слѣдовательно необыкновенно большой величины. Огребаніе роевъ начинается въ половинѣ іюля и кончается Ильинымъ днемъ. Сборъ меда начинается вслѣдъ за роеніемъ. Воскъ и медъ продаются въ ближайшихъ городахъ и пре-

имущественно въ Казани. На луговой сторонѣ по избытку лѣса водится исключительно бортовое (дикія пчелы) пчеловодство. Борты выдалбливаются въ высокихъ соснахъ и еляхъ, а иногда прикрѣпляютъ къ деревьямъ колодки въ видѣ улей. Хотя пчеловодство это составляетъ одно изъ немногихъ занятій лѣсныхъ черемисъ, доставляя имъ притомъ не мало выгодъ, а между тѣмъ дурной уходъ, много вредитъ этому дѣлу, причемъ по увѣренію Михайлова, главное препятствіе въ преуспѣяніи его, пьянство, которому черемисы предаются съ какимъ то остѣрвененіемъ, а за тѣмъ не мыслимы ни наблюдательность, ни столь необходимый копотливый уходъ.

Въ царевококшайскомъ, чебоксарскомъ и козмодемьянскомъ уѣздахъ, считается нынѣ 753 пчеловода у коихъ 20221 ульевъ ([1]). По приблизительному исчисленію, довыбается 7796 п. меду и 1753 пуд. воску.

Сбывается этотъ медъ изъ царевококшайскаго уѣзда въ Казани. Изъ козмодемьянскаго уѣзда въ своемъ уѣздномъ городѣ, въ Чебоксарахъ и въ нижегородскую губернію. Городъ же Чебоксары и Маріинскій посадъ скупаютъ изъ своего уѣзда медъ не ниже 4 и не выше 8 рублей за пудъ; а воскъ неочищенный, отъ 6-8 р. с. за пудъ, а очищенный отъ 25-30 р. с.

Это производство служитъ важнымъ подспорьемъ луговаго черемисина, хотя и находится въ первобытномъ состояніи, почти въ такомъ, какимъ его создала самая природа.

Второе важное занятіе луговыхъ черемисъ состоитъ въ выдѣлкѣ разныхъ лѣсныхъ издѣлій; такъ они дерутъ мочалу изъ которыхъ ткутъ цѣновки, заготавливаютъ кору для кожевенныхъ заводовъ, лубья, драницы, тесъ, ободья, дуги, бревна; плетутъ лапти въ огромнѣйшемъ количествѣ, распродавая все это сами, либо чрезъ купцовъ по всѣмъ городамъ губерніи и внизъ по Волгѣ, до Самары. При этомъ заработокъ иногда доходятъ до 25%.

Незаконная порубка лѣсовъ и употребленіе своихъ собственныхъ на издѣлія, безъ всякаго разсчета, впослѣдствіи лишаетъ многихъ черемисъ тѣхъ заработковъ, которыми

([1]) Труды казанскаго статистическаго комитета за 1868 годъ, выпускъ II.

они пользовались нѣкогда. Одинаково важенъ вопросъ, можно ли допускать вообще, хотя бы и при расчетливомъ уничтоженіи лѣсовъ, выдѣлку лѣсныхъ издѣлій. Сбоевъ имѣетъ по этому предмету своеобразный взглядъ, утверждая, что если съ одной стороны это и вредно для лѣсовъ, то съ другой необходимо, такъ какъ лѣсное населеніе увеличиваясь, требуетъ новыя поляны, которыя незамѣтно и образуются, при выдѣлкѣ разныхъ лѣсныхъ издѣлій. Если уничтоженіе лѣсовъ посредствомъ выдѣлки издѣліи идетъ рука объ руку съ возростаніемъ населенія, то оно естественно; однакожь должно имѣть свои границы, иначе лѣсъ уничтожится, а жители по скудности земли, будутъ еще больше бѣдствовать, въ то время какъ другіе роды промышленности, вовсе имъ неизвѣстны.

Далѣе слѣдуетъ охота, которой предаются черемисы съ увлеченіемъ оставляя домъ, работу и уходя на нѣсколько недѣль въ отдаленнѣйшія мѣста своего уѣзда. Достаточное число медвѣдей, волковъ, лисицъ, куницъ, лосей, оленей и всякой птицы, доставляютъ имъ обильныя выгоды, за ихъ труды.

Нѣкоторыхъ звѣрей они стрѣляютъ, другихъ ловятъ капканами. Ихъ ружья похожи, на сколько можно понять изъ описанія Фуксъ на ружья Монтекристо, которыя заряжаются щепоточкою пороху и одною дробинкою. Для охотника разумѣется весьма важно не раздроблять дичи большимъ зарядомъ, но за то попасть въ нее дробинкою доказываетъ необыкновенную вѣрность глаза и умѣнье обращаться и примѣняться къ своему ружью! Всѣ эти настрѣленныя и изловленныя произведенія привозятся или въ Казань, либо продаются на ближайшихъ базарахъ и ярмаркахъ, пріѣзжимъ купцамъ. Тѣже самые предметы можно получать за бѣзцѣнокъ изъ первыхъ рукъ, напримѣръ медвѣжью шкуру за 6 р. с. и пару рябчиковъ за 10 коп. сер.

Спрашивается, стоило ли рисковать жизнью, стоило ли исходить десятки верстъ, среди лишеній, за 6 р. 10 к. с.? Для черемисина это большіе деньги и онъ по нуждѣ въ нихъ, по скупости, будетъ ихъ считать, снова пойдетъ одинъ на одинъ и не дрогнетъ предъ медвѣдемъ, по равнодушію, по увѣренности, что распоритъ ему животъ, своимъ ножемъ.

Что касается до земледѣлія луговыхъ черемисъ, то эта отрасль хозяйства, находится у нихъ на послѣдней степени

производительности и поддерживается на столько, чтобы существовать среди другихъ заработковъ. Но мы пологаемъ, что еслибъ плодородіе почвы было бы обильнѣе и они имѣли бы возможность увеличить свои поляны, то вѣроятно оказались бы не менѣе способны и къ этой промышленности. Но въ этомъ случаѣ трудно что либо указать; пока народу нужны лапти, кулья и кора, значитъ нужны и мастера! При этомъ замѣтимъ, что черемисы рѣдко работаютъ на заводахъ, въ особенности въ одной артели съ татарами, которые пренебрегаютъ ими, за ихъ лѣность.

Многіе изъ черемисъ нанимаются также и въ работники для срубки лѣса и заготовленія дровъ; другіе же занимаясь тѣмъ или другимъ ремесломъ поставляютъ свои произведенія, либо промѣниваютъ ихъ на другія, у кого нибудь изъ богатыхъ, который уже занимается гуртовою поставкою одного какого либо предмета.

Договоры по найму въ работники заключаются большею частью на базарахъ, причемъ условіе подтверждается рукопожатіемъ и угощеніемъ магарычемъ или мугрычемъ. Иногда это считается достаточнымъ, но во многихъ случаяхъ заключаютъ письменныя условія, причемъ выдаются задатки, безъ которыхъ черемисинъ рѣдко соглашается приступить къ выполненію условія, имѣя надобность въ деньгахъ, для уплаты податей, коихъ сроки совпадаютъ со сроками лѣсныхъ работъ. Однакожь не всегда выполняются условія и бываютъ случаи, что работникъ вмѣстѣ съ деньгами вовсе пропадаетъ; другіе же, при безпорядочной жизни, пьянствѣ, хотя и выполняютъ условія, но за то вѣчно въ долгахъ у нанимателя. Работнику въ домѣ уплачиваютъ въ годъ до 30 р. с., кузнецу 100 р. с., бурлаку до Рыбинска 9 р. с. За вырубку пятерика дровъ 3-хъ поленной сажени—10 р. с.

Скотоводство на столько хорошо между горными черемисами, на сколько оно дурно въ луговой сторонѣ, по недостатку пашень и луговъ и по изобилію топкихъ болотъ и лѣсовъ. Мелкой породы скотъ содержится въ весьма ограниченномъ числѣ головъ, дурно. Богатые, какъ и вездѣ дѣлаютъ исключеніе, но и они занимаясь преимущественно другими промыслами, не обращаютъ большаго вниманія на скотину, которую по особенностямъ того края даже трудно содержать въ хорошемъ видѣ, такъ какъ безчисленное множество мошекъ и комаровъ, въ продолженіи цѣлаго лѣта, не даютъ ей покоя и потому скотина, весь день находится до-

ма, въ шалашахъ и выпускается только на ночь, среди опасностей отъ звѣрей.

Зимою скотину кормятъ исключительно соломою. У черемисъ весьма рѣдко встрѣчаются свиньи, не потому чтобъ не ѣли свинину, но изъ боязни уничтоженія ими маленькихъ полей и огородовъ, расположенныхъ возлѣ околодковъ.

Уходъ за скотиною, за все время отсутствія хозяина падаетъ разумѣется на женщину, которая занимается также и разведеніемъ птицы, самой обыкновенной породы; болѣе другихъ птицъ разведены у черемисъ гуси. Фуксъ между прочимъ описываетъ одну мѣстность царевококшайскаго уѣзда, гдѣ не живутъ курицы, вымирая чрезъ годъ ([1]). Такихъ мѣстностей, по особенности почвы найдется можетъ и по больше, если разслѣдовать этотъ предметъ какъ должно. Женщины, кромѣ домашняго хозяйства занимаются огородничествомъ, причемъ главный посѣвъ составляетъ хмѣль, необходимый какъ для выдѣлки пива, такъ и для продажи; кромѣ того онѣ прилежно занимаются тканьемъ, пряжею и вышиваньемъ. Такъ какъ ленъ почти не сѣется у черемисъ, то его замѣняютъ вездѣ коноплею, которую выдѣлываютъ превосходно. Нѣкоторые пряжи и тканье очень тонки, а вышиванье по холсту, разными узорами, шерстями и шелкомъ, дѣлается по счету, съ соблюденіемъ геометрической симетріи и съ большимъ вкусомъ. Въ свободное отъ другихъ занятій время, тканье, пряжа, и вышиванье производится цѣлымъ обществомъ родственниковъ и односелокъ, причемъ работающіе очередуются, занимаясь то тѣмъ, то другимъ, что легче и веселѣе.

Базары и ярмарки играютъ также у черемисъ, какъ и у чувашъ, важную роль въ ихъ домашнемъ быту. По разбросанности мѣстажительства, это иначе и быть не можетъ, такъ какъ обоюдное удовлетвореніе всѣхъ возможныхъ жизненныхъ потребностей, только и мыслимо такимъ способомъ. На этихъ базарахъ и ярмаркахъ заключаются между ними всѣ условія и договоры, которые пріобрѣтаютъ особенное значеніе и святость послѣ молитвы. При совершеніи договоровъ принимаютъ участіе свидѣтели, число коихъ при особыхъ сдѣлкахъ, доходитъ до двѣнадцати. Вино и угощеніе въ этомъ случаѣ главные спутники.

([1]) Стр. 191, Фуксь о черемисахъ.

При покупкѣ дома непремѣнно долженъ быть образъ; при лошади—узда, коровы—дойникъ или кринка. Хотя эти обыкновенія болѣе соблюдаются на нагорной сторонѣ, но у луговыхъ, установились нынѣ тѣ же правила пріобрѣтенія и продажи. Окончаніе всѣхъ подобныхъ сдѣлокъ производится всегда въ постояломъ дворѣ.

Черемисы никогда не продадутъ своего товара въ долгъ, но за то умѣнье обращаться съ ними и въ особенности наличныя деньги до того воспламѣняютъ ихъ желаніе, скорѣе ихъ пріобрѣсти, что нерѣдко покупается товаръ за безцѣнокъ. Тоже самое случается и при договорахъ. Черемисы, въ особенности горные, съ недавняго времени начали торговать на ярмаркахъ и базарахъ, русскими мелочными произведеніями и своими собственными, для домашняго обихода. Такъ они накупаютъ и продаютъ всякаго рода крестьянскую одежду и наряды женщинъ, также домашнюю утварь. Тутъ же они покупаютъ лошадей, коровъ и овецъ. Цыплятъ они не покупаютъ и не продаютъ. Весною горные черемисы продаютъ вскормленныхъ индѣйскихъ пѣтуховъ, а осенью — фрукты.

Черемисскій базаръ принимаетъ особенно оживленную форму въ селахъ, куда они отправляются по субботамъ и за тѣмъ помолившись начинается торгъ, громкій говоръ, пѣсни и пляски. Такъ какъ такой шумъ начинался иногда во время самой службы, то духовенствомъ были приняты мѣры, чтобы открытіе базаровъ начиналось по окончаніи службы, Этимъ воспользовались ревнители язычества, каштаны, карты и мужаны, отстаивая свои собственные интересы, причемъ вліяніемъ своимъ успѣли уговорить черемисъ во многихъ селахъ, перенести базары въ отдаленіе отъ церквей, что весьма жалко, такъ какъ обычаи устраивать базары по селамъ около самыхъ церквей, нерѣдкое явленіе во всѣхъ чисто русскихъ губерніяхъ [1].

Разсматривая характеръ черемисъ въ общей массѣ, а не въ исключеніяхъ по нѣкоторымъ горно-черемисскимъ волостямъ и приходамъ, оказывается, что какъ мѣстность, такъ и историческая судьба этого народа, наложили на нихъ отличительную черту робости не только предъ начальствомъ,

---

[1] Обычаи горныхъ черемисъ, А. Износкова.

но почти предъ всякимъ русскимъ. Произошло это отъ порабощенія и впослѣдствіи угнетенія, на основаніи котораго черемисъ всегда оказывался виноватымъ и потому онъ, лишь бы отдѣлаться отъ несчастія, платилъ деньги, свыше силъ. Какъ только мелкіе администраторы убѣдились въ извѣстной зажиточности черемисъ, въ ихъ молчаливости и безропотномъ повиновеніи, то немедля начали пользоваться поборами нещадно. Такъ былъ случай, что какой то чиновникъ разъѣзжалъ и собиралъ деньги, вмѣсто поставки лѣтомъ, къ царскому столу, опредѣленнаго имъ количества льда. Съ другой стороны насильственное обращеніе въ христіанство повело къ основанію приходовъ, гдѣ по совѣсти говоря, не было ни одного христіанина, кромѣ чиновъ причта, которыхъ однакожъ слѣдовало содержать на счетъ язычествующихъ черемисъ, тогда какъ съ другой стороны, жрецы зорко слѣдили за своею паствою и также требовали немаловажныхъ приношеній, натурою и деньгами. Бывали случаи, что разомъ приносили въ жертву до 170 головъ скота. А между тѣмъ тѣже самые язычники-черемисы должны были являться къ исповѣди, крестить и хоронить мнимыхъ христіанъ и все это не даромъ, при новыхъ поборахъ, среди преслѣдованій духовенства и полиціи. Какъ послѣ такихъ фактовъ не сдѣлаться угрюмымъ, безпечнымъ и лѣнивымъ, когда кромѣ того сама природа не улыбнулась жизни черемисина. Въ настоящую пору, когда мѣстность черемисской земли лучше извѣстна чѣмъ прежде, когда на нихъ уже дунулъ косвенный вѣтерокъ просвѣщенія, весьма затруднительно добиться хорошихъ результатовъ, безъ примѣненія надлежащей системы внесенія развитія, а потому нечего удивляться, что годовъ 20 тому назадъ это не только не было сознано, но никто и не думалъ объ этомъ, тогда какъ требованія съ черемисъ шли рядомъ съ требованіями отъ русскихъ крестьянъ, находившихся хотя бы и въ крѣпостномъ положеніи, но за то послѣдніе шли этимъ путемъ, на основаніи разныхъ историческихъ причинъ, вовсе неизвѣстныхъ черемисамъ. Покоренный черемисинъ, вдругъ включенный въ семью, никакъ не могъ себѣ объяснить эти новыя порядки, потому что они были противны его жизни, во что однакожъ администрація не хотѣла вникнуть, приписавъ свою неудачу непонятливости черемисина. Онъ въ дѣйствительности менѣе понятливъ чѣмъ русскій, татаринъ-купецъ; но за то тамъ, гдѣ можно пользоваться хотя бы оттѣнками просвѣщенія, они дѣлаютъ удивительные успѣхи само-

учкою и изъ нихъ выходятъ люди, истинно полезные своему обществу. И въ этомъ случаѣ ихъ сосредоточенность, влекущая за собою внутреннія наблюденія и созерцанія, вѣроятно не мало содѣйствуютъ установленію порядка въ мозгу и въ жизни. Эта алтайская раса потому непроизводительна, что весь сѣверъ былъ таковъ, а ему въ свою очередь мѣшала дикая природа. Но какъ только человѣкъ пересилитъ природу, она теряетъ свою дикость, съ чѣмъ вмѣстѣ должна также исчезнуть грубость черемисина, къ которой онъ привыкъ, какъ древнѣйшій житель лѣсовъ. Да и можно ли ему быть иначе съ медвѣдемъ, какъ не грубымъ. Эта борьба, доказавшая намъ, что и тутъ въ лѣсахъ человѣкъ можетъ жить и дѣйствовать, упорно защищая свою жизненность противъ природы и ея нечаянностей, а при встрѣчѣ вдругъ новыхъ порядковъ, съ покореніемъ казанскаго царства русскими, не могли не вызвать открытаго противудѣйствія, превратившагося за тѣмъ въ упорство, вездѣ, гдѣ не понимали, основнаго начала управленія: языка того народа, котораго нужно и можно было уговорить сдѣлать такъ, но не иначе. Къ чему тутъ по пусту терять слова говорили прежде, когда тоже самое достигается силою, а побѣжденный все равно, что безотвѣтный. А такъ какъ подобныя вольности повторялись часто, а невѣдомые на что поборы, сопровождали черемисъ во всѣхъ эпохахъ подданства, то проявилось новое качество, довольно распространенное—скупость и убѣжденіе, что только одними деньгами можно отдѣлаться отъ бѣды. Но такъ какъ на всѣ чихи не наздраствуешься и бывали кромѣ того въ семействѣ, въ родствѣ и околодкѣ завистники, предатели и сообщники незаконныхъ поборовъ, то черемисинъ не довѣряя никому, зарывалъ, потомъ заработанныя деньги въ землю, пряталъ ихъ въ подполье, въ анбарахъ, въ стѣнахъ и въ другихъ мѣстахъ, умирая со своимъ богатствомъ, не передавъ его никому. Такъ основались клады, такъ они родятся между ними и теперь, такъ составились цѣлыя легенды о кладахъ, а въ народѣ развелись кладоискщики.

Когда возможно забыть горе, то дѣлается какъ то легче на душѣ, а у черемисина его и понынѣ не мало. Отъ холода и стужи онъ продрогъ, отъ воды промокъ до костей. Въ гостяхъ же нѣтъ лучшаго развлеченія, какъ ѣсть и пить. Другаго же пива и меда, какъ очень хмѣльнаго, одуряющаго, они дѣлать не умѣютъ, да ко всему этому подоспѣла

еще дешевая водка. Достаточно причинъ для опьяненія простолюдина, постоянно поддерживаемаго климатическими условіями и потому не удивительно, что черемисинъ пьетъ иногда до остервенѣнія, позабываетъ все и жизнь, выгоду, хозяйство, договоръ. Тутъ онъ изъ робкаго и тихаго превращается въ забіяку, въ буяна и начинаетъ неистовствовать.

Тѣ изъ черемисъ, которые не могли переправиться на лѣвую сторону Волги, сохранивъ свое названіе и бытовую жизнь, и извѣстны подъ именемъ горныхъ черемисъ, доказали уже не разъ свою способность ко всякому развитію. Они всѣ очень ловки, проворны, но привязанность къ старинѣ, къ дикой природѣ, къ лѣсу, какъ бы сохранилась до нынѣ. На правомъ берегу Волги почти нѣтъ лѣсовъ, за исключеніемъ одного дубоваго около Суры, до 15 верстъ длины и до 50 ширины. Туда и отправляются горные черемисы, погулять въ лѣсу, а многіе изъ нихъ тайно помолиться. Онъ чувствуетъ тутъ себя дома, созерцаетъ лѣсную красоту, но какъ то не умственно, не сознательно, а инстинктивно. Мнѣ случалось видѣть изображенія разныхъ идоловъ, найденныхъ по уральскому хребту, по дорогѣ движенія чуди. Эти идолы ничто иное, какъ камень или металъ, коего нижняя часть въ видѣ суковатаго куска дерева, тогда какъ сверху сдѣлана человѣческая голова. Не есть ли это признакъ обожанія и олицетворенія природы и прямое указаніе на исполненіе религіозныхъ обрядовъ фетишизма? И до нынѣ у черемисъ береза и рябина имѣютъ важное значеніе. Береза на правой сторонѣ Волги во всѣхъ садахъ, а на луговой она быстро покрываетъ поле своими отростками, услаждая этимъ невнятно, но чувствительно, душу черемисина. Какъ тутъ, такъ и тамъ она даетъ освѣщеніе, топливо, берестою покрываютъ кровлю, дѣлаютъ посуду, кузовья и употребляется въ языческихъ обрядахъ. Рябина по понятіямъ черемисъ предохраняетъ ихъ отъ колдовства и шайтана, сопровождая карта въ видѣ посоха вездѣ, на тѣхъ же основаніяхъ. Несмотря однакожь на все это почитаніе лѣсовъ, они не могли ихъ воспѣть. Монотонное а-а-а, о-о-о, съ своеобразнымъ напѣвомъ, составляетъ единственное душевное изліяніе, употребляемое и при другихъ случаяхъ. По обѣимъ сторонамъ Волги эта пѣсня безъ словъ сопровождаетъ черемисина повсюду. Она приложена здѣсь съ другими.

Одному изъ миссіонеровъ вятской губерніи, тамошніе

черемисы отвѣтили: не всѣ деревья ровны, есть бѣлыя высокія березы и есть маленькія, черныя сосны. Пусть вы эти березы, а мы тѣ сосны. Значитъ они сами сознаютъ свое ничтожество, что однакожъ не совсѣмъ выгодно для страны, такъ какъ подобное уничиженіе, можетъ подѣйствовать вредно на распространеніе просвѣщенія, которое по нашему крайнему разумѣнію, доступно каждому человѣку, лишь бы побороть природу, заставить ее не мѣшать жить, а напротивъ покориться жизни и потребностямъ человѣка. Въ этомъ отношеніи, какъ сильный жаръ, такъ равно и сильный холодъ препятствуютъ движенію цивилизаціи, которая съ давнихъ поръ заняла среднюю черту, распространяясь все болѣе и болѣе къ югу и къ сѣверу. На долю Россіи, выпалъ жребій оживить сѣверъ, что не только возможно, но что осуществляется, однако не дошло еще до лѣсныхъ черемисъ. Исторія сопротивленія черемисъ, послѣ покорѣнія казанскаго царства прежде всего свидѣтельствуетъ, что они далеко не неспособны и не непонятливы. Тамъ гдѣ проложены пути, гдѣ волею неволею они вынуждены приходить въ соприкосновеніе съ русскими, тамъ не только являются личности, но цѣлые приходы и общества, усвоившіе себѣ признаки развитія и быстро двигающіеся впередъ на соревнованіе съ русскими. Ходъ основанія и утвержденія черемисскаго монастыря въ ценибековской дачѣ около р. Суры и завѣтнаго лѣса, лучше всего доказываетъ возможность движенія черемисъ къ христіанству. Съ другой стороны, невѣжественное упорство, всегда сопровождало дѣятелей въ осуществленіи ихъ мысли, а это самое не есть ли уже задатокъ превосходныхъ началъ. Обученіе грамотѣ въ школѣ священника Рождественскаго также подаетъ надежду на успѣхъ, а помощники его, по доброй волѣ, изъ учениковъ, не доказываютъ ли желаніе черемисъ выйти изъ ихъ прежняго положенія. Также нельзя не обратить вниманіе хотя бы и на медленное улучшеніе самой жизни черемисъ, начиная съ тѣхъ, которыхъ околодки расположены вблизи городовъ и большихъ дорогъ. Тутъ и русскія бѣлыя избы и тоже внутреннее устройство; тутъ же въ ходу русскій языкъ, одежда, да и самый семейный бытъ и женщины обстановлены на нижегородскій ладъ, со всѣми его промыслами, занятіями и привычками. Все это сдѣлалось столѣтіями, представляя вмѣстѣ съ тѣмъ печальный результатъ по своему процентному содержанію. Въ этотъ же срокъ, измѣнилась также вся природа горно-черемисскаго околодка

и изъ лѣснаго, мало обитаемаго пространства, сдѣлалось одно сплошное пахатное поле, которое лишь въ ограниченныхъ участкахъ, мы находимъ на луговой сторонѣ. Но неужели же для такой переработки, остальныхъ мѣстъ нужно ждать тысячу лѣтъ и прибѣгнуть къ вырубкѣ всѣхъ черемисскихъ лѣсовъ. Неужели такая вырубка можетъ принести пользу, обнаживъ болотисто-песчанно глинистый грунтъ? Не думаемъ, чтобы это принесло пользу, а наше общее нетерпѣніе и стремленіе недоумѣваетъ предъ новымъ тысячилѣтіемъ. Намъ кажется, что безъ вырубки лѣсовъ, а исключительно съ распространеніемъ миссіонерства, грамотности и ремеслъ, можно дойти въ короткій срокъ, до блестящихъ результатовъ. Инородческій вопросъ въ Россіи очень важенъ и потому еслибъналечь всѣми разумными силами и средствами, хотя бы на эту часть и испытать дѣло въ 10-ти лѣтній срокъ, то такой опытъ не только докажетъ возможность быстраго превращенія черемисъ, но и докажетъ возможность и примѣнимость этого дѣла, во всѣхъ концахъ и ко всѣмъ народностямъ, не болѣе какъ въ 100 лѣтній срокъ. Способъ примѣненія уже установился и о немъ будетъ сказано ниже, но главная задача состоитъ за тѣмъ не въ людяхъ, они сами выростутъ какъ грибы, но не растутъ только средства для образованія, хотя найти ихъ можно и должно.

На распространеніе развитія и христіанства не малое имѣетъ вліяніе домашній бытъ и отношенія членовъ семьи. Въ каждомъ семействѣ, глава его отецъ, либо за смертію его старшій сынъ или мать, имѣютъ огромное вліяніе на всѣхъ остальныхъ и ихъ мнѣніе, желаніе или приговоръ принимается за законъ. Такихъ главъ, закоренѣлыхъ въ своихъ понятіяхъ, трудно убѣдить въ погрѣшимости жрецовъ, ворожей, знахарей или колдуновъ. Подъ вліяніемъ такихъ лицъ, старшіе въ семействѣ дѣйствуютъ на младшихъ убѣжденіями, разговорами и даже силою. Боясь и гнушаясь всего русскаго они говорятъ: „нашу вѣру кончать, насъ кончать". Считаясь христіанами, они никогда не постятся и примѣшиваютъ семьянину христіанину, втихомолку къ постному, скоромное. Дѣти въ особенности бывшіе въ училищахъ, если ни наработахъ, то сидя домя, сильнѣе всего подвергаются этой передѣлочной работѣ и наконецъ для спокойствія семьи, впадаютъ въ прежнее положеніе, дѣлаются суевѣрными и за тѣмъ, какъ болѣе толковые въ письмѣ, обращаются нерѣдко въ карты. Женщины имѣютъ не малое вліяніе на семейство чере-

мисина, который самъ безпрестанно въ отлучкѣ, за то женщины всегда дома и по своей неразвитости, малой общительности и затворничествѣ среди такихъ же родныхъ, главныя виновницы, дурнаго воспитанія и направленія дѣтей. Скупость мужа и недостаточность средствъ жены, дѣлаютъ ее небрежною къ хозяйству и чрезвычайно грубою къ постороннимъ. Не мытая грязная изба, дурное и скудное пропитаніе и такое же приготовленіе кушанья, вліяютъ и на здоровье дѣтей; и вотъ одна изъ причинъ, почему черемисы сравнительно съ другими, менѣе сильны и здоровы. Рѣдкій изъ нихъ до живаетъ до 50 лѣтъ (1). Между тѣмъ тутъ встрѣчается нѣкоторое противурѣчіе въ показаніяхъ разныхъ источниковъ. Черемисы, какъ финское племя, должны имѣть бани, о чемъ упоминаетъ также Миллеръ, говоря что они постоянно моются. Этому способствуетъ расположеніе ихъ деревень около овраговъ, тогда какъ съ другой стороны, все черемисское семейство, со всѣмъ его хозяйствомъ и курною избою, вѣчно грязны, вѣчно выпачканы. Пусть мужъ бы былъ таковъ, отъ продолжительныхъ отсутствій въ лѣсахъ; но вѣдь семейство имѣетъ и время, и средства содержать себя чище. Это съ черемисинкою быть не можетъ, такъ какъ она по природѣ грязна.

Къ женамъ относятся мужья и не рѣдко сыновья безъ особаго уваженія. По этому понятно, что рекрутъ оставляя домъ, почти открыто даетъ дозволеніе женѣ на сожительство съ однимъ изъ родныхъ. На вопросъ напримѣръ: что Мареа, скучаешъ по мужу, можно получить въ отвѣтъ: развѣ у насъ мало и безъ него (2). Вообще сожительство женщины съ чужимъ, не слишкомъ преслѣдуется. Точно также женщины не имѣютъ право принимать прямаго участія въ моленіяхъ, а могутъ лишь присутствовать съ боку. И это униженіе, какъ будто они недостойны одинаково возносить свои молитвы, также отчасти доказываетъ ихъ положеніе въ обществѣ. Однажды мать разсердившись на сына отправилась на моленіе, гдѣ и встала позади всѣхъ. Въ это время пошелъ градъ столь сильный, что погасилъ жертвенникъ и произвелъ вмѣстѣ съ громомъ и молніей нѣкоторое смятеніе. Когда черемисы увидѣли позади себя молящуюся женщину, то все это несчастіе приписали

(1) Фуксъ.

(2) Фуксъ.

ей и вѣроятно убили бы, еслибъ не защитилъ ее сынъ. Но за то какъ онъ, такъ и мать не обошлись безъ сильныхъ побоевъ (1). Кулачная семейная расправа въ черемисскихъ семьяхъ дѣло очень обыкновенное, причемъ она можетъ быть произведена каждымъ старшимъ надъ младшимъ. Всѣ подобныя недоразумѣнія происходятъ большею частью чрезъ женъ, взрослыхъ дѣтей и кончаются отдѣленіемъ сына, который за непокорность и непослушаніе главѣ семейства, отцу, лишается иногда самаго необходимаго, для перваго обзаведенія.

Въ тѣхъ исключительныхъ семьяхъ, гдѣ мать по отношенію своему къ мужу имѣетъ право сказать слово, тамъ женитьба, рекрутство, заработки натурою и приданое, всегда рѣшаются съ ея мнѣнія, хотя главнымъ образомъ и тутъ, гдѣ вопросъ идетъ объ участи дѣтей, рѣшаютъ выгода, выкупъ, деньги и скупость.

Жена остающаяся по смерти мужа съ малолѣтними дѣтьми, либо по уходѣ его на службу сохраняетъ права, какъ старшая и домохозяйка, но только ради дѣтей; за неимѣніемъ ихъ, отправляется въ домъ своихъ родителей, чтобы только избавиться, быть работницею.

По смерти отца, почти постоянно возникаютъ ссоры и тяжбы между братьями крестьянами и возвращающимися со службы. Первые говорятъ, что они помогали и поддерживали домъ, а вторые, что они бывалые люди и съ царской сужбы. Споры эти кончаются тяжбою о дѣлежѣ, продолжающемся нѣсколько лѣтъ. Хозяйство въ это время приходитъ въ совершенный безпорядокъ, такъ какъ никто не желаетъ работать и поддерживать хозяйство на пользу другаго. Изба, анбары, лачуги, заборы разваливаются, растаскиваются, остается разоренное хозяйство, которое при переходѣ къ солдату, ему не по силамъ, приходитъ еще въ худшее разорительное состояніе и наконецъ продается.

Эти люди большею частію уже отвыкли отъ деревенской жизни и работы; рѣдкій изъ нихъ ремесленникъ и столь же рѣдко онъ грамотенъ. Теперь можетъ быть съ устройствомъ въ полкахъ учебныхъ командъ, развивающихъ грамотность и

---

(1) Фуксъ.

разныя ремесла, съ обученіемъ рекрутъ по человѣчески и съ уменьшеніемъ срока дѣйствительной службы, вопросъ этотъ будетъ разрѣшаться болѣе благопріятно, но и при этомъ онъ зависитъ отъ многихъ другихъ обстоятельствъ. Намъ мнится, что для страны было бы полезно, въ виду того, что общества не разсчитываютъ на возвращеніе и помощь рекрутъ въ будущемъ, устроиваясь и продолжая жить, какъ бы выбывшаго изъ семьи не было на свѣтѣ,-давать солдатамъ, отслужившимъ свой срокъ, безсрочнымъ и изъ отставки иное назначеніе, сообразно экономическимъ потребностямъ страны. Этимъ какъ крестьянская семья, такъ и тотъ, который уже отвыкъ отъ крестьянскаго быта, обстановились бы лучше по слѣдующимъ причинамъ. Прибывающіе въ семействѣ братья солдата, на основаніи семейныхъ положеній, какъ черемисъ, такъ и чувашъ, пріобрѣтаютъ и заработываютъ исключительно своимъ трудомъ все что имъ потребно и богатѣютъ за тѣмъ не только для себя, для одной какой либо личности семьи, но купно, для всѣхъ, для всего семейства. По ихъ понятіямъ, то что ими добыто, не можетъ быть отдано другому, какъ не отдается оно вообще чужимъ, при смерти главы семейсва. За тѣмъ со службою, хотя они и свыклись, но по узкости взгляда, они относятся къ ней довольно равнодушно, ничуть не безпокоясь о томъ, что можетъ ихъ постигнуть, еслибъ непріятель добрался до ихъ земли, до ихъ избы. Да наконецъ русское просвѣщеніе такъ мало проникло еще въ эти трущобы, сново повторяю, инородческій вопросъ такъ мало затронутъ со стороны пользы, какую изъ него можетъ извлечь преобладающее русское населеніе, а послѣднее по идеи національности лишь очень недавно сознало свою силу, что вовсе не слѣдуетъ удивляться равнодушію казанскихъ иноплеменниковъ, къ тому или другому народному преобладанію и его нуждамъ, которыя такъ часто смѣнялись. На этомъ то основаніи, взглядъ черемисъ вѣренъ и нельзя на нихъ сѣтовать если они солдата почитаютъ отрѣзаннымъ ломтемъ, лишеннымъ права пользоваться ихъ трудовою собсвенностью, въ добываніи которой онъ не принималъ никокаго участія, напротивъ повредилъ семьѣ, своимъ отсутствіемъ.

По этому возвращеніе въ семью, по смерти отца, бываетъ на столько же горестно и непріятно, какъ выходъ изъ нея. Первое влечетъ за собою отнятіе у семьи благопріобрѣтеннаго, а второе отнимаетъ работника и роднаго сына. Иное бываетъ,

при возвращеніи со службы, при живыхъ родителяхъ, которымъ всѣ должны повиноваться и отслужившій сынъ можетъ принять участіе, по приказанію отца быть полезнымъ въ семейныхъ работахъ. Тогда это исполняется безприкословно, въ особенности если время проведенное на службѣ, было не продолжительно. Но если оно длилось болѣе 8 лѣтъ, если родители умерли, въ особенности отецъ и братья вступили во владѣніе, то вопросъ становится спорнымъ и по непониманію значенія службы, влечетъ за собою, разорѣніе богатѣйшаго семейства.

Съ другой стороны солдатъ, вовсе отвыкнувъ отъ тяжелой крестьянской работы, къ которой даже не вполнѣ могъ привыкнуть, не пріобрѣсти достаточно опытности, будучи отвлеченъ отъ нея въ только что созрѣвшемъ возрастѣ, этотъ человѣкъ, покорившись судьбѣ, быстро привыкаетъ къ косвенной непроизводительности солдатской жизни и впослѣдствіи ни въ состояніи болѣе заботиться до пота лица, для добыванія себѣ и еще семейству, если оно есть, повседневной пищи, одежды, которыя онъ получалъ даромъ за такую дѣятельность, въ которой очень мало смыслитъ. Рѣдко, очень рѣдко солдатъ изъ инородцевъ, приноситъ пользу своимъ соотечественникамъ по возвращеніи со службы, такъ какъ большею частью, всѣ они отъ своихъ отстали, а къ чужимъ не пристали.

Войско, въ отношеніи массы народа только тогда можетъ встрѣтить братское сочувствіе въ немъ, когда народъ вообще и инородцы въ особенности по разсматриваемому нами предмету убѣдятся въ распространеніи войскомъ той матеріальной пользы, которая матеріально же его обогощаетъ, умственно развиваетъ, наводитъ на путь истины, христіанства и братолюбія.

Казалось бы съ перваго раза, что новѣйшія военныя требованія, сильно дѣйствуютъ на нашихъ солдатъ, инородцевъ, двигая впередъ грамотность, обучая и утверждая ихъ въ христіанствѣ. Введеніе новыхъ и благихъ учрежденій дѣйствительно это имѣло въ виду, но имѣть въ виду и достигать цѣли, разница. Виною въ недостиженіе цѣли то, что не хотятъ вдуматься въ важность развитія солдата, какъ для него самаго, такъ и для народа изъ среды котораго вышелъ и куда снова войдетъ. Если тѣ, отъ которыхъ зависитъ прямое образованіе солдатъ потрудились бы только признать, что

учить человѣка чему бы то ни было, если онъ не знаетъ языка, на которомъ обучаютъ, значитъ по напрасно терять время, вѣрнѣе-воду толочь. Но и въ водѣ можетъ перемелиться плесень, разная пыль, зараждаемость, а между тѣмъ все таки она будетъ также скверна, какъ солдатъ будетъ всегда дуренъ, если удержитъ въ памяти обученіе, только отъ безпрестанныхъ повтореній, или по инстинкту, но не сознательно. Здѣсь не нужна долбня, въ прямомъ и обратномъ смыслѣ, а необходимо одно терпѣніе и благоразуміе со стороны учителей, отъ смысла которыхъ зависитъ вся подготовка рекрута и молодаго солдата. Много въ этомъ случаѣ зависитъ отъ самаго выбора людей въ учителя, при чемъ возникаетъ вопросъ, можно ли назначать и въ какомъ случаѣ, инородца? Ни въ какомъ случаѣ, такъ какъ учителя, находясь постоянно съ новобранцами, должны съ ними вести нравственно-назидательные разговоры и обучать ихъ христіанскимъ молитвамъ, что отъ мухаммеданина, язычника и незнающаго русскаго языка требовать никакъ нельзя. А между тѣмъ мнѣ извѣстны случаи подобныхъ выборовъ, а это доказываетъ непониманіе дѣла. Съ другой стороны, самое подготовленіе инородцевъ, новобранцевъ, требуетъ больше времени, не менѣе года, а не 5 мѣсяцевъ, какъ нынѣ, но за то это время возвратится сторицею на службѣ и при отставкѣ. Вслѣдъ за ознакомленіемъ съ русскимъ языкомъ, слѣдуетъ нравственно-религіозное воспитаніе, котораго основы на столько же плохи у солдатъ, какъ у другихъ переполнены ложными понятіями и толкованіями. И тутъ все зависитъ отъ способа обученія, отъ учителей которые по нынѣ заботятся исключительно о знаніи наизусть молитвъ безъ всякихъ толкованій. Пріемы при этомъ употребляются иногда самые странные, если не сказать болѣе!. Въ отставкѣ, все подобное искуственное, инородецъ забываетъ чрезвычайно скоро, а остается у него только чванство о своей службѣ, неразумное вѣрованіе, которое па родной почвѣ сбивается съ толку, либо толкуется имъ самимъ вкось и кривь. Еще хуже идетъ дѣло съ русскимъ языкомъ, котораго вовсе не употребляютъ въ семьѣ, на сходкахъ и базарахъ и инородцы-солдаты, скоро его позабываютъ, впослѣдствіи поверхностнаго изученія. А между тѣмъ, еслибъ изъ 1940 человѣкъ рекрутъ казанской губерніи, поступающихъ приблизительно каждый годъ, по набору въ резервные баталіоны, образовать вполнѣ хотя 1000 человѣкъ ежегодно, на раціональныхъ началахъ, то это срокомъ въ 8

лѣтъ, дастъ уже 8000 почтенныхъ дѣятелей инородцевъ въ видѣ исключенія Ефима Петрова, на пользу цивилизаціи, вѣры и руссицизма.

Вотъ истинное богатство государства. Тогда и мы можемъ разсчитывать имѣть въ рядахъ, по примѣру Пруссіи въ 1866 году, до сотни студентовъ въ полку, которые возвратившись на родину разумѣется не забудутъ тотъ языкъ, на которомъ выучились вѣровать во Христа и отстаивать интересы своего отечества. Тогда столь желаемое объединеніе, если не вѣры, то языка и народности по крайней мѣрѣ, отъ ледовитаго моря до Персіи и Китая, отъ Камчатки до Вильны и Риги будетъ мыслимо и пойдетъ быстро; но для этого необходимо принять при обученіи инородцевъ въ резервныхъ баталіонахъ другой методъ. О немъ будетъ говорено ниже.

Что касается до способностей, вообще инородцевъ казанской губерніи, то смѣю увѣрить каждаго, что они не хуже русскихъ, а если кто увѣряетъ, что ихъ нѣтъ, что чуваши, черемиси глупы, то это будетъ также странно, какъ говорить о комъ бы то небыло, не зная человѣка. А что инородцевъ у насъ не знаютъ, доказывается скудностью нашихъ энтографическихъ свѣдѣній. Воспитайте только ребенка, какъ слѣдуетъ и будьте увѣрены, что онъ будетъ человѣкомъ!

Черемисы никогда не скрываютъ бѣглыхъ, у нихъ нѣтъ ни бродягъ, ни нищихъ, ни странниковъ, причемъ они имѣютъ свой взглядъ, на совершаемыя ими преступленія. Такъ тотъ, кто изъ личныхъ видовъ совершилъ убійство или воровство, не можетъ ожидать, ни помилованія, ни пощады. Но если эти же преступленія совершены въ видѣ мести, расправы или по какому либо другому убѣжденію, то такого преступника, черемисы частехонько прощаютъ и укрываютъ отъ преслѣдованія, въ особенности, если ему угрожаетъ Сибирь. Обстоятельства эти весьма важны при изслѣдованіяхъ дѣла. Г. Износковъ ясно доказываетъ, что число преступленій въ тѣхъ приходахъ, гдѣ горные-черемисы болѣе развиты, въ половину менѣе того числа, гдѣ они не развиты. Жалко только, что фактъ не подкрѣпленъ показаніемъ числительности прихода, причемъ обнаружилось бы отношеніе преступленій, къ числу душъ.

Наиболѣе распространенное преступленіе между черемисами - воровство, за которое они откупаются у общества, пользуясь наклонностію своихъ собратьевъ къ водкѣ, чѣмъ

и рѣшается дѣло. Конокрадство, сравнительно съ чувашскимъ, у черемисъ случается рѣдко. Самоубійство, въ видѣ повѣшанія исчезнетъ также, съ уменьшеніемъ незаконныхъ поборовъ. Дѣтоубійства во все небываетъ, по особому взгляду на нравственность. Къ сохраненію въ цѣлости общественнаго достоянія, они равнодушны, если завѣдуютъ имъ несамостоятельно.

Число преступленій въ 1867 году было какъ 1: 232, а въ 1868 году, какъ 1: 274. Цыфры эти, по сравненію съ другими очень значительны и находятся въ полной зависимости отъ влеченія къ пьянству и воровству, между которыми первое мѣсто занимаетъ порубка лѣсовъ.

Къ характеристическимъ свойствамъ черемисъ, слѣдуетъ еще отнести ихъ суевѣріе, которое доходитъ иногда до смѣшного. Такъ Фуксъ разсказываетъ, что одинъ черемисинъ заболѣлъ и никакъ не соглашаясь принять предлагаемое домашнее лекарство, просилъ надѣлить его 3 яйцами. Получивъ ихъ, онъ побрѣлъ въ лѣсъ, за тѣмъ пришелъ назадъ, сѣлъ въ лодку, посреди озеро молился, шепталъ надъ яйцами и возвратившись домой, объявилъ, что выздоровѣлъ.

Они сильно вѣрятъ въ колдуновъ, локтыза, которые могутъ пустить порчу по вѣтру; попадетъ она въ человѣка, онъ заболѣетъ; въ скотину — падетъ; въ дугу — она сломается. Карты ихъ священнодѣйствователи и мужаны—знахари, поддерживаютъ эти суевѣрія еще больше и если ничего не помогаетъ, то совѣтуютъ имъ поставить, особо приготовляемыя черемисами защипанныя свѣчи, къ иконамъ въ церквахъ. Эти свѣчи изъ желтаго воску, съ конопляною ниткою, иногда очень длинныя, свернутыя въ видѣ спирали.

Языкъ черемисскій, до нынѣ составляетъ важное препятствіе, къ изученію этого народа, на болѣе основательныхъ началахъ. Имъ весьма мало занимались, либо дѣлали это чрезъ посредствующихъ лицъ, которыя сами знали этотъ языкъ весьма плохо. Только въ послѣднее время, новѣйшее, начали обращать на него должное вниманіе и потому нельзя не встрѣтить сочувственно учебникъ И. Кедрова, излагающій упрощенный способъ обученія чтенію черемисскихъ дѣтей горнаго населенія. Такъ какъ черемисы не имѣютъ своей азбуки и письменности, то поэтому принята русская азбука, такъ точно какъ и для чувашъ и всѣхъ инородцевъ восточ-

ной полосы. Этотъ первый опытъ, одобренный братствомъ Святителя Гурія и отпечатанный, разосланъ по горно-черемисскимъ приходамъ козьмодемьянскаго уѣзда, но не коснулся луговыхъ черемисъ, отличающихся своимъ особымъ нарѣчіемъ отъ горно-черемисскаго. Тамъ представится гораздо больше трудностей, подвести подъ какую либо систему обученія луговыхъ черемисъ, имѣющихъ по разнымъ мѣстностямъ, отъ Волги до Вятки, множество мѣстныхъ нарѣчій. Тутъ только тогда составится хорошій учебникъ, на обще-понятномъ народномъ нарѣчіи, когда явится человѣкъ, знающій основательно какое нибудь мѣстное нарѣчіе и рѣшившійся обойти разныя мѣстности черемисской земли, съ цѣлію изученія всѣхъ его особенностей. Самая раздѣльность языка, могла возникнуть исключительно отъ географическаго и климатическаго положенія края, разобщеннаго множествомъ непроходимыхъ болотъ, рѣкъ и лѣсовъ и отъ соприкосновенія той или другой окраины съ тѣмъ или другимъ чужимъ и сосѣдственнымъ племенемъ. Черемисы будучи финскаго происхожденія, подвержены сліянію и потому легко принимали выраженія и слова сосѣдей, вовсе неизвѣстныхъ соплеменникамъ другой окраины, принявшихъ отъ своихъ сосѣдей, также нѣкоторыя выраженія и слова. Такимъ образомъ явился смѣшенный языкъ, къ ряду которыхъ Аделунгъ причисляетъ по справедливости и черемисское нарѣчіе. Одинаково его разсматриваетъ Миллеръ, говоря что оно состоитъ изъ смѣси татарскаго и русскаго. Послѣднюю примѣсь можно встрѣтить только въ горно-черемисскомъ нарѣчіи, но не на луговой сторонѣ или по крайней мѣрѣ, весьма рѣдко. Что же касается до татарскаго языка, то онъ вошелъ туда въ до-историческія времена, когда черемисы жили на Алтаѣ, по границѣ съ тюркскимъ племенемъ отъ сношенія съ которымъ и образовалось южно-финское нарѣчіе, т. е. съ примѣсью тюркскаго, но по преобладанію финскихъ звуковъ, словъ и оборота рѣчи. Сбоевъ говоритъ, что татаринъ никогда не пойметъ черемисина и обратно. Черемисское нарѣчіе очень сходно съ вотяцкимъ, менѣе съ зырянскимъ и мордовскимъ и имѣетъ свои основныя слова, не подходящія ни къ финскому, ни къ татарскому. Можетъ быть они встрѣтятся при изученіи разныхъ финскихъ и тюркскихъ нарѣчій и тогда это объяснится яснѣе. Пока же изъ сравнительнаго словаря обще употребительныхъ словъ, приложеннаго къ настоящему обзору видно, что изъ нихъ не менѣе

34 словъ съ финскимъ корнемъ и не болѣе 14 татарскаго происхожденія. Другія же имѣютъ свой корень, либо близко подходятъ къ вотяцкому, зырянскому и мордовскому. Этотъ фактъ еще болѣе убѣждаетъ, что нѣкогда финны составляли что то общее, одно цѣлое, какъ нынѣ русскій народъ, имѣли свои особенности въ языкѣ сообразно мѣстности и разстоянію, на что вліяли пути сообщенія съ дурной стороны, мѣшая объединенію. Отъ этого самаго могло произойти порабощеніе по частямъ финскаго народа; надавливаніе ихъ другъ на друга, пока наконецъ передовые не очутились въ видѣ ливовъ у Домеснеса и у устья З. Двины, тогдакакъ другіе зашли въ Финляндію. Отъ родства же языковъ зырянскаго и вотяцкаго съ черемисскимъ и расположенія каждаго изъ нихъ первоначально по группамъ, какъ было объяснено, но не въ перемѣшку, какъ это и нынѣ мы видимъ тамъ, гдѣ не было искуственнаго переселенія, становится понятнымъ и прежнее ихъ мѣсто жительство на Алтаѣ, въ сосѣдствѣ другъ друга. Общая религія объясняетъ также общность жизни. Различіе наклонностей, къ тому или другому занятію объясняетъ, сообразно нынѣшнему состоянію почвы средней и сѣверной Азіи, возможность такихъ или другихъ занятій; а это опять указываетъ, что черемисы вѣроятно и въ прежнее время жили среди лѣсовъ, какъ и нынѣ живутъ отъ пермской до костромской губерній. Это же сосѣдство и сродство финскихъ нарѣчій съ черемисскимъ недопускаетъ исключенія и особенностей въ вымершихъ финнахъ, въ мэри; а сожительство съ нею въ однихъ мѣстахъ и по одному направленію, приводитъ къ тому выводу, что мэрь, и марь одинъ и тотъ-же народъ, что мэрь не умерла, но продолжаетъ жить въ нѣсколько измѣненныхъ формахъ. Что касается до слова черемисъ, то по тщательному изслѣдованію его и разложенію, Н. И. Золотницкій мнѣ сообщилъ такое заключеніе, съ которымъ исторически я вполнѣ согласенъ: по чувашски—чар, чер, чарэм, царэм значитъ недопускать, изъ чего выходитъ производное и совершенно правильное слово чарэмышъ—недопускающій. Чуваши, какъ прежде уже было говорено, были сосѣдями съ черемисами, когда первыхъ называли еще буртасами; тоже самое было и въ средней Азіи и около границъ Китая. Черемисы, какъ южно-финское племя, сосѣдственное съ чувашами, могли получить отъ нихъ такое названіе, какъ народъ недопускающій дальнѣйшаго переселенія. Хозары вмѣстѣ съ бур-

тасами остановились на границѣ черемисской земли. Тоже сдѣлали и монголо-татары. Лѣса ли тому причиною или что либо другое, во всякомъ случаѣ нельзя не принять во вниманіе противудѣйствіе черемисъ русскимъ въ XVI ст., слѣдовательно нѣкоторую воинственность; наклонность эта по нынѣ проявляется въ любви къ охотѣ. Слово чарэмышъ подтверждаетъ мысль, что они были южно-финскимъ племенемъ, на Алтаѣ и въ Россіи, племенемъ ограждающимъ прочихъ финнъ отъ натиска сосѣдей, ограждавшихъ мирную рудокопную чудь, снабжавшую всѣхъ золотомъ и серебромъ, работавшую позади черемисъ, пограничныхъ жителей, стражи, можетъ быть войновъ въ родѣ нашихъ кордонныхъ казаковъ (вольныхъ). Въ доказательство же того, что у финскихъ и тюркскихъ народовъ были передовыя войска, служитъ намъ показаніе Митридата Аделунга, въ которомъ сказано, что яцыги были ничто иное, какъ настоящіе команы, половцы, которые слѣдовали впереди, какъ легкія войска и потому были названы, по венгерски, яцыгами т. е. стрѣляющіе лукомъ. (Bogenschützen) (¹). На какомъ основаніи г. Кеппенъ, назвалъ черемисъ волжскими народами, намъ неизвѣстно, но не сомнѣнно то, что какъ они, такъ и всѣ остальные живущіе на Волгѣ, одинаково могутъ быть названы волжскими народами, а по преимуществу русскіе, коихъ историческая жизнь разлилась по Волгѣ.

Предварительно приступа къ описанію религіи и ея обрядовъ, считаемъ нужнымъ пояснить болѣе подробно о значеніи нѣкоторыхъ общественныхъ названій и должностей, играющихъ наиболѣе важную роль въ народѣ и во многомъ препятствующихъ черемисамъ двинуться впередъ. Каштанами между ними зовутъ самыхъ бойкихъ, ловкихъ, умѣющихъ говорить, отстаивать себя и общество. Они торгуютъ лошадьми, но конокрадствомъ не занимаются, такъ что по выраженію г. Износкова, каштанъ не есть конокрадъ, тогда какъ конокрадъ непремѣнно каштанъ. Подводя эту особенность занятій и способностей каштановъ, подъ наружность тѣхъ горныхъ-черемисъ, которые похожи на цыганъ, можно было бы придти къ заключенію, что это потомки цыганъ, пришедшихъ сюда отъ хозаръ и близко подходящихъ по своей кочевой жизни, къ неустанному странствованію черемисъ по лѣсамъ. Что это отчасти

(¹) Mitridates, Adelung, Seite 479.

такъ, доказываетъ деревня Цыганова, 409 д. об. п. козьмодемьянскаго уѣзда, происхожденіемъ ея по преданію именно отъ цыгана, который тутъ поселился и основалъ это селеніе. Цыганскій типъ, рисунокъ № 6, одинаково поясняетъ примѣсь этой крови къ черемисской.

Ворожеи изъ женщинъ также имѣютъ большое вліяніе на народъ, употребляя на это всякія средства. Ихъ можно встрѣтить по обѣимъ сторонамъ Волги. Нѣкоторыя изъ нихъ щупаютъ пульсъ, другія смотрятъ въ глаза, третьи смотрятъ въ воду, болтая при этомъ разный вздоръ. Есть наконецъ еще способъ гадать на иглахъ, состоящій въ томъ, что берутъ дощечку и положивъ по концамъ ея: кусокъ хлѣба съ одной стороны, а съ другой уголь, привѣшиваютъ иглу къ ниткѣ, и опускаютъ ее на средину дощечки, качая вправо и влѣво, пока игла не ударится въ одинъ изъ кусковъ, причемъ истолковывается удача или неудача. Такія игольныя и подобныя имъ ворожеи, почитаются меньше, чѣмъ денежные ворожники исключительно изъ мущинъ. Эти гадаютъ на полушкѣ, стертой съ обѣихъ сторонъ и ниспосланной съ неба, по ихъ увѣренію. Полушку эту кладутъ на столъ и начинается читанье, какъ по писанному. Въ новолуніе эти ворожники бѣснуются. По заявленію г. Знаменскаго, они пользуются большимъ уваженіемъ.

При совершеніи всѣхъ возможныхъ обрядовъ, непремѣнное участіе принимаютъ карты, которыхъ на нагорной сторонѣ зовутъ мужанами. Карты, это настоящіе жрецы, бесѣдующіе съ богами, среди лѣсовъ, взывающіе къ народу, сообщающіе гнѣвъ и милость боговъ, опредѣляющіе качество и количество жертвоприношенія. Такое положеніе картъ сильно напоминаетъ обязанность друидовъ, что возможно было бы уподобить истинѣ, еслибъ нашлись люди, описать подробно каменные памятники, здѣшней мнимо-друидской архитектуры, которые составляютъ на столько же собственность извѣстной эпохи, какъ орудія до-историческихъ временъ, составляютъ единственную собственность каменнаго и бронзоваго вѣковъ. Архитектура друидовъ очень проста и требуетъ только нѣкоторой наблюдательности въ расположеніи камней и навыкъ отличать естественное и природное, отъ дѣяній руки человѣка. При этомъ открытіи оказалось бы можетъ быть, что все недошедшее до насъ о жизни человѣка на островѣ Рюгенѣ и въ другихъ мѣстахъ, получило бы возможное разъясненіе въ

черемисскихъ дебряхъ казанской, вятской и другихъ губерній. Мнѣ кажется что между этими чортовыми городищами, между этими глыбами камней, которыхъ встрѣтить тутъ не рѣдкость, непремѣнно найдутся и друидскіе остатки. Для примѣра обслѣдованія, я привожу описаніе камня и каменныхъ глыбъ около Зміева — городища, близь рѣчьки Прости, на нижней луговой дорогѣ изъ Чистополя, переѣхавъ рѣчку Ерыклу, у самой возвышенной скалы, съ лѣвой стороны дороги, лежатъ нѣсколько огромныхъ камней. Самый большой изъ нихъ лежитъ на другомъ камнѣ, меньшей величины. Онъ покрытъ вѣковымъ мхомъ, и имѣетъ наклонъ съ юга на востокъ. Верхнее широкое ребро этого наклонно лежащаго камня имѣетъ видъ полукруга; нижняя сторона, упирающаяся въ землю, похожа на усѣченный конусъ, такъ что вся площадь представляетъ видъ неправильнаго воздушнаго шара, котораго кривые, замѣнены прямыми линіями. Длина камня включая конусъ и полукругъ 9 аршинъ, 10 вершковъ; ширина 9 аршинъ, толщина 2 ар. 13 вершковъ. Такая величина и его наклонное положеніе очень сходствуетъ съ друидскими камнями. На этомъ камнѣ на наружной площади высѣчены довольно правильно два полукруга съ каждой стороны, которые какъ бы покрыты третьимъ сверху. Такіе же знаки проведены съ боковъ. Камень этотъ изъ породы песчанниковъ, сѣроватаго цвѣта (¹). Михайловъ полагаетъ, что знаки эти не относятся къ межеванію временъ царей Михаила и Алексѣя Михайловичей, но что это относится еще до временъ болгарскихъ, до похода В. К. Владиміра, который и обозначилъ на этихъ камняхъ конечный пунктъ своего завоевательнаго шествія. Не знаемъ, на чемъ основано такое предположеніе, но вѣрно то, что камень этотъ былъ извѣстенъ нашимъ лѣтописцамъ XVI вѣка, когда говорится о ловлѣ рыбъ новгородцами по Волгѣ до Зміева камени. Съ другой стороны нигдѣ нельзя найти употребленіе такихъ громадныхъ камней, въ которыхъ болгары и не нуждались, выдѣлывая все точно также прочно, хорошо, красиво и безъ особыхъ усилій, изъ мелкихъ камней. Что выше говорено о друидахъ, г. Знаменскій выражаетъ слѣдующимъ образомъ: въ настоящее время эти „карты мужаны горнаго края,

(¹) Михайловъ говоритъ: сѣропесчанникъ, мелкой дресвы.

представляютъ собою живой комментарій на наши лѣтописныя извѣстія о волхвахъ, являвшихся на нашемъ сѣверѣ, въ началѣ христіанства и имѣвшихъ, можетъ быть прямо финское происхожденіе„. Вѣкъ, о которомъ тутъ упоминается засталъ все восточное прибрежье балтійскаго моря съ его островами въ дремучихъ лѣсахъ, когда друиды еще имѣли полный просторъ дѣйствія, когда о крестовыхъ походахъ и тевтонскихъ рыцаряхъ не было помину. Наконецъ не могу не замѣтить, что эти предположенія подтверждаются изустными разсказами, о нѣкоторыхъ черемисахъ, поклоняющихся особымъ камнямъ, которыхъ они считаютъ за святыню, по толкованію картовъ.

Карты выбираются обществами изъ стариковъ самыхъ умныхъ, опытныхъ и изворотливыхъ черемисъ, знающихъ всѣ молитвы и обряды религіознаго служенія. Ихъ дѣло не только служить при всѣхъ религіозныхъ обрядахъ, но и толковать, гадать, предсказывать и сноситься съ богами.

Мужаны горнаго края имѣютъ такое же назначеніе, но такъ какъ ихъ священныя рощи всѣ порублены, язычество преслѣдуется администраціею, духовенствомъ и въ послѣднее время ревнителями изъ народа, то мужаны и утратили прямое свое назначеніе священнодѣйствовать въ лѣсахъ, совершая это дома, въ тихомолку и забывая мало по малу свои обряды. Теперь мужаны занимаются болѣе истолкованіемъ сновъ, предсказываніемъ, заправляютъ народомъ въ нравственномъ смыслѣ, удерживая его отъ принятія христіанства, укрываясь и скрываясь подъ личиною глупости, невѣдѣнія и обыкновенной одежды горныхъ черемисъ. Настоящая же одежда карта и мужана, состоитъ изъ бѣлаго и длиннаго балахона, безъ сборовъ, съ красною нашивкою на груди изъ кумача, а назади съ черною изъ сукна, вершка въ 3 ширины и четверти полторы длины; на головѣ высокая молитвенная, изъ березовой коры, шапка. Мужаны кромѣ того имѣютъ огромное вліяніе на здоровье людей, которыхъ лечатъ разными травами и другими вредными средствами. Но иногда они просто назначаютъ жертвоприношеніе, а если это не помогаетъ, то приказываютъ ставить свѣчи Св. Николаю чудотворцу. Такое употребленіе мужанами христіанскихъ святынь, унижаетъ самую святыню; въ глазахъ же черемисъ, она не только является святынею, но какимъ то злымъ духомъ, требующимъ жертвы, свѣчи, для своего умилостивленія. Многіе изъ сель-

11*

скаго духовенства это понимаютъ и знаютъ, убѣждаясь въ этомъ по праздникамъ, когда церковь во время службы, въ особенности въ большіе праздники, пуста; убѣждаясь въ лѣсахъ, при открытіи только что оставленныхъ жертвоприношеній, убѣждаясь наконецъ въ томъ у самой иконы, когда толпы черемисъ требуютъ молебна, достаточно щедро ими вознаграждаемаго посильнымъ приношеніемъ, лишь бы избавиться отъ бѣды, болѣзни, ниспосланной какъ будто Св. Николаемъ чудотворцемъ.

Себялюбіе и равнодушіе къ исполненію своихъ обязанностей, всегда ведетъ къ такимъ уродствамъ, увлекая толпу въ пропасть невѣжества и поруганія.

Черемисы, придавая большую вѣру порчѣ человѣка, убѣждены, что мужаны обладаютъ этою силою, что и поддерживается послѣдними всѣми мѣрами. Такъ если мужанъ сердитъ на кого либо, то стоитъ ему взять какую нибудь вещь того человѣка и положить ее въ дупло дуба Кереметн, послѣ чего этотъ человѣкъ или его скотина начинаетъ хворать, чахнуть и умираетъ, если не успѣетъ умолить мужана, въ снятіи съ него порчи. Нынѣ впрочемъ при постепенномъ водвореніи христіанства между горными черемисами, вслѣдъ за исчезновеніемъ картъ, мужаны также начинаютъ переселятся на луговую сторону, гдѣ за то число ихъ увеличивается значительно.

Миѳологія и религія черемисъ, основана на тѣхъ же началахъ, какъ это изложено было при разборѣ чувашъ. Ученіе Зороастра, замѣнивъ идолопоклонство и фетишизмъ, укоренилось крѣпко въ черемисахъ, представляя неодолимыя трудности ко введенію христіанства. Г. Знаменскій говоритъ по этому поводу слѣдующее: въ одной изъ нашихъ восточныхъ семинарій, не очень давно учился одинъ черемисинъ съ миссіонерскою цѣлью; начальство нѣсколько разъ замѣчало его въ жертвоприношеніяхъ Кереметн, когда онъ былъ уже въ высшемъ отдѣленіи семинаріи и изучалъ богословіе. Потомъ онъ былъ гдѣ то священникомъ въ черемисскомъ приходѣ и не отсталъ отъ своихъ суевѣрій. Другой семинаристъ, нашелъ самымъ удобнымъ мѣстомъ для жертвоприношенія, вмѣстѣ со сторожемъ черемисиномъ, на чердакѣ, въ трубѣ, гдѣ его и настигли. Впослѣдствіи за дурные успѣхи, его выпустили въ причетники, откуда онъ былъ исключенъ по неблагонадежности. Тогда возвратившись къ своимъ, этотъ

бывшій семинаристъ, сдѣлался картомъ и ревностнымъ защитникомъ черемисской религіи. Въ ней все основано на тѣхъ же двухъ началахъ: добра—Юма и зла—Шайтанъ. У этихъ началъ есть свои подчиненные уже прямо дѣйствующіе на человѣка, смотря потому что ему нужно и чего онъ домогается. Это домогательство выражается качествомъ, которое и придается тому или другому богу. Однимъ словомъ, это вполнѣ противное явленіе христіанскимъ понятіямъ. Мы, всю силу и всѣ прекрасныя качества соединяемъ во едино, а у черемисъ все это раздробляется по безчисленнымъ множествамъ побочныхъ боговъ, въ зависимости отъ просящаго человѣка, мѣстности, дѣйствующей на воображеніе черемисина и священнослужителей, нуждающихся въ приношеніяхъ и во вліяніи и потому выдумывающихъ все что можетъ принести имъ личную пользу. Такъ какъ все то, что имѣетъ прямое вліяніе на жизнь, здоровье и занятіе черемисина, болѣе всего его обезпокоиваетъ, то и боги покровительствующіе этимъ нуждамъ, почитаются наиболѣе и потому имѣютъ весьма опредѣленныя качественныя названія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ же черемисинъ, на столько же благочестивъ, какъ и боязливъ предъ своими богами. А такъ какъ добрые боги, только надѣляютъ добромъ, гдѣ больше, гдѣ меньше, то и молитва къ нимъ относится только въ томъ смыслѣ, чтобъ они не обдѣлили; злой же духъ по ихъ понятіямъ, не только не надѣляетъ, но и мѣшаетъ, препятствуетъ не столько надѣленію, сколько пользованію добромъ и это безпрестанно, по этому необходимо его умилостивить, принести жертву, что и исполняется безприкословно изъ одной боязни. Это постоянное воображеніе и страхъ къ злому духу такъ велики, что черемисинъ старается не только не говорить, но даже не думать, не смотрѣть на воображаемое мѣсто пребыванія Кереметн. Трусость эта до того вкоренилась въ нѣкоторыхъ, что съ ними дѣлаются совершенно естественныя, но не напускные припадки, подергиванье лица и проч. При странно и смѣшно видѣть черемисина, прибавляющаго шагъ и потупившаго глаза въ землю, проходя мимо какого нибудь священнаго дуба, либо другаго подобнаго мѣста.

Это извращеніе первоначальнаго ученія Зороастра, называется шаманствомъ; какъ оно сложилось и на какихъ основаніяхъ, лучше всего видно изъ разныхъ легендъ и понятій о богахъ. Черемисы говорятъ, что Юма т. е. доброе на-

чало, властвуетъ надъ всѣми народами. Но при этомъ каждый народъ имѣетъ своего особагобога, подчиненнаго Юмѣ и свою вѣру, какъ и у всякаго дерева свои листья, говорятъ они. Всѣхъ народовъ считаютъ они, одинаково, какъ и чуваши 77; столько же языковъ и вѣръ. Затѣмъ людская вражда перенесена на народныхъ боговъ, которые между собою постоянно дѣлаютъ тоже самое. Далѣе они говорятъ, что Юма разсердившись на боговъ, потребовалъ ихъ къ себѣ на судъ. Русскій богъ явился первымъ и оправдался. За нимъ пришелъ татарскій богъ и оправдавшись также сложилъ съ себя вину на другихъ. Черемисскій богъ, какъ послѣдній не хотѣлъ идти къ Юмѣ оправдываться, за что тотъ на него разсердился, прогналъ съ неба и вѣлѣлъ жить въ лѣсахъ. Этой легендѣ служитъ продолженіемъ другая, покрайней мѣрѣ по смыслу: когда люди размножились, то Юма сталъ имъ раздавать вѣру, для чего созвалъ къ себѣ всѣхъ родоначальниковъ. На дорогѣ попался на встрѣчу черемисскому родоначальнику Кереметь, который вступилъ съ нимъ въ разговоръ и до того оба заболтались, что черемисинъ пришелъ къ Юмѣ къ шапошному разбору. Озадаченный и испуганный этимъ, онъ спросилъ Юму, кому же ему кланяться и получилъ въ отвѣтъ: за то что забылъ мое приказаніе и болталъ въ это время о пустякахъ, кланяйся Кереметь, который слѣтевъ съ березы предложилъ тотчасъ свои услуги. Судя по тому страху, который черемисы питаютъ къ Кереметь и къ его вліянію на ихъ воображеніе, слѣдуетъ признать Кереметь, черемисскимъ народнымъ богомъ, лукавымъ, злымъ и страшнымъ.

Происхожденіе Кереметь, толкуютъ у черемисъ иначе, чѣмъ у чувашъ. По понятіямъ первыхъ, Кереметь прежде былъ добрымъ началомъ и младшій братъ Юмы, которому онъ долженъ былъ повиноваться. Его гордость не могла превозмочь себя, за что его Юма свергнулъ съ небесъ. Далѣе говорится въ легендѣ, что Кереметь, при сотвореніи міра Юмою, плавалъ по водѣ въ видѣ селезня. Юма желая сотворить землю, приказалъ Кереметь достать со дна воды — земли, что и было исполнено, но частица этой земли утаена Кереметью во рту. Когда же Юма дунулъ по водѣ и распростеръ гладь и сушь, то Кереметь началъ плевать, а это нанесло горы. Послѣ того Юма началъ дѣлать человѣка и когда онъ былъ готовъ, то оставилъ его тѣло подъ карауломъ голой собаки американской породы), а самъ отправился на небо за душею.

Въ это время Кереметь дунулъ холоднымъ вѣтромъ, отъ котораго озябла собака. Ей дана была шуба (шерсть), а Кереметь между тѣмъ оплевалъ человѣка. Тогда Юма вернувшись назадъ и увидѣвъ свое дѣло попорченнымъ, выворотилъ человѣка на изнанку, отчего и внутренность его по нынѣ остается поганою.

Понятіе черемисъ о свойствахъ и качествахъ Юмы, одинаково близко подходятъ къ ихъ матеріальнымъ потребностямъ и занятіямъ. Такъ они себѣ воображаютъ, что ихъ Юма живетъ въ прекрасной избѣ и такой же работникъ, какъ они сами; имѣетъ необозримое количество головъ разнообразнѣйшей скотины, птицы и рыбы. Хозяйство Юмы, по величинѣ своей, требуя надзора, заботъ и постояннаго ухода, такъ отвлекло его отъ земныхъ попеченій, что онъ вовсе забылъ о существованіи человѣчества. Между тѣмъ у него была дочь, которую Юма посылалъ пасти скотъ, такъ какъ на небѣ неоказалось травы. Для этого Юма, ежедневно растворялъ небо и раскидывалъ войлокъ отъ небесъ до земли, по которому сходила дочь и ее стадо. Вечеромъ она поднималась на небеса, одинаковымъ образомъ. Однажды дѣва влюбилась въ молодаго человѣка, котораго замѣтила во время пасенія и давъ ему платокъ сказала, чтобы онъ ее увезъ, такъ какъ иначе отецъ ее не согласится выдать ее за мужъ. Платокъ же по ея наущенію, слѣдовало повѣсить на колъ, какъ признакъ ея смерти. Дѣвушку увезли, отецъ ее искалъ и увидавъ платокъ убѣдился въ ея смерти. По прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, дѣти открылись Юмѣ въ своемъ преступленіи, который простивъ ихъ и задавъ большой пиръ, съ этихъ только поръ завязалъ свои сношенія съ человѣкомъ.

Эта легенда вполнѣ обрисовываетъ понятіе черемисъ о Богѣ, представляя вмѣстѣ съ тѣмъ краткій очеркъ ихъ собственнаго быта.

Одинаково какъ у Зороастра, злой духъ Шайтанъ явился позже Юмы и былъ по понятіямъ черемисъ небеснымъ существомъ, какъ Кереметь, младшій братъ Юмы былъ также, до паденія, добрымъ существомъ; но за какое-то преступленіе выгнали Шайтана со всею семьею и службою съ небесъ. При этомъ сверженіи нѣкоторые изъ его семьи упали на гору, другіе въ лѣса, болото, оврагъ, рѣку и въ разныя урочища и за тѣмъ явились второстепенные Шайтаны, подъ названіемъ Вадышей, въ которыхъ даже могутъ обратиться и люди, покидавшіе этотъ свѣтъ. Но всѣ эти второстепен-

ные Шайтаны и Вадыши, происходя хотя бы и не отъ Кереметн, поставлены однако ему въ подчиненіе. Какимъ образомъ люди могутъ сдѣлаться Вадышами, можно видѣть изъ слѣдующихъ 2-хъ легендъ. Двухъ братьевъ черемисъ взяли въ солдаты, откуда они бѣжали. Придя на родину, одинъ изъ нихъ поселился на Юнгѣ въ глубокомъ оврагѣ, а другой не далеко отъ него, на пустынномъ берегу. Для своего пропитанія оба брата начали разбойничать всякимъ способомъ, что продолжалось пока толпа народа не схватила ихъ и не приговорила къ смерти. Но прежде исполненія приговора они просили дозволенія сказать послѣднее слово, что и было допущено; тогда обратясь къ толпѣ они сказали, мы жили, ѣли и пили между вами и послѣ смерти останемся здѣсь же и вы намъ будете приносить жертвы и звать насъ Кирдны—Вадышъ и Хиръ—Сыръ—Вадышъ, т. е. сильный Вадышъ и степной—пустынный Вадышъ, по мѣсту жительства этихъ разбойниковъ. Послѣ чего они бросились въ оврагъ Юнгу. Спустя нѣсколько лѣтъ въ черемисской землѣ показался страшный моръ, который приписали мщенію этихъ 2-хъ братьевъ, почему и начали приносить имъ жертвы на той горѣ оврага Юнги, которая образовалась изъ костей этихъ 2-хъ разбойниковъ. У луговыхъ черемисъ существуютъ подобныя же легенды, такъ напримѣръ о Яушѣ (Яковѣ). Онъ былъ также бѣглый солдатъ и разбойничалъ. Когда толпа черемисъ его обступила, то онъ влѣзъ на дерево и распѣвалъ пѣсни. Тогда его подстрѣлили. Умирая онъ сказалъ, что будутъ ему приносить жертвы, что и исполнилось послѣ того, какъ многіе изъ черемисъ, участвовавшихъ въ убіеніи его, захворали. Дерево на которомъ онъ сидѣлъ было также олицетворено силою порчи, а когда его срубили горные черемисы, переѣхавшіе чрезъ Волгу къ луговымъ, то вскорѣ всѣ заболѣли. Розыскивая причину этого, они пришли къ заключенію, что болѣзнь ихъ произошла отъ срубленія того дерева, на которомъ сидѣлъ Яушъ и съ тѣхъ поръ этому Вадышу приносятъ въ жертву 4 быка, 2 барана, 4 зайца, 2 бѣлки, 2 утки и 6 щукъ, весьма значительное жертвоприношеніе. Вообще же черемисы полагаютъ, что только злые люди могутъ обращаться въ Вадышей, что и разумѣется соотвѣтствуетъ самому качеству Вадышей.

Весь этотъ очеркъ черемисскаго вѣрованія и миѳологіи, ясно доказываетъ, какъ его происхожденіе, такъ и послѣду-

ющія шаманскія прибавленія. Прибавленія эти безконечны, забываются и снова выдумываются, находясь въ прямой зависимости отъ случайности жизни черемисина и отъ его вліянія на околодокъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ нѣтъ у нихъ правильнаго ученія, да и быть не можетъ, такъ какъ вся религія принаровлена къ жизни человѣка, а послѣдняя столь разнообразна. Карты и мужаны не находятъ нужнымъ поддерживать систематическаго ученія, а идутъ по той же дорогѣ и сбиваютъ народъ еще больше съ толку. Ихъ дѣло не учить, а только молиться и исполнять обряды, оставляя вѣрованіе въ сторонѣ. По этому то если принять только разумныя мѣры, то весьма легко ввести христіанство, которое, какъ увидимъ ниже, сдѣлало уже большіе успѣхи въ нагорной сторонѣ.

Обращаемся за тѣмъ къ перечисленію черемисскихъ боговъ, подчиненныхъ Юмѣ и исходящихъ отъ него въ разныхъ присвоенныхъ каждому богу качествахъ ([1]).

Юма доброе начало, какъ богъ въ отношеніи всѣхъ другихъ боговъ называется кого-Юма, большой богъ;—его же называютъ: кугужа-вседержитель, тэмемъ-старый, ханъ-владыка, пудерша-творецъ, ошъ-сѣдой, сотня-свѣтъ. Прибавляя каждое такое качество къ кого-Юма, получаемъ цѣлый рядъ Юмъ, которые хотя и относятся къ одному лицу, но никогда не соединяются всѣ вмѣстѣ, но раздаются при моленіи каждому черемисину отдѣльно, которому за тѣмъ приходится и молиться какъ качественному Юмѣ. Наиболѣе употребительная жертва помянутымъ качествамъ Юмы—одношерстный, бѣлый, неѣзжанный жеребенокъ; но большому богу свѣта, сотня, кого-Юма, очень уважаемаго, приносятъ въ жертву лошадь бѣлой шерсти.

Послѣ того слѣдуютъ помощники. Сандалыкамъ-кучёнъ-урдаша смотритель вселенной съ двумя помощниками. Ему самому жертвуютъ жеребца, первому помощнику быка, а второму ягненка.

Пильвилвялъ Юма,-богъ неба, управляетъ имъ и облаками. Жертвоприношеніе—корова.

Шидыръ-ханъ—князь звѣздъ, управляетъ ими, наблюдаетъ за ихъ теченіемъ и перестанавливаетъ ихъ.

([1]) Знаменскій.

Кидырцы-кого̀-Юма—большой богъ грома. Онъ разъѣзжаетъ на колесницѣ, прогоняетъ Шайтана, виновникъ дождя и плодородія, охраняя вмѣстѣ съ тѣмъ и скотину. Ему приносятъ въ жертву лошадь или корову, если долго нѣтъ дождя, которая потомъ впрягается въ его колесницу. Онъ убиваетъ и истребляетъ все, если его забываютъ.

Валганза-Юма—богъ молній, охранитель земныхъ плодовъ и рыбы. Жертвоприношеніе плоды.

Ижеря-кого̀-Юма—большой богъ зари.

Ошъ-кеча-кого̀-Юма—дневной богъ, правитель дня. У него два помощника съ золотыми крыльями, для мгновеннаго перелета и исполненія повелѣнія. Этотъ богъ грѣетъ землю, раститъ и предохраняетъ растенія отъ вреда. Жертвоприношеніе—бѣлый ягненокъ, а помощникамъ по парѣ бѣлыхъ гусей.

Толя-кого̀-Юма—богъ огня. Охраняетъ отъ пожаровъ и нагоняетъ ихъ въ наказаніе.

Туля-кого̀-Юма—богъ вѣтровъ. Онъ держитъ ихъ на цѣпи и пускаетъ въ наказанье, производя опустошенія. Жертвоприношеніе плоды. Въ новолуніе въ пятницу ему пекутъ ватрушки, варятъ медовый квасъ и хмѣльное пиво, до чего онъ охотникъ.

Покшимъ-овошка, богъ вдовецъ, жары и мороза.

Клемъ-хань-кого̀-Юма—богъ земли, которую онъ приклеилъ; клемъ-клей; она носилась по пространству послѣ хаоса.

Тангышъ ханъ-ког -Юма, владыка моря.

Пу-ханъ-Юма, Ширга-перкеханъ—богъ лѣсной.

Хирхъ-кого̀-Юма, богъ цвѣтовъ; хирхъ-рожа.

Кинда-шачахтша-Юма или Кинда-перкеханъ—богъ хлѣба. Жертвоприношеніе—новый хлѣбъ въ октябрѣ мѣсяцѣ.

Вопманъ—обжора, пожиратель хлѣба, если на кого сердится. Во время жатвы онъ ходитъ по межамъ и чрезъ кого перешагнетъ, того минуетъ смерть.

Писмяновошка—богъ межей, вдовецъ. Онъ разъѣзжаетъ по межамъ въ лодкѣ, которую везутъ лошади.

Суртъ-кого̀-Юма, хранитель поземельной собственности.

Воликъ-шачахтша, богъ коровъ и скотоводства. Жертвоприношеніе—каша съ коровьимъ масломъ.

Шишеръ-яръ-кого̀-Юма, богъ молока.

Мюгшъ-ханъ-когò Юма, Шинзаша-когò-Юма—богъ пчелъ, смотрящій за ихъ работою. Жертвоприношеніе—рогатый баранъ и медовый квасъ.

Ялякъ-Юма, спасающій отъ доносовъ, навѣтовъ, суда.

Вуй-Юма—богъ судьбы.

Этотъ фатализмъ, опредѣляющій напередъ судьбу человѣка, при рожденіи, породилъ страсть къ предугадыванію будущности, чѣмъ и пользуются ворожнини и ворожеи.

Замѣчательно также, что большая часть всѣхъ помянутыхъ боговъ имѣютъ по два помощника: пурюкша, добрый духъ, разнощикъ всякой помощи и сакчи—докладчикъ черемисскихъ молитвъ.

Въ отличіе чувашской миѳологіи, у черемисъ богини играютъ болѣе важную роль, дѣйствуя самостоятельно. Эти богини суть слѣдующія:

Юманъ-авя, мать Юмы. Отъ нее зависитъ продолженіе человѣческой жизни; она даетъ дыханіе.

Піюль-авя—мать облаковъ и неба.

Кеча-авя—мать солнца; она охраняетъ отъ заразы и мора; въ жертву ей приносятъ старую бѣлую корову.

Тылзи-авя—мать луны; жертвоприношеніе—старая корова или овца.

Шыдыръ-авя—мать звѣздъ.

Шокша-авя—мать теплоты.

Перке-авя, Шогенъ-авя, мать теплоты, обилія, рожденія. По послѣднему свойству, отъ нее зависитъ оплодотвореніе супруговъ и скота.

Толь-авя—мать огня, перекатываясь изъ деревни въ деревню, предохраняетъ отъ пожара и разжигаетъ страсти.

Видъ-авя—мать воды, почитаемая рыбаками; жертвоприношеніе—вино и ячневая каша.

Мюланда-авя—мать земли.

Ташкемъ-мюлянда-авя—дворовая земляная мать. Всѣмъ этимъ матерямъ приносятъ въ жертву корову. Весь этотъ перечень горно-черемисскихъ боговъ признается сообразно мѣстностей, особенности нарѣчія и воображенія также на луговой сторонѣ и потому считаемъ излишнимъ повторять одно и тоже для другихъ мѣстностей черемисской земли, прибавивъ лишь, что и тутъ какъ у чувашъ, Государь, Государыня и его пророкъ, включены въ число боговъ подъ названіемъ Кугужанъ-Юма, Кугужанъ-юманъ-авожа и Кугужанъ-юманъ піямъ-баръ.

Раздѣльность управленія между Юмами и авя, вовсе неизвѣстно у черемисъ, по отсутствію вѣроученія, а зависитъ отъ прихоти, потребности при которой просятъ бога или богиню и отъ мѣстности, гдѣ то или другое божество болѣе почитается, болѣе повторяется картами. На сколько съ одной стороны вся эта вереница боговъ и богинь, пригодна черемисину во всѣхъ явленіяхъ его матеріальной жизни, на столько съ другой стороны, эти же боги, довольствуютъ священнодѣйствователей. Одинаково неопредѣлены у черемисъ отношенія добрыхъ боговъ къ злымъ, при чемъ вовсе незамѣтна борьба между тѣмъ и другимъ, какъ будто Юма и Шайтанъ, дѣйствуютъ каждый отдѣльно, какъ будто каждое ихъ дѣйствіе составляетъ отдѣльный эпизодъ, не имѣющій ничего общаго съ другимъ. Какъ послѣ дождя бываетъ солнце, такъ за хорошими днями и удачами, слѣдуютъ невзгоды, которые перестаютъ не потому, что Юма ихъ прекращаетъ, а потому что съ удаленіемъ Шайтана ослабляется его вліяніе, доходя до нуля, между тѣмъ какъ въ это же время настаетъ дѣйствіе добраго божества. Такъ не мѣшая другъ другу, они дѣйствуютъ попеременно.

Самый страшный изъ всѣхъ злыхъ духовъ—Кереметь, къ которому и прибѣгаютъ чаще всего, такъ какъ онъ соединяетъ въ себѣ всѣ злыя качества и наводитъ на человѣка всякую невзгоду. Вотъ поэтому то русскіе живущіе около черемисъ, зовутъ послѣднихъ кереметниками.

Какъ около Юмы есть множество прислужниковъ, по качествамъ, такъ и около Кереметн ихъ столько же, но съ тою лишь разницею, что всѣ они пріурочены къ какой нибудь мѣстности. Одинъ живетъ у источника и портитъ воду, другой въ березовой рощѣ, третій на горахъ, между камнями, на проселочной дорогѣ и вездѣ, гдѣ черемисину кажется страшно. Далѣе слѣдуютъ Вадыши, помощники Кереметей, о которыхъ уже было говорено выше и также живущіе по разнымъ урочищамъ, по оврагамъ, по полямъ и т. д.

Обряды моленія совершаются въ лѣсахъ, для чего выбирается какое нибудь мѣсто, по указанію карта. Если лѣсъ довольно великъ, то такихъ молельныхъ мѣстъ бываетъ нѣсколько и каждое носитъ свое названіе: государево, здоровья дѣтей и т. д. Они состоятъ изъ огороженнаго заборомъ пространства съ двумя или тремя воротами, иногда впрочемъ такихъ заборовъ и не бываетъ. Внутри ставятъ столы, при большомъ

моленіи и столько столбовъ съ перекладинами, сколько будетъ котловъ, для принесенія жертвъ, а по бокамъ скамейки. Каждое изъ деревьевъ внутри молельни предназначено одному изъ боговъ: богу грома, богу молніи, богу земли и т. д; почти на каждомъ изъ нихъ виситъ пучекъ вѣтвей Ишта, всякой лѣсной породы, между которыми укрѣпляется кусокъ олова Булна. При отливаніи этой Булны смотрятъ, на что она болѣе похожа, на голову или хвостъ. Если первое, то это значитъ хорошо, при второмъ она переливается. Назначеніе ее состоитъ въ указаніи полудня, лицемъ къ которому поворачиваются молящіеся. Черемисы, проѣзжая мимо подобныхъ священныхъ мѣстъ, останавливаются, слѣзаютъ съ лошади и повозки и низко кланяются.

Жертвоприношенія сопровождающія ихъ обряды и молитвы справляются однимъ лицемъ, семействами, околодкомъ и наконецъ бываютъ общія, гдѣ принимаютъ участіе нѣсколько околодковъ и нѣсколько тысячъ человѣкъ.

Жертвоприношенія эти совершаются слѣдующимъ образомъ: если кто боленъ, то отправляется семья, либо посылаютъ родственниковъ спросить у мужана или карта, что слѣдуетъ сдѣлать; тогда смотря по состоятельности больнаго, приказывается принести въ жертву Кереметі курицу, утку, гуся, овцу или барана. По приводѣ барана въ лѣсъ, ему связываютъ ноги и закалываютъ, но при опасной болѣзни, барана привязываютъ къ веревкѣ и гоняютъ вокругъ, нанося ему одновременно удары ножемъ со всѣхъ сторонъ, пока онъ не свалится. Тогда снимаютъ съ него шкуру, разрѣзаютъ на части, кладутъ въ котелъ и варятъ. Во время варенія, къ ведрамъ съ пивомъ, прилѣпляются восковыя свѣчи; присутствующіе молятся и безпрерывно кланяются въ землю, взывая къ тому Кереметі, котораго избралъ картъ. Голова, ноги, внутренность сжигаются на кострѣ, а шкура отдается мужану. Если несчастіе коснулось всей деревни, то всѣ принимаютъ участіе и жертва предназначенная покупается по складчинѣ, всѣмъ околодкомъ. Съ приводомъ животнаго на мѣсто жертвы его испытуютъ, угодно ли оно богу, поливая его водою, причемъ если оно вздрогнетъ, то приступаютъ къ жертвоприношенію, въ противномъ же случаѣ повторяютъ обливаніе водою или замѣняютъ животное другимъ, богоугоднымъ. При такомъ жертвоприношеніи, врываютъ столбъ, привязываютъ животное и истязая его, убиваютъ. Этому предшествуетъ всегда

особый звукъ, издаваемый жертвователемъ, удареніемъ ножа объ топоръ. За тѣмъ варятъ мясо, а во время этого ставятъ свѣчи на ведра съ пивомъ. По свареніи мяса его ѣдятъ, запивая пивомъ, а все оставшееся выливаютъ и сжигаютъ въ огнѣ. Если это дѣлается по случаю скотскаго падежа, то шкуру сожигаютъ и пепломъ посыпаютъ всю деревню. При конской заразѣ, приносятъ въ жертву жеребенка, который обкладывается со всѣхъ сторонъ сухимъ лѣсомъ и сожигается. Потомъ вынимаютъ изъ животнаго сердце и печень, сожигаютъ на особенномъ кострѣ и мажутъ этимъ пепломъ лошадей.

Истязанія, которыя дѣлаются надъ животными, во время жертвоприношеній, происходятъ изъ самаго понятія черемисъ о Кереметп, который по злости своей, успокоивается только подобными истязаніями. Самыя же жертвы въ какомъ бы видѣ онѣ не были необходимы богамъ какъ злымъ, такъ и добрымъ; первымъ онѣ приносятся для ублаженія, а вторымъ, чтобы не сердились если жертвъ нѣтъ. Раздраженіе же добрыхъ боговъ происходитъ тогда, если они начинаютъ нуждаться въ людскихъ предметахъ, а такъ какъ жизнь и потребности боговъ совершенно людскія по представленіямъ черемисъ, то и становится понятнымъ, что оскудѣніе небеснаго хозяйства можетъ быть, если долго нѣтъ приношеній

Къ обрядамъ жертвоприношенія слѣдуетъ прибавить и то, что они почти безпрерывно совершаются черемисами за всякою ѣдою, при чемъ кусочки мяса и хлѣба откладываются въ особенное ведро, а пиво отливается ковшемъ въ другое и какъ одно, такъ и другое, выбрасывается или выливается внѣ двора или изъ окна, для боговъ. При совершеніи обрядовъ внѣ дома, въ лѣсу, въ особенности если участвуетъ по приглашенію картъ или мужанъ, то жертвующіе надѣваютъ чистое лучшее платье и наряжаются всегда въ свою высокую березовую шляпу.

Женщины могутъ присутствовать какъ зрительницы, также помогать въ приноскѣ дровъ, хворосту, но сами участвовать въ молитвахъ и въ толпѣ молящихся не смѣютъ. Мѣсто жертвъ приношенія въ лѣсахъ почитается черемисами глубоко и всякая нужда можетъ быть исполнена лишь на значительномъ отъ священнаго мѣста разстояніи. Шкуру животныхъ, какъ и у чувашъ вѣшаютъ иногда на деревья, о чемъ также упоминаетъ Миллеръ и за тѣмъ она остается въ такомъ положеніи, пока не сгніетъ или исчезнетъ.

Большое моленіе съ жертвоприношеніемъ совершается особыми обрядами и при торжественной обстановкѣ огромнѣйшаго стеченія народа, къ одному извѣстному и опредѣленному картами мѣсту, при отвращеніи какого либо общаго горя въ видѣ повальныхъ болѣзней, засухи, дождливаго времени и вообще народной бѣды или особой благодати, какъ это себѣ представили черемисы уржумскаго уѣзда въ 1828 году, признавъ вновь появившійся ключъ около деревень Кипріянъ Сальги, Шеркинеръ и Шургіялъ, за особое чудо. Мѣсто избранное очищается отъ сора и всякой нечистоты, было бы оно огорожено или нѣтъ. Карты заранѣе опредѣляютъ по раскладкѣ, сколько нужно взять лепешокъ, хлѣба, сколько приготовить пива, меду, сколько каждому изъ участвующихъ внести денегъ, для покупки скота. При такомъ скопище народа, картовъ бываетъ нѣсколько и при каждомъ столько же помощниковъ. При вышепомянутомъ моленіи въ 1828 году было до 5 т. человѣкъ, при 99 картахъ и помощникахъ и не менѣе 300 головъ, не считая домашней птицы. Каждый изъ черемисъ отправляясь на моленіе и надѣвъ чистое платье, лучшій кафтанъ и лапти, березовую шляпу, беретъ съ собою палку, восковую свѣчу и сумку съ чашкою и ложкою. Дубы посвященные разнымъ божествамъ уже за ранѣе отмѣчены поясомъ изъ лыка, съ зарубками, по числу присутствующихъ на мѣстѣ и Булною. По рединѣ постилается бѣлая кошма около 3 аршинъ въ квадратѣ, на которой раскладываются лепешки кучками, по три лепешки въ кучкѣ. Потомъ устанавливаются столбы съ перекладинами, на которыхъ вѣшаютъ котлы, по числу жертвъ и присутствующихъ. Около каждаго котла особый большой липовый столъ для разрѣзанія животнаго на части. Наконецъ по бокамъ въ сторонѣ, устанавливаютъ скамейки. По приведеніи къ мѣсту всѣхъ жертвъ, ихъ сначала испытываютъ, обливаніемъ водою до вздрагиванія, которое составляетъ особенное удовольствіе и торжество всѣхъ, какъ богоугодный знакъ. Послѣ того карты раздаютъ каждому присутствующему одного изъ боговъ, которому слѣдуетъ молиться, при чемъ если очень много народу, то молитва касается, не только тѣхъ боговъ, которымъ посвящены разныя деревья, но и всѣхъ остальныхъ, доходя до мельчайшихъ подраздѣленій. Свѣчи въ это же время прилѣпляются къ столамъ, которыя въ нѣкорыхъ мѣстахъ горятъ все время, тогда какъ въ другихъ

мѣстностяхъ ихъ гасятъ, во время закалыванія животныхъ и потомъ снова зажигаютъ. Молитва народа состоитъ въ томъ, что каждый изъ присутствующихъ повернувшихъ къ востоку взываетъ къ Юмѣ или Кереметн и за тѣмъ идетъ цѣлый рядъ просьбъ, начинающійся и кончающійся съ подай господи. При этомъ они стоятъ на колѣняхъ и безпрерывно падаютъ ницъ. Смыслъ молитвы карта слѣдующій: древній богъ или богъ земли или свѣта и т. д. тебѣ народъ пожертвовалъ нынѣ моленіемъ, привелъ скота, принесъ хлѣба, свѣчь, пива и меду, собравшись предъ этими деревьями. Возлюби это, милостиво прими. Боже, дай помощь въ жизни народу, дай скота, а потомъ дай хлѣба, послѣ хлѣба дай пчелъ, просимъ денегъ на оплачиваніе податей Государю, послѣ денегъ просимъ лѣсной ловли, послѣ—водяной ловли на выручку денегъ, милостиво прими. Боже, дай въ вѣкѣ семъ хорошаго быта Бѣлому Царю, и всѣмъ молящимся здѣсь людямъ, которые привели скота, принесли свѣчи, принесли хлѣба, поставили пива, и кто далъ денегъ: милостиво прими! Аминь! Послѣднее слово замѣчательно, что оно употребляется всѣми язычниками здѣсь въ томъ же смыслѣ, какъ у христіанъ, при томъ становится непонятнымъ, какимъ образомъ оно могло проникнуть въ нѣдра язычествующихъ племенъ, въ какой періодъ и почему именно это слово, но не другое.

Лаптевъ приводитъ другую молитву Кереметн, которую также выписываемъ: кто богу принесъ жертву, тому моленіе дай. Родившимся дѣтямъ, въ хлѣбѣ, пчелахъ, скотахъ и въ деньгахъ счастье дай. Чтобы пчелы въ новый годъ рои пускали, а когда рои пустятъ, то и въ меду спорынью дай. Птицъ и звѣрей ловить счастье дай. Дай богъ счастіе взять тройную цѣну за товаръ, всѣ сокровища какіе есть на землѣ и во всѣмъ свѣтѣ получать, счастье дай. Помоги боже, государственныя подати заплатить. Когда придетъ вешняя пора, трехъ сортовъ скотину въ три дороги выпустить помоги; отъ глубокой грязи, медвѣдей, волковъ и отъ воровъ ее помилуй. Какъ хмѣль пухлявъ и полонъ, такъ мнѣ жить ума и счастья дай; какъ свѣча горитъ свѣтло, такъ меня жить сподоби и здравіемъ награди. Какъ воскъ ровно садится, такъ мнѣ постоянно счастье даруй. Подобнаго рода молитвы, читаются каждымъ молящимся вслухъ, но еще слышнѣе, самое воззваніе къ богу. Можно себѣ вообразать, какой

это производитъ гулъ, среди дремучаго лѣса и какъ картина такая должна быть величественна для посторонняго, но едва ли кому либо изъ насъ удасться это видѣть, такъ какъ боги нагорной стороны, по скудности средствъ уже начинаютъ уходить на луговую, гдѣ также голодаютъ и не находятъ ни покоя, ни прежняго почтенія, и лишь урывками пользуются своими прежними преимуществами.

Послѣ такаго общаго моленія, карты приступаютъ къ закалыванію жертвъ, а для возбужденія вниманія ударяютъ топоромъ объ столъ, что по выраженію черемисъ равносильно нашему колокольному звону. За тѣмъ разрѣзаютъ животное на части, которыя разложивъ начинаютъ кадить кругомъ ихъ зажженной головней. Послѣ начинается вареніе, во время котораго карты также кадятъ, а остальные молятся. Далѣе идетъ отдѣленіе частицъ отъ жертвоприношенія, которыя бросаютъ въ огонь. Потомъ слѣдуетъ надѣленіе всѣхъ жертвеннымъ мясомъ, которое тутъ же съѣдается, запивая пивомъ и медомъ до опьянѣнія. Собственно въ угощеніи, женщины принимаютъ также участіе, унося съ собою все оставшееся, недоѣденное. По окончаніи угощенія сожигаются кости, внутренности, голова и ноги. Шкуры иногда вѣшаются на деревья, иногда сожигаются. Недогорѣвшія свѣчи уносятся, но колья, Ишта, Булна и колышки остаются на мѣстѣ и еще весьма недавно эти атрибуты, служили доказательствомъ, что и между горными черемисами, сохранились по нынѣ подобные обряды, исполняемые втихомолку и въ той же ценибековской дачѣ, гдѣ такіе же черемисы хлопочутъ и устраиваютъ православный черемисскій монастырь. Карты и ихъ помощники получаютъ за совершеніе службы: деньги, медъ, хлѣбъ, воскъ, холстъ и все, что каждый изъ молящихся можетъ дать, сообразно своему состоянію. Въ послѣднее время какъ между черемисами, такъ и чувашами, начали замѣнять настоящія жертвоприношенія, поддѣльными, подъ названіемъ Аргамаковъ. Это ничто иное какъ пряники, разной величины, изображающіе всякія жертвенныя животныя, но по преимуществу лошадей. Ихъ покупаютъ на базарахъ, у мелкихъ торговцевъ и приносятъ въ жертву тому или другому богу, положивъ подъ дерево.

Въ противуположность описаннаго моленія, есть еще обычай, схожій съ чувашскимъ, по которому ежегодно изгоняютъ злаго духа Шайтана изъ домовъ, клетей, анбаровъ,

дворовъ и околодковъ, цѣлыми толпами. Идея изгнанія общая, по всей черемисской землѣ, но не вездѣ одинаково исполняется этотъ обрядъ. У горныхъ черемисъ это дѣлается вечеромъ въ Лазарево воскресенье; на луговой же сторонѣ обрядъ этотъ совершается въ началѣ мартовскаго новолунія; въ другихъ мѣстахъ изгнаніе Шайтана, служитъ продолженіемъ и окончаніемъ праздника Сурема, который бываетъ въ іюнѣ мѣсяцѣ. На луговой сторонѣ, собирается молодежь верхомъ, въ одно какое нибудь мѣсто и начинаетъ рябиновыми палками бить по всѣмъ стѣнамъ дома, потомъ переходятъ къ анбарамъ, иногда входятъ въ домъ, далѣе объѣзжаютъ дворъ, бьютъ по всѣмъ предметамъ и получая отъ хозяина лепешки, яйца и деньги, выѣзжаютъ на улицу, гдѣ тоже повторяется до слѣдующаго двора и на другомъ дворѣ. Между тѣмъ толпа верховыхъ съ каждымъ дворомъ увеличивается все болѣе и болѣе, выѣзжаетъ изъ деревни, скачетъ по полю, въѣзжаетъ въ другую деревню, гдѣ дѣлаетъ тоже самое, что продолжается довольно долго, кончаясь у какого нибудь оврага, куда всѣ кидаютъ свои рябиновые прутья. У горныхъ черемисъ все это дѣлается пѣшкомъ, въ сопровожденіи трещетки. Потомъ выйдя изъ деревни, толпа направляется въ лѣсъ, выбираетъ толстое дерево, обходитъ его 3 раза и бьетъ по немъ палками; за тѣмъ бросаютъ яйца вверхъ. Если яйцо попадетъ въ дерево, то жертва того лица принята. Потомъ отламываютъ части яицъ, лепешекъ и другихъ угощеній для боговъ, бросаютъ ихъ въ сторону, съѣдаютъ остальное и отправляются по домамъ.

У черемисъ обыкновеннымъ недѣльнымъ праздникомъ почитается пятница, какъ у татаръ. Въ этотъ день считается за грѣхъ что нибудь работать, даже печь хлѣбъ до полудня. Между новымъ годомъ и крещеньемъ празднуется Шорокъ-іолъ или Шоронъ-слъ, въ переводѣ: овечья нога. Праздникъ этотъ дѣвичій и схожъ съ тѣмъ, который описанъ въ отдѣлѣ о чувашахъ; разница состоитъ только въ томъ, что передъ началомъ праздника, дѣвицы сгребаютъ на загонахъ кучи снѣгу на подобіе копенъ, приговаривая чтобы копны изъ хлѣба, были также чисты, какъ копны изъ снѣгу. Праздникъ оканчивается тѣмъ, что тѣже дѣвицы ходятъ смотрѣть, занесло ли кучи, что служитъ признакомъ хорошаго урожая. У горныхъ черемисъ кромѣ того существуетъ обыкновеніе созывать въ этотъ день друзей, которые дарятъ хозяина куша-

комъ или возжами, которыми они по ихъ суевѣрію могутъ вытащить хозяина изъ ада. Этотъ обычай установленъ самимъ богомъ, который на то указалъ одному гостепріимному мужику.

Къ этому же зимнему періоду слѣдуетъ отнести семейные праздники при отеленіи коровы, послѣ чего 5 сутокъ собираютъ молоко для предстоящихъ угощеній. Пиршество начинается тѣмъ, что хозяинъ приноситъ ковшъ воды, плещетъ на печь и присутствующихъ, прося коровьяго бога Волокъ-шачахтша, чтобы теленокъ выросъ съ печь, чтобы корова была суха и давала по больше молока. Послѣ сего приносятъ въ жертву кашу съ коровьимъ масломъ и просятъ объ увеличеніи скота, сколько у коровы шерсти и чтобы одинъ конецъ стада былъ въ оврагѣ, а другой въ сараѣ (кардѣ).

Масляница во всѣхъ черемисскихъ селахъ, по близости русскаго населенія празднуется катаньемъ съ горъ и на лошадяхъ. Это вошло до того въ привычку, что козьмодемьянскаго уѣзда деревня Шу-ангеръ, называется также масляною горою, на которой во время масляницы устраивается катанье. На такія катанья, черемисы съѣзжаются въ лучшей одеждѣ, лошади ихъ украшены бубенчиками и лентами. Катаются они взадъ и впередъ, по извѣстному пространству, на подобіе бѣговъ. Торговцами же, изъ черемисъ, устанавливаются кругомъ шалаши съ пряниками и другими угощеніями.

Въ воскресенье на шестой недѣлѣ совершается обрядъ надъ солью, которая служитъ цѣлебнымъ средствомъ во время болѣзни людей и скота. Соль эту кладутъ кучкою, потомъ сквозь щель рябиноваго прута, дуютъ и плюютъ въ нее и наконецъ пускаютъ въ эту кучку ножъ такимъ образомъ, чтобы онъ воткнулся въ нее. Какъ въ этотъ день, такъ въ среду и пятницу страстной недѣли, черемисы ничего не работаютъ, такъ какъ иначе вѣтеръ сорветъ крыши и повалитъ деревья.

На Пасхѣ, извѣстной у черемисъ подъ названіемъ Великій день, совершается моленіе и угощеніе изъ разныхъ блюдъ и пива. Вмѣстѣ съ тѣмъ выстраиваются во всѣхъ околодкахъ, по близости селъ и русскаго населенія, качели, если не иначе, то на деревьяхъ, вокругъ которыхъ устраивается гулянье и устанавливаются шалаши, для продажи разнаго угощенія.

Передъ яровымъ посѣвомъ хлѣба, весною празднуется Агга-паремъ или праздникъ пашни, вѣрнѣе сохи. Каждый

околодокъ или деревня, справляетъ этотъ праздникъ особо. Для сего на открытомъ полѣ устраиваютъ качели и раскладываютъ нѣсколько костровъ. Черемисы собираясь несутъ съ собою пиво, медъ, а ихъ жены и дѣти, яичницы, ватрушки, сырники, яйца и проч. Поставивъ кушанье, всѣ садятся около костровъ; мущины отъ женщинъ отдѣльно. За тѣмъ приходитъ картъ при появленіи котораго, всѣ встаютъ. Установивъ свой буракъ (ведро) съ пивомъ и яичницу, онъ или его помощникъ прилѣпляетъ, по восковой свѣчи къ бураку и яичницѣ, зажигаетъ ихъ лучинкою, взявъ огонь съ мужскаго костра. Каждый изъ черемисъ дѣлаетъ тоже самое вслѣдъ за картомъ и потомъ устанавливаются нѣсколькими рядами по десяти человѣкъ другъ за другомъ, лицемъ къ востоку. Когда картъ начинаетъ просить Кинда-шачахтша—Юма, произрастителя хлѣба, чтобы онъ не съѣдалъ хлѣба и не дѣлалъ его рѣдкимъ, напротивъ ниспослалъ бы хорошій урожай, тогда всѣ черемисы становятся на колѣни. Когда же картъ станетъ на колѣни, то всѣ черемисы падаютъ ницъ, оставаясь въ такомъ положеніи, пока не встанетъ картъ. Потомъ картъ беретъ въ руки свой буракъ, а за тѣмъ яичницу и посвящаетъ то и другое главному богу. Далѣе подходитъ съ этими жертвами къ каждому черемисину, посвящая ихъ дары одному изъ боговъ. За тѣмъ картъ начинаетъ отдѣленіе частицъ и отливаніе пива у себя и у каждаго черемисина, въ особую чашу, которую несетъ за нимъ его помощникъ. Окончивъ эту церемонію, картъ беретъ чашку и выливаетъ все въ огонь, мужскаго костра. Въ продолженіи всего этого времени, черемисы лежатъ преклонившись лицомъ къ землѣ. Наконецъ картъ обходитъ всѣхъ, пробуя у каждаго пищу. Помощникъ, при переходѣ карта изъ ряда въ рядъ, высѣкаетъ огниво. По окончаніи обряда, каждый черемисинъ подноситъ карту подаяніе яйцами, а за тѣмъ начинается обоюдное подчиваніе. Въ это же время женщины подходятъ къ мущинамъ, а до того онѣ стоятъ у своихъ костровъ, поправляя огонь.

По окончаніи угощенія всѣ снова становятся рядомъ, женщины отдѣляются, а картъ начинаетъ подметать крошки и остатки, сгребая ихъ къ костру, гдѣ все сжигается. Въ это время мущины снова лежатъ лицемъ на землѣ. Картъ же окончивъ свою работу, читаетъ благодарственную молитву, за принятіе богами жертвы. За тѣмъ начинается пированіе,

качаніе на качеляхъ, наконецъ всякій уходитъ домой, унося свое освященное пиво и кушанье, которое употребляютъ по немного каждое утро. Если же освященное пиво, какъ нибудь нечаянно прольютъ, то это почитается за большое несчастіе и тотчасъ стараются замѣнить его другимъ у сосѣда, хотя бы весьма незначительнымъ количествомъ. Капля этого пива, освящаетъ по ихъ понятію сороковую бочку.

Другой праздникъ Сюремъ, которому предшествуетъ полнѣйшее запрещеніе всякихъ работъ во время хлѣбнаго цвѣта, начинается вслѣдъ за Петровымъ днемъ и въ общихъ чертахъ похожъ на такой же чувашскій праздникъ Синзэ. Онъ посвящается главному богу и справляется всѣмъ міромъ, для чего за ранѣе оповѣщаютъ всѣхъ, собраться въ такомъ то лѣсу, въ опредѣленномъ для этого моленія мѣстѣ. Во время этого праздника и въ продолженіи 3 дней, запрещается курить и нюхать табакъ. Каждый долженъ явиться на мѣсто тихо и смирно, не злословить, не говорить по русски, что считается великимъ грѣхомъ, такъ точно какъ и появленіе женщины въ это время среди молящихся мущинъ. Когда всѣ соберутся, то картъ собираетъ добровольныя жертвоприношенія деньгами, для покупки безъ торга скота и птицъ. Скота при этомъ собираютъ очень много, такъ какъ изъ всего количества остается весьма небольшое число годныхъ, удовлетворяющихъ требованію, по испытаніи водою. Совершивъ всѣ вышеписанные обряды надъ животными, картъ ставитъ свѣчу на дерево, что также дѣлается и другими и въ одно мгновенье все дерево представляетъ видъ горящей елки. Далѣе читается молитва, въ родѣ той, какая приведена Лаптевымъ. За тѣмъ совершаются остальные описанные обряды.

Моленіе вообще продолжается 3 дня, безъ устали, безъ сна, въ продолженіи которыхъ черемисы часто моются, какъ-бы для очищенія себя.

По окончаніи моленія, картъ назначаетъ поле, куда слѣдуетъ всѣмъ собраться и день когда гнать Шайтана. Послѣдняя церемонія уже извѣстна. Къ назначенному времени, черемисы собираются по деревнямъ, на избранномъ для сего полѣ и становятся десятками и рядами, лицемъ къ востоку. Одинаково становятся и женщины, но отдѣльно, за мущинами. Въ сторонѣ стоятъ кибитки, телѣги и при каждой вожатый, а кругомъ всѣхъ однодеревенскихъ кибитокъ нѣсколько верховыхъ черемисъ, съ длинными дудками въ

рукахъ, родъ свирѣли, особая принадлежность Суремы. По окончаніи довольно краткой молитвы, освѣщаютъ явства, послѣ чего начинается обоюдное подчиванье, въ которомъ принимаютъ участіе и женщины и за тѣмъ онѣ садятся въ кибитки и начинается ѣзда и скачка по полю, въ перегонку, взадъ и впередъ, до вечера, чѣмъ и кончается праздникъ Суремы.

Въ началѣ ноября, празднуется у черемисъ моленіе о новомъ хлѣбѣ. Праздникъ этотъ исполняется по семьямъ иногда съ картомъ, а большею же частію главами семействъ. Для сего накрывается столъ, устанавливаются разныя кушанья, новый испеченый хлѣбъ, жаренныя бѣлки, зайцы, ватрушки и т. д. Послѣ того прилѣпляютъ свѣчи къ блюдамъ, посвящая ихъ разнымъ богамъ, потомъ молятся, отдѣляютъ хлѣбъ и питье и за тѣмъ каждый изъ присутствующихъ съѣдаетъ кусочекъ, запивая его пивомъ. Далѣе начинается уже угощеніе, пирушка, которая у черемисъ называется пираушъ.

Впрочемъ пирушки бываютъ только у богатыхъ, тогда какъ у другихъ, церемоніею кончается все. Къ пирушкѣ приглашаются гости, которыхъ оповѣщаютъ заранѣе, приготавливая лучшія кушанья, много пива, меду и вина. Гости съ своей стороны привозятъ съ собою также пиво, вино, курицу или утку и разныхъ печеній. Для подобныхъ случаевъ, приглашаются также и музыканты. Мущины усаживаются къ столу, а женщины у печки. Во время угощенія, начинается пляска по парно, женщина съ женщиною, а мущина съ мущиною. Это продолжается отъ 2—3 дней, пока разъѣдутся всѣ гости. Предъ отъѣздомъ гости подчуютъ хозяевъ своимъ добромъ. При этомъ соблюдаются слѣдующіе обычаи. Гость проситъ всѣхъ сѣсть за столъ и за тѣмъ становится на колѣни, выпиваетъ рюмку вина и благодаритъ за угощеніе и начинаетъ съ колѣнопреклоненіемъ подносить каждому сначала пиво, а потомъ кушанье. Хозяинъ при прощаніи, наполняетъ сумку гостя и его сосудъ, разными явствами и пивомъ. Далѣе идутъ проводы, для чего хозяинъ беретъ съ собою вино и усаживая отъѣзжающихъ, становится на колѣни, выпиваетъ нѣсколько вина и благодаритъ за угощеніе. Гость же ему даритъ деньги.

Около Рождества въ черемисскихъ семействахъ гадаютъ, что похоже на русское гаданье; въ этомъ болѣе принимаютъ участіе женщины, въ особенности дѣвицы. Обык-

новенно онѣ предугадываютъ хорошую или дурную судьбу въ замужествѣ. Чтобы дать полное понятіе о томъ, какъ черемисы проводятъ время святокъ, мы воспользуемся статьею „Черемисскія игрища“ вятскихъ губернскихъ вѣдомостей, 1861 г. за № 20. За ранѣе выбираютъ въ околодкѣ просторную и свѣтлую избу, оповѣщаютъ сосѣдей, которые и съѣзжаются съ нѣсколькихъ околодковъ или деревень. Каждый изъ пріѣзжающихъ привозитъ съ собою медъ, пиво, вино или разныя печенья, а также лучину для освѣщенія избы. Съѣхавшись, начинаютъ пѣть весьма монотонные, большею частію импровизированныя поющимъ пѣсни, смыслъ которыхъ состоитъ въ томъ, что оплакиваютъ свое положеніе, свое матеріальное состояніе. Хоровыхъ пѣсенъ, въ родѣ тѣхъ, какъ у чувашъ для одного голоса и потомъ для хора, у черемисъ нѣтъ, но есть пѣсни которыя поются хоромъ дѣвицъ, унисономъ. Изъ одиночныхъ пѣсенъ замѣчательна напримѣръ слѣдующая:

О-ёй ачà уке	Отца нѣтъ,
Аба уке	Матери нѣтъ,
Эргэ уке	Сыновей нѣтъ,
Юдуръ уке	Дочерей нѣтъ,
Ушкàлъ уке	Коровы нѣтъ,
Имнѐ ула	Лошадь есть.

Эго пѣсня бобыля, по содержанію своему ясно указываетъ, чѣмъ занятъ черемисъ, объ чемъ онъ думаетъ и какъ узки рамки его дѣятельнаго мышленія въ настоящее время. Воспѣть природу, предковъ, свою исторію онъ не можетъ, такъ какъ самая жизнь ограничивается лишь настоящимъ, все же прошедшее скоро забывается, за отсутствіемъ письменности, неразвитія, страха къ покойникамъ и безразличнаго хладнокровія ко всему окружающему.

Другая пѣсня гласитъ такъ:

О-ей мынинъ эрге
Салтàкэшкэ каэнъ,
Изи эрге кòдэнъ
Изи эрге пашалышташъ окмоштэ
Изи юдуръ полшашъ окмоштэ;
Кугу пèртъ кòдэпъ иляшъ ипъ уке;
Имнемъ кòдэнъ пукшашъ оммоштэ,
Шорокъ кодэнъ—иэмемъ нàлашъ òммоштэ,
Мюкшемъ кодэнъ—онжашъ оммоштэ.

Это въ переводѣ значитъ:

Ой, ой мой сынъ
Въ солдаты ушелъ,
Малыхъ сыновей оставилъ.
Малый сынъ работать не умѣетъ,
Малая дочь помогать не умѣетъ;
Большую избу оставилъ; жить людей нѣтъ,
Лошадей оставилъ—кормить не умѣю;
Коровъ оставилъ—запирать не умѣю;
Овечекъ оставилъ—шерсть снимать не умѣю;
Пчелъ оставилъ—смотрѣть не умѣю.

И эта пѣсня обрисовываетъ, какъ положеніе вдовы матери, такъ и все хозяйство крестьянъ черемисъ, которое за отсутствіемъ хозяина, приходитъ въ упадокъ, а наслѣдники доходятъ до нищеты. Присутствующіе обступаютъ поющихъ, сочувствуютъ, иногда поплачутъ, чѣмъ и кончается ихъ минутное возбужденіе. Еще помѣщена тутъ третья пѣсня слѣпца, полная скорби и печали; онъ лишился сына, дочери, не имѣя ни денегъ, ни хлѣба, ни лошадей, шатаясь и пресмыкаясь подаяніемъ.

О-ёй, Юме, Юме!
Иктэ эргэ линъ,
И тудэ салтàкэшкэ каэнъ:
Ватэ шонгэмэнъ
Мый тую липъ
Паталыштàшъ омъ ужъ
Шинжà пэшъ коржэшъ
Иктэ юдуръ линъ,
Тудэмъ юдуръ налэжъ;
Шинжа пашàмъ лышташъ óкушъ;
Когмэ пэшъ шуэшъ
Киндэ уке
Шинжалъ уке
Окса уке,
Илене уке
Алá кузэ иляшъ
Алà мамъ лыштàшъ
Кукужà мыимъ нужда окшинже
Правленъ тiàкъ нуждамъ налиэжэ.

Въ буквальномъ переводѣ это значитъ:

Ой, ой Господи, Господи!
Одинъ сынъ, сынъ былъ,

И тотъ въ солдаты ушелъ;
Жена состарѣлась,
Я нездоровъ сталъ,
Работу, работать не вижу,
Глаза больно болятъ.
Одна дочь была,
И ту Богъ взялъ;
Глаза работу работать не видятъ;
Ѣсть больно хочу:
Хлѣба нѣтъ,
Соли нѣтъ,
Денегъ нѣтъ,
Лошади нѣтъ;
Не знаю, что дѣлать;
Царь нашей нужды не знаетъ
Правленскіе писаря бѣдныхъ берутъ.

Та изъ дѣвицъ, которая участвуетъ въ складчинѣ, сварила сама, либо привезла пива съ собою, подчуетъ всѣхъ ковшомъ, а ей за это кладутъ деньги въ ковшъ. Она кланяется и угощаетъ остальныхъ пока не обойдетъ всѣхъ.

На этихъ же вечерахъ бываетъ иногда музыка, составленная изъ барабана, гуслей и пузыря, подъ тактъ которыхъ хлопаютъ въ ладоши и пляшутъ, то дѣвицы, то парни, весьма однообразно сводя то носки, то каблуки и разводя руками, иногда кружась на одномъ и томъ же мѣстѣ.

Самая музыка, мотивы черемисъ приложены въ концѣ, слѣдовательно даетъ понятіе о томъ, что до нынѣ не было извѣстно и стоило не малыхъ трудовъ собрать и положить на ноты. Къ этому не лишнее прибавить, что мотивы черемисскіе на столько же самостоятельны, какъ чувашскіе, но въ нихъ менѣе пѣвучести, а переходы отъ ноты къ нотѣ, болѣе рѣзки. У нихъ нѣтъ руладъ, но множество носовыхъ нотъ, которыхъ вовсе не существуетъ у чувашъ. Происхожденіе этихъ носовыхъ нотъ, слѣдуетъ приписать общеупотребительной пѣсни безъ словъ, которая сопровождаетъ черемисина во всѣхъ случаяхъ его жизни.

На описанныхъ вечерахъ играютъ также въ жгуты, для чего вся молодежь безъ различія пола садится на полъ кружкомъ, въ средину котораго входитъ одинъ изъ играющихъ. Сидящіе бьютъ его жгутомъ и передаютъ его такъ, чтобы онъ не замѣтилъ это, иначе уличенный въ переда-

чѣ, входитъ въ кругъ. Кромѣ того очень въ ходу переодѣваніе въ солдаты, козу, лошадь и медвѣдя, что производитъ всеобщій смѣхъ и удовольствіе.

За особенное счастье считаютъ черемисы, если на такія вечеринки являются старикъ и старуха, почитаемые при этомъ случаѣ за святыхъ. Перваго зовутъ Васли-Кукуза—Василій старикъ, а вторую-Куза. При входѣ въ избу ихъ окружаютъ со всѣхъ сторонъ и разспрашиваютъ, каковъ будетъ годъ, урожай, родится ли скотина и много ли, какое будетъ роеніе и проч. Если отвѣтъ не благопріятенъ, то черемисинъ этого хозяйства приноситъ въ жертву Кереметі жеребенка, барана, зайца, утку и т. п., смотря по состоянію.

Свадьбы горныхъ черемисъ, по своимъ обрядамъ, совершенно схожи съ чувашскими. Тѣже должностныя лица, тѣже поѣзжане, такіе же шилики, церемоніи при отъѣздѣ и въѣздѣ, одинаковое одѣваніе, прощанье и употребленіе нагайки и потому считаемъ излишнимъ повторять одно и то же, но слѣдуетъ остановиться на свадьбахъ въ луговой сторонѣ, гдѣ встрѣчается разница въ томъ, что онѣ совершаются проще и скорѣе, но всегда въ одно время, послѣ Петрова дня, въ періодъ хлѣбнаго цвѣта.

Ежели черемисинъ, высмотрѣвъ невѣсту, на что есть очень много случаевъ во время праздниковъ и моленій, желаетъ жениться, то онъ вмѣстѣ съ отцомъ или другимъ старшимъ родственникомъ отправляется къ отцу невѣсты. Иногда учтиво отказываютъ жениху, подъ предлогомъ молодости, что и неизмѣнимо, если только невѣстѣ, не нравится женихъ. Но если женихъ ей нравится, а отказъ воспослѣдовалъ изъ личныхъ видовъ отца, то бываетъ что невѣста, сговорившись съ женихомъ, убѣгаетъ изъ родительскаго дома и живетъ въ домѣ жениха, пока не воспослѣдуетъ согласіе со стороны ея родителей. Если же отецъ изъявляетъ согласіе, то дѣло можно считать порѣшеннымъ, хотя за тѣмъ пріѣхавшій съ женихомъ родственникъ, сватъ идетъ къ невѣстѣ, узнать ея согласіе. При этомъ если она идетъ противъ воли, то всегда прячется и убѣгаетъ, что однакожъ не измѣняетъ рѣшеніе отца. Если же она согласна, то выходитъ къ свату, но не отвѣчаетъ, какъ знакъ застѣнчиваго согласія. Женихъ въ это время сидитъ въ избѣ. Послѣ того они уѣзжаютъ. На другой день происходитъ родъ помолвки, которая состоитъ въ томъ, что пріѣзжаютъ къ невѣстѣ въ домъ, женихъ со сватомъ и сва-

хою. Тамъ въ ожиданіи жениха, накрывается столъ, ставятъ каравай хлѣба и топленое коровье масло. При входѣ жениха, всѣ сидятъ, а невѣста стоитъ у печки. Женихъ отрѣзываетъ кусокъ хлѣба, намазываетъ его масломъ, откусываетъ и передаетъ его невѣстѣ. Та также откусываетъ и передаетъ отцу, который дѣлая тоже самое, отдаетъ его матери, та—свату, потомъ переходитъ къ свахѣ, опять къ невѣстѣ и возвращается къ жениху, который уже съѣдаетъ остальной кусокъ.

На третій день пріѣзжаетъ жениховъ отецъ, мать, сватъ и сваха сговариваться съ родными невѣсты о калымѣ и о приданомъ. Калымъ въ этомъ случаѣ только у очень богатыхъ доходитъ до 100 рублей. Приданое состоитъ у богатыхъ изъ лошади, коровы, овецъ, разныхъ птицъ, рубашекъ невѣстѣ и жениху, кафтановъ, онучей, носковъ, сарпановъ и подобныхъ вещей, которыхъ количество и качество также зависитъ отъ средствъ невѣстинаго семейства. Выбравъ должностныхъ свадебныхъ лицъ, въ такомъ же составѣ, какъ у чувашъ, оповѣстивъ знакомыхъ, парядившись и напившись пива, меду и вина, и получивъ также своего рода благословеніе и обѣщаніе со стороны семьи о награжденіи, женихъ, въ сопровожденіи доморощенной музыки, при хлопаніи въ ладоши и гайканьи, садится съ дружкою въ кибитку, а на козлы сваха и всѣ вмѣстѣ съ поѣзжанами и верховыми, отправляются въ деревню къ невѣстѣ. По пріѣздѣ туда, весь поѣздъ останавливается въ сосѣднемъ дворѣ и остается тамъ, пока не отворятъ ворота.

По извѣщеніи невѣсты, о пріѣздѣ жениха, въ избѣ, гдѣ она сидитъ, окруженная роднею и подругами, начинается пляска, вой, стукъ, между тѣмъ какъ она сама беретъ ковшъ, черпаетъ пиво, подноситъ каждому присутствующему, которые выпивая пиво, кладутъ въ ковшъ мелкія деньги.

Женихъ между тѣмъ въѣхавъ на дворъ садится за свадебный столъ, убранный множествомъ кадокъ, бураковъ пива и разныхъ блюдъ, то и другое по числу присутствующихъ на свадьбѣ гостей, изъ которыхъ каждый обязанъ принести съ собою пиво, ватрушки или лепешки. Противъ жениха располагается свадебная музыка и далѣе, гдѣ болѣе свободнаго мѣста, устанавливаются всѣ кибитки и при нихъ надсмотрщикъ изъ мальчиковъ.

Къ этому же времени гости той и другой стороны, уже довольно опьянѣли и дворъ представляетъ весьма отврати-

тельную картину всякаго рода непристойностей и иногда драки, среди шумящихъ, пляшущихъ и даже валяющихся по двору черемисъ.

Одновременно съ этимъ подруги готовятъ нарядъ невѣстѣ и передаютъ его брату, родственнику или дружкѣ, который надѣвъ шапку и кафтанъ невѣсты и поплясавъ въ нихъ, отдаетъ его подругамъ и за тѣмъ немедленно одѣваютъ невѣсту, вдѣваютъ серьги и накрываютъ покрываломъ въ видѣ чувашскаго. Послѣ этого невѣста простившисъ съ роднею уходитъ въ анбаръ, гдѣ лежитъ все ее приданое, а за нею слѣдуютъ всѣ гости. По приходѣ невѣсты въ анбаръ, ее вещи, ящики и кожанные мѣшки, въ которыхъ хранится приданое выносятъ и ставятъ на дворѣ, около свадебнаго устола. Женихъ встаетъ въ тоже время съ мѣста, а невѣста садится, окруженная ближайшими родными и гостями. За тѣмъ она вынимаетъ подарки изъ ящика, въ видѣ рубашекъ или полотенцевъ и даритъ ихъ отцу и матери или вообще старшимъ въ семействѣ, получая за это въ возвратъ мелкія серебряныя деньги. Для храненія приданаго сажаютъ на немъ дѣвочку или малолѣтняго, отъ котораго женихъ выкупаетъ приданое также мелкою монетою. Послѣ сего невѣста снова, вынимаетъ изъ своего ящика, полотенцо, платокъ и т. п. и тогда приданое уносятъ въ кибитку. По укладкѣ приданаго, женихъ беретъ за руку невѣсту, подводитъ къ кибиткѣ и усаживаетъ ее рядомъ со свахою, а самъ садится на козлы. Въ это время сваха беретъ полотенцо у невѣсты, даетъ ей одинъ конецъ и другой жениху. Тогда начинаютъ тянуть въ обѣ стороны, кто кого перетянетъ, при чемъ если женихъ не слишкомъ уже молодъ, сравнительно съ созрѣвшею и перезрѣвшею невѣстою, то разумѣется полотенцо остается за нимъ. Этимъ кончаются всѣ обряды въ домѣ родителей невѣсты и весь поѣздъ трогается съ мѣста. Поѣздъ не отправляется прямо въ домъ жениха и не въ церковь, а по дорогѣ, которая можетъ продолжаться дня три, заѣзжаетъ во всѣ попутныя деревни, гдѣ его останавливаютъ у воротъ съ пивомъ, медомъ и разнымъ угощеніемъ. Всѣ поѣзжане слѣзаютъ, остаются только въ кибиткахъ женихъ съ невѣстою. Начинается попиванье, пляска, музыка, послѣ чего отправляются въ деревню по знакомымъ, гдѣ дѣлается тоже самое и такъ вплотъ до женихова дома.

Поджидая возвращенія жениха съ невѣстою, въ домѣ

его накрытъ столъ съ пивомъ, виномъ, медомъ, хлѣбомъ и всякимъ другимъ угощеніемъ, а за столомъ въ ожиданіи, сидятъ родители жениха или ихъ представители. Въѣхавъ на дворъ, дружка беретъ жениха и невѣсту за руки, вводитъ ихъ въ избу, становитъ на колѣни у противуположнаго конца стола и ставъ между ними и родителями начинаетъ, какъ посредникъ вести переговоры. Сначала онъ спрашиваетъ за отца, будетъ-ли невѣста любить и почитать отца и получивъ утвердительный отвѣтъ, онъ же спрашиватъ отца, будетъ-ли онъ любить невѣсту. Получивъ въ отвѣтъ да, если она будетъ не лѣнива, будетъ прясть, ткать, ходить за скотиною и т. п., то будетъ любить. Получивъ согласіе отъ невѣсты исполнять волю отца, свекоръ обѣщаетъ ей дать на хозяйство скотину и денегъ. По окончаніи сего женихъ съ невѣстою встаютъ, она черпаетъ пива, обноситъ всѣхъ по очереди и съ колѣнопреклоненіемъ, даритъ подаркомъ всѣхъ родныхъ и получаетъ въ возвратъ въ ковшъ, мелкія деньги, нерѣдко мѣдныя.

За тѣмъ если черемисы крещеные, то они отправляются въ церковь вѣнчаться. По возвращеніи оттуда, среди музыки и разнаго шума, отводятъ молодыхъ въ анбаръ, гдѣ они остаются нѣкоторое время. Потомъ выходятъ. Если молодая оказалась цѣломудренна, то всѣ ее ласкаютъ, цѣлуютъ, въ противномъ случаѣ мужъ и дружка бьютъ, а посторонніе даже плюютъ на нее. Потомъ она идетъ за водою, какъ у чувашъ съ соблюденіемъ той же церемоніи и наконецъ принимается мѣсить салму, которую всѣ ѣдятъ съ удовольствіемъ, лаская и ободряя молодую хозяйку, если она была цѣломудренна; если же нѣтъ, то до салмы никто не дотрогивается, напротивъ многіе изъ родныхъ въ нее плюютъ. Обрядъ этотъ имѣетъ отличное вліяніе на нравственность черемисскихъ дѣвушекъ въ общей сложности, но за то эта нравственность не слишкомъ завидна впослѣдствіи, въ особенности, когда мужъ уходитъ въ солдаты.

У некрещеныхъ черемисъ, соблюдается еще множество другихъ разнообразныхъ обычаевъ, зависящихъ отъ мѣстности и отъ установившихся понятій. Перечислять ихъ довольно однообразно, тогда какъ главныя начала сохраняются вездѣ одинаково. Но слѣдуетъ упомянуть, что большею частью, у некрещеныхъ во время помолвки, невѣста даритъ жениха перстнемъ; что невѣсту, приводятъ къ жениху на канунѣ,

провожая ее со свѣчами со двора. Пріѣхавъ она спитъ вмѣстѣ съ другими женщинами. На другой день устраиваютъ на дворѣ огороженное досками мѣсто, покрытое сверху полотномъ, а внутри его ставятъ столъ, со всѣми возможными угощеніями. Картъ совершающій обрядъ вѣнчанія, становится у одного конца стола, а молодые съ другаго, за ними же всѣ домашніе и гости. Тутъ начинается молитва, въ которой просятъ Юму и всѣхъ его помощниковъ и помощницъ, о воздаяніи молодымъ супружескаго счастія, дѣтей, богатства, скота и т. д. По окончаніи сего, молодые цѣлуются, а на молодую надѣваютъ сарпанъ и масмакъ и снимаютъ покрывало. Далѣе женихъ обноситъ всѣхъ женщинъ и дѣвушекъ, а невѣста всѣхъ мущинъ ковшомъ пива, предлагая колѣнопреклоненно каждому выпить, за что молодую надѣляютъ мелкою монетою.

При разсмотрѣніи статистическихъ цыфръ за 1866 и 1867 годъ, оказывается нѣкоторая особенность въ распредѣленіи населенія по поламъ. У черемисъ постоянно число женщинъ больше числа мущинъ, сравнительно съ другими племенами казанской губерніи.

Такъ въ 1864 году отношеніе это выразилось, по сравненію съ другими племенами.

У русскихъ на 100 мущинъ приходилось женщинъ			104, 3
— Татаръ	—	—	102, 3
— Чувашъ	—	—	103, 5
— Черемисъ	—	—	111, 3
— Мордвы	—	—	104,
— Вотяковъ	—	—	110, 1
Въ 1866 году отношеніе это было.			
— Русскихъ	—	—	101, 3
— Татаръ	—	—	103, 1
— Чувашъ	—	—	104, 8
— Черемисъ	—	—	106, 6
— Мордвы	—	—	105, 3
— Вотяковъ	—	—	(1) 110, 9

Фуксъ замѣчаетъ, что впослѣдствіи истощенія черемисъ, отъ постоянной работы въ лѣсахъ, отъ употребленія дурной

---

(1) Памятная книга казанской губерніи $18^{66}/_{67}$ годъ. Отчетъ о дѣйствіяхъ казанскаго губернскаго стат. комитета за 1867 г.

пищи, вѣчнаго сидѣнья предъ огнемъ, среди стужи и всякой непогоды, они рѣдко выживаютъ 50 годъ жизни. Такая скоротечность не можетъ не имѣть вліяніе на женскій полъ, который въ противуположность этому остается почти всега дома и потому не терпитъ такихъ лишеній. Вотъ одна изъ причинъ, почему многія черемиски выходятъ за мужъ позже, нежели какъ дозволяетъ народный обычай, въ противуположность чувашскому обычаю, выдавать какъ можно позже. Отъ той же жизни мужей въ безпрестанной разлукѣ съ женами, естественной потребности молодой и крѣпкой женщины, развивается развратъ, который не ставится въ вину. Сколько вмѣстѣ съ тѣмъ погибаетъ этого человѣчества среди неизвѣданныхъ черемисскихъ мѣстъ и сколько могли бы принести пользы, эти тяготѣющіяся своимъ положеніемъ женщины, еслибъ имъ найти мужей тамъ, гдѣ недостатокъ женщинъ! Вотячки вѣроятно находятся въ такомъ же положеніи и потому полагаемъ, что мы не ошибемся если на пространствѣ отъ Волги до Вятки, такихъ непроизводительныхъ женщинъ окажется не менѣе 6000 душъ, что для государства составляетъ существенную потерю!

Черемиски матери, освободившись отъ бремени, точно также какъ и чувашки поправляются чрезвычайно скоро, вѣрнѣе, вовсе не болѣютъ, а тотчасъ же отправляются въ баню, моютъ ребенка и за тѣмъ начинаютъ справлять домашнюю работу. По истеченіи 2 или 3 дней призывается картъ, который взявъ на руки младенца, говоритъ сначала соотвѣтственную молитву, потомъ начинаетъ качать ребенка, приговаривая разныя имена, пока не заплачетъ ребенокъ при одномъ изъ нихъ, которымъ и нарѣкаютъ младенца. Но если это не дѣйствуетъ, ребенокъ не плачетъ, то картъ беретъ огниво и высѣкаетъ огонь, приговаривая разныя имена. При которомъ изъ нихъ высѣкается огонь, то имя и дается ребенку. У некрещеныхъ, какъ между мужскими именами, такъ и между женскими встрѣчается очень много русскихъ именъ. У горныхъ черемисъ менѣе всего уважается имя Макарій. У нихъ есть Вадышъ Макарій съ цѣлою легендою. Также между ними памятно то время, когда одинъ изъ іерарховъ подъ именемъ Макарія, вводилъ христіанство не по христіански. Между языческими именами болѣе замѣчательны слѣдующія: Пектуганъ
Епсій
Озамбай

Азмехи
Эльвакъ
Пактубай
Ямпекты
Морданъ
Ямбарды; между женскими, удалось отмѣтить:
Салина
Еселби
Кенчеби
Ченчеби

Покойники не удостаиваются черемисами особаго уваженія и любви, напротивъ, они ихъ боятся, стараясь какъ можно скорѣе спровадить изъ дому. Если обмываніе за неимѣніемъ на лицо русскихъ и татаръ, должно быть произведено черемисами, то они не только это дѣлаютъ съ особеннымъ отвращеніемъ, но за тѣмъ моются, вымываютъ свое платье, ежедневное же платье покойника дарится, выбрасывается или сжигается. Крещеные черемисы съ нетѣрпѣніемъ ожидаютъ день похоронъ, выставляя покойника куда нибудь по дальше, въ анбарѣ или въ другомъ мѣстѣ. Все это дѣлается изъ боязни, полагая что покойникъ непремѣнно долженъ попасть въ руки Вадышей или Кереметі и затѣмъ дѣйствовать съ ними за одно. Они думаютъ, что каждый покойникъ долженъ пройти по канату, чтобы достичь лучшей жизни и что дурной непремѣнно свалится съ каната въ кипящую смолу, тогда какъ жизнь хорошаго человѣка имъ представляется дѣломъ обыкновеннымъ, хотя темнымъ и неяснымъ. У крещеныхъ черемисъ, погребеніе совершается слѣдующимъ образомъ: послѣ смерти, покойника кладутъ на лубокъ и выносятъ на дворъ, гдѣ обмываютъ. За тѣмъ его вносятъ въ избу, надѣваютъ чистое бѣлье, рукавицы, кафтанъ, шапку, за пазуху кладутъ лепешки, въ карманъ деньги и потомъ кладутъ его въ выдолбленное дерево, въ видѣ гроба и зажигаютъ предъ нимъ свѣчу. Изъ особеннаго повѣрья, которое составили себѣ черемисы о будущей жизни, гдѣ нужды одинаковы, покойнику кладутъ въ гробъ все что онъ употреблялъ, какъ и у чувашъ: рубашку, холстъ, кнутъ, пиво, вино, кончая розгою для изгнанія Шайтановъ. Чѣмъ больше такихъ повседневныхъ предметовъ въ гробу, тѣмъ менѣе вѣроятія, чтобы покойникъ могъ вернуться на землю, позабывъ или

нуждаясь въ нихъ. Изъ такаго то понятія о покойникахъ происходитъ еще то, что о немъ не слишкомъ горюютъ, не плачутъ, напротивъ гнушаются имъ и брезгуютъ. Сдѣлавъ все описанное, уходятъ варить курицу, которую приготовивъ ставятъ также предъ покойникомъ, впредь до выноса его на кладбище. Тамъ картъ читаетъ надгробныя молитвы въ родѣ того, чтобы Юма далъ покой и лучшую жизнь и чтобы онъ не шатался по свѣту. За тѣмъ гробъ закрывается. Возвратившись домой, ѣдятъ курицу, съ обычнымъ отдѣленіемъ частицъ. Если хоронятъ богатаго, то различіе церемоніи состоитъ въ числѣ присутствующихъ, при чемъ каждый имѣетъ въ рукахъ зажженную свѣчу, какъ во время молитвы, такъ и при выносѣ тѣла, на кладбище. Миллеръ говоритъ, что по возвращеніи съ похоронъ соблюдается, какъ черемисами, такъ и чувашами еще слѣдующій обрядъ. Вколачиваютъ на дворѣ два кола и протягиваютъ между ними двѣ бичевки, сквозь кольцо. Всѣ молодые люди, присутствующіе при погребеніи должны стрѣлять изъ лука, стараясь попасть въ кольцо. Кому это удасться, тотъ получаетъ лошадь покойника, на которой обязанъ 4 раза съѣздить на могилу и обратно. Потомъ эту лошадь закалываютъ на дому и ѣдятъ. Весьма вѣроятно, что этотъ обрядъ еще не вышелъ изъ употребленія.

Кладбище черемисское устраивается либо въ лѣсу, вблизи постояннаго молельнаго мѣста или въ сторонѣ отъ околодка или деревни, гдѣ нибудь по дальше. Надъ могилою каждаго покойника сажаютъ дерево, обыкновенно липу или дубъ, такъ что все кладбище, если оно среди поля, представляетъ родъ рощи. Это указаніе можетъ послужить съ пользою тѣмъ, которые пожелаютъ заняться археологическими изслѣдованіями какъ мэри, такъ и мари, въ особенности костромской губерніи.

Поминки по покойникамъ бываютъ, какъ и у чувашъ въ третій, седьмой, сороковой день, въ четвергъ на страстной недѣлѣ и въ семикъ. Такъ какъ главный обрядъ состоитъ исключительно въ отдѣленіи частицъ и за тѣмъ въ угощеніи, примѣняясь къ зажиточности семействъ, то мы и опишемъ такія поминки, гдѣ болѣе обрядовъ.

Для сего первоначально выбираютъ жертвенныхъ животныхъ по большей части мелкихъ, которыхъ отдаютъ съ прибытіемъ картъ въ ихъ распоряженіе. Карты раскладываютъ на дво-

рѣ огонь, подвѣшиваютъ котлы, умерщвляютъ животныхъ и начинаютъ варить мясо безъ всякой помощи постороннихъ. Они же варятъ медъ одновременно съ этимъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ начинаетъ сходиться родня и знакомые, приготавливаютъ въ избѣ столъ съ пивомъ, медомъ, виномъ; зажигаютъ свѣчи, которыя прилѣпляются къ дверямъ, окнамъ, или на палку, а иногда прилѣпляютъ ихъ къ нарочно протянутой для сего веревкѣ. При этихъ свѣчахъ всегда находится мальчикъ для поправленія свѣтильни. Самыя большія свѣчи назначаются отцу и матери; поменьше женѣ, мужу, брату, сестрѣ и самыя маленькія дѣтямъ и дальнему родству. Если у кого свѣчей нѣтъ, то тотъ даетъ деньги. По свареніи картами жертвеннаго мяса, его приносятъ въ избу. Начиная съ карта и кончая послѣднимъ присутствующимъ, каждый отщипываетъ по куску мяса и кладетъ его, приговаривая молитву и имя покойника, въ особую чашку поставленную у дверей. За тѣмъ тоже самое дѣлается и съ медомъ. По окончаніи этого, начинается угощеніе въ особенности пивомъ и виномъ. Спустя нѣкоторое время, картъ приноситъ или снимаетъ съ вѣшалки платье покойника и надѣвъ кафтанъ, а женское платье перекинувъ черезъ руку, начинаетъ плясать, держа въ другой рукѣ свѣчу. За нимъ каждый изъ родныхъ дѣлаетъ тоже самое. Потомъ картъ беретъ чашу, съ отдѣленными частицами, выходитъ на дворъ и бросаетъ собакамъ. При этомъ замѣчается, если собаки грызутся, то черемисину на томъ свѣтѣ плохо, но если жертвоприношенія поѣдаются мирно, то значитъ покойникамъ хорошо. Потомъ начинается веселье, пляска, пѣсни и иногда музыка.

И тутъ какъ у чувашъ ясно и ощутительно, что русскій духъ вовсе не проникъ въ среду черемисъ, а всѣ насильственныя въ этомъ родѣ дѣйствія, приводили лишь къ отрицательному результату и къ отпаденію даже тѣхъ, которые по нѣкоторымъ признакамъ ихъ своеобразнаго христіанства, могли быть причислены къ нему. Это равнодушіе къ иноплеменникамъ, это насильственное и безпорядочное веденіе системы обученія, произвели то, что до нынѣ наибольшая часть, если не сказать всѣ мари, живутъ почти такъ, какъ жили въ 862 году. Нѣкоторые изъ нихъ обратились къ мухаммеданству, а крещеные безсознательно, толпою, явно отпадали отъ православія, прося оффиціально о причисленіи ихъ къ мухаммеданскому закону или къ прежнему язычеству. Самое введеніе христіанства, путемъ наружности и безъ сознанія, не словомъ, иногда путемъ

потворства нѣкоторымъ языческимъ обрядамъ, произвело другое явленіе: смѣшеніе христіанства съ язычествомъ, доходящее не столько до смѣшнаго, сколько до отчаяннаго убѣжденія, что мы сами еще такъ слабы и шатки въ нашихъ понятіяхъ о христіанствѣ, что не можемъ и не умѣемъ истолковать грубому и невѣжественному народу, силу христіанскихъ истинъ. Этому во многомъ мѣшалъ самый способъ перенесенія нашего мышленія на черемисъ. Такъ въ прежнее время, да и нынѣ это еще не вывелось, желали крестить и считать христіанами тѣхъ, которые или изъ личныхъ видовъ или по личному убѣжденію проповѣдника, казались достойными этого. Еслибъ наши убѣжденія были безпрекословно вѣрны, человѣкъ бы былъ безъ грѣха, самое же первоначальное ученіе и обученіе доставалось легко и скоро, то можно было бы этому повѣрить, а такъ какъ все это очень шатко, то и принятіе христіанства, было такимъ же временнымъ, напускнымъ, а статистическіе отчеты, всегда готовые къ небывалымъ услугамъ въ цыфровыхъ показаніяхъ, оказали еще большую медвѣжью услугу, подведя итоги и сказавъ, что всѣ черемисы христіане.

Между ними дѣйствительно есть христіане, но съ такимъ направленіемъ, которое и не современно и безполезно. Эти христіане прочли по славянски Евангеліе, житіе святыхъ, многое что знаютъ наизустъ изъ всего этого, но они не умѣютъ ни толковать, ни объяснять, ни опровергать доводовъ язычества и въ особенности мухаммеданства. Ихъ лѣсная натура составила себѣ какое то особенное понятіе о спасеніи, на основаніи четьиминеи, которой они подражаютъ, не зная даже хорошенько русскаго языка, понимая на половину славянскій и вовсе не зная какъ отвѣчать муллѣ, когда тотъ утверждаетъ, что Богъ единъ и нѣтъ Троицы. Между тѣмъ карты начинаютъ пользоваться временными бѣдствіями народа, привлекая къ себѣ суевѣрныхъ, причемъ если ни одна изъ ихъ молитвъ, ни одинъ изъ ихъ обрядовъ не помогаетъ, то тотъ же картъ посылаетъ ставить свѣчу въ церковь, укажетъ даже икону и святаго. Этого уже довольно, чтобы и въ послѣдующіе разы прибѣгнуть къ тому же карту, утративъ настоящую вѣру во святыню.

Когда Петръ Могила убѣдился въ слабости православія въ виду образованности католическихъ пастырей и іезуитовъ, онъ поставилъ себѣ задачею, обновить западно-русское духовенство

прилежнымъ изученіемъ противнаго ученія, дабы отражать тѣмъ же орудіемъ, что вполнѣ достигъ. И здѣсь это можно достигнуть, но только иначе, нежели какъ это дѣлается въ горно-черемисскомъ краѣ, гдѣ отъ ошибочности взгляда происходитъ то странное явленіе, что двѣ волости рядомъ лежащія, козьмодемьянскаго уѣзда: большеюнгинская и виловатовражская смотрятъ въ совершенно противуположныя стороны. У первыхъ христіанство утвердилось на книжныхъ началахъ, они говорятъ по русски, одѣваются также, грамотность между ними начала двигаться и одинаково развиваются ремесла. У послѣднихъ же всего этого не существуетъ, а между тѣмъ, въ ближайшемъ лѣсу ежегодно замѣчаются разные остатки только что бывшихъ жертвоприношеній; духовенство, администрація, сосѣди черемисы-христіане ихъ преслѣдуютъ, они стѣснены, наружно исполняютъ христіанство, но за тѣмъ еще крѣпче придерживаются втихомолку старинѣ и своимъ картамъ.

Эта неестественность проистекаетъ отъ самаго способа вѣроученія: что было хорошо въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, то не пригодно здѣсь, чему доказательствомъ служитъ слѣдующее: съ 1828 по 1848 годъ, обучали въ вятской духовной академіи 40 человѣкъ инородцевъ, съ цѣлію образовать изъ нихъ священниковъ. Изъ нихъ лишь 20 оказались дѣйствительно достойными занять разныя должности причта, причемъ только 5 удостоились рукоположенія, не заявивъ себя ничѣмъ, что разумѣется не могло бы быть, еслибъ тотъ курсъ, который они прошли съ трудомъ, подходилъ бы ближе къ ихъ народности; еслибъ пребываніе этихъ 40 человѣкъ въ заведеніи было обстановлено на лучшихъ общечеловѣческихъ и образовательныхъ началахъ, еслибъ наконецъ не мѣшая образованію въ богословіи, заведенія эти могли бы доказательно подтвердить превосходство и первенство русскаго элемента, его развитія, взгляда и жизни, сравнительно съ иноплеменническими. Но этого то и небыло!

При такихъ обстоятельствахъ неудивительно, что черемисы, усвоившіе себѣ исключительно одно церковное образованіе, являются лучшими дѣятелями, почитая себя за мучениковъ христіанства, тогда какъ на самомъ дѣлѣ, это не болѣе, какъ упорное подраженіе тому, что они сами непонимаютъ, какъ слѣдуетъ. Такъ, впослѣдствіи славяно-церковнаго ученія, въ концѣ 50 годовъ, оно начало рас-

пространятся довольно быстро по горно-черемисскому краю. Явился молодой человѣкъ Михаилъ Герасимовъ съ помощникомъ Захаровымъ и съ нѣсколькими другими товарищами, которые поставили себѣ задачею, ввести христіанство и начитавшись житіе Святыхъ, начали спасаться и основывать монастырь. По показанію г. Знаменскаго они нашли послѣдователей и утвердили свое ученіе среди 4000 человѣкъ. Число довольно круглое, въ особенности если принять во вниманіе, что многіе изъ учениковъ научились также и грамотѣ. За тѣмъ Герасимовъ со товарищи, спасаясь въ присурскомъ лѣсу, въ уединеніи, избрали понравившуюся имъ мѣстность для своей осѣдлости и для постройки монастыря. Между тѣмъ н. только язычес:вующіе черемисы, но даже и русскіе, не желали этого сосѣдства. Такъ какъ въ настоящее время уже нѣтъ такихъ земель, которыя бы не имѣли хозяина, то препятствовавшему люду было весьма легко доказать, что при устройствѣ пещеръ, землянокъ и другихъ построекъ, нужно было и мѣсто и матеріалъ, которыя всѣ добыты были незаконно изъ ценибековской казенной дачи. О такой покражѣ и порубкѣ, извѣстили мѣстную администрацію, такіе же христіане, какъ Герасимовъ со товарищи и вотъ зимнимъ временемъ, когда не видно было ни одной порубки, ни одного пня, пріѣхали оцѣнщики, потомъ схватили Герасимова и взвели на него обвиненіе порубки въ 470 руб. сер. Такъ какъ онъ не желалъ выдавать своихъ товарищей, а принималъ все на себя, между тѣмъ заплатить не могъ того, что съ него требовали и что уже можетъ давно было незаконно уплочено полѣсовщикамъ другими порубщиками, то Герасимова за его рвеніе къ христіанству, какъ главнаго дѣятеля посадили въ тюрьму, гдѣ онъ и просидѣлъ почти годъ. Тѣмъ не менѣе дѣло на этомъ не остановилось. Другіе его сотрудники и въ особенности Захаровъ хлопотали, ходили въ Петербургъ и добились того, что наконецъ имъ дозволили строить монастырь и при немъ школу. Но кромѣ того имъ удалось собрать до 7/т. р. с. на самую постройку монастыря

Такія заслуги, среди трудной борьбы очень велики и достойны полнѣйшаго вниманія, однакожъ во всей этой исторіи возникновенія черемисскаго монастыря, переполненной противурѣчіями, всего болѣе замѣчательна стойкость характеровъ, но не самая цѣль, которою задались спасавшіеся.

Будемъ надѣяться, что этотъ монастырь принесетъ несомнѣнную пользу, что его школа обучитъ народъ, что она будетъ не менѣе полезна, чѣмъ возникающія въ другихъ мѣстахъ школы земства и министерства народнаго просвѣщенія, изъ коихъ послѣднія, также не отходятъ ни отъ православія, ни отъ народа, за то методъ обученія другой, основанный на новѣйшихъ раціональныхъ началахъ.

Дѣло въ томъ, что каждому изъ насъ приходилось испытать, какъ трудно понять, какъ трудно передавать мысль тогда, если мы плохо знаемъ тотъ языкъ, на которомъ насъ привѣтствуютъ, на которомъ мы вынуждены изъясняться. Знаніе языковъ совершенно особое дѣло; не каждый къ этому способенъ и потому блестящія способности, высокія умы, при незнаніи языка, встанутъ въ тупикъ и могутъ показаться глупыми, какъ еще очень недавно судили тѣхъ, которые не знали французскаго или нѣмецкаго языка. Какъ же судить о черемисахъ, на столько же не тронутыхъ, какъ ихъ допотопная почва, ихъ дремучія лѣса? Онъ дурно говоритъ, иногда вовсе не знаетъ русскаго языка, не привыкъ мыслить, никогда не слыхалъ о христіанской истинѣ, а между тѣмъ вдругъ съ нимъ начинаютъ говорить по русски, толкуютъ о какихъ то грѣхахъ, о будущей жизни, о постахъ которыхъ онъ никогда не соблюдаетъ и хотятъ, чтобы этотъ человѣкъ все понялъ тотчасъ и заговорилъ бы такъ, какъ мы. Онъ же между тѣмъ, услыхавши подобныя рѣчи въ первый разъ, вылупливаетъ глаза, открываетъ ротъ, слушаетъ нашъ говоръ, какъ мы слушаемъ лай собаки, тогда какъ природная трусость уже его забираетъ и онъ разумѣется послѣ этого только и наровитъ, какъ бы уйти и уходитъ, чтобы уже никогда не слушать подобныхъ рѣчей.

А неугодно ли намъ поучиться по черемисски? Дѣло трудное, можетъ странное, потому что наши отцы не находили въ этомъ необходимости; а между тѣмъ это единственный способъ образовать черемисъ, ввести христіанство, обрусѣть ихъ и за тѣмъ съ ними слиться. На практикѣ оказалось, что тѣ иноплеменники, которыхъ начинали учить на ихъ природномъ языкѣ, сначала азбукѣ русскимъ шрифтомъ и понятливымъ звуковымъ методомъ, потомъ чтенію, письму и молитвамъ на ихъ же языкѣ, тѣ скоро выучивались и всему остальному. Прежде всего ихъ нужно пріучить къ мысли, что и

у нихъ есть письменность, о которой они не имѣютъ никакаго понятія. Эта новость ихъ занимаетъ, они душевно благодарятъ, что можно усмотрѣть на каждомъ лицѣ и вслѣдъ за тѣмъ начинаютъ думать о томъ, что имъ никогда и въ голову не приходило. Среди этихъ думъ и ученія его начинаютъ пріучать и обучать мало по малу къ разговорному русскому языку. Когда чтеніе, письмо, молитвы и разговорный русскій языкъ уже нѣсколько пошли на ладъ, начинается обученіе того же самаго на русскомъ языкѣ; а такъ какъ буквы ему уже извѣстны, чтеніе и письмо также, а съ русскимъ языкомъ онъ познакомился нѣсколько изъ разговора, то нѣтъ сомнѣнія, что очень скоро каждый чувашъ и черемисъ не только сдѣлается грамотнымъ русскимъ мужикомъ, но и отличнымъ и осмысленнымъ христіаниномъ, среди нравственно-религіознаго воспитанія.

Труды г. г. Ильминскаго и Золотницкаго и ихъ учениковъ увѣнчались полнѣйшимъ успѣхомъ; трудъ этотъ громаденъ, но за то полонъ благодарности и быстрыхъ результатовъ. И у насъ военныхъ получится такой же результатъ въ резервныхъ баталіонахъ, куда поступаютъ чуваши, черемисы, вотяки, татары и др. Татары большею частію знаютъ татарскую грамоту, хотя ихъ арабскія буквы и наши, отличны другъ отъ друга; между тѣмъ обученіе татаръ русскому письму и чтенію идетъ быстро и опереживаетъ всегда русскихъ именно потому, что они учились прежде, на своемъ татарскомъ языкѣ. Если этотъ методъ обученія примѣнится всюду для всѣхъ инородцевъ, при употребленіи русскихъ буквъ для инородческихъ языковъ, то неминуемо послѣдуетъ быстрое сліяніе, среди христіанства и руссицизма, а дабы оно шло еще скорѣе, систему такого обученія инородцевъ вообще необходимо ввести въ войска. Еслибъ даже для этого рекрутамъ пришлось остаться 1 годъ вмѣсто 5 мѣсяцевъ въ резервныхъ баталіонахъ, то отъ этого пострадалъ бы только этотъ годъ, но и это можно устроить безъ ущерба для арміи, а за то потомъ обученіе пошло бы своимъ порядкомъ и инородцы солдаты въ этомъ случаѣ приносили бы несомнѣнную пользу, какъ на службѣ, такъ и впослѣдствіи, сдѣлавшись прежде всего христіанами. Нынѣ же у насъ есть во фронтѣ язычники! И не знаешь, куда ихъ поставить по отставкѣ, куда ихъ зачислить. И совѣстно и странно; хочется поучить, да нельзя по отсутствію средствъ и по непримѣнимости настоящаго военнаго метода обученія рекрутъ и солдатъ изъ инородцевъ.

По возвращеніи домой, солдаты обученные на разумныхъ началахъ грамотѣ, закону Божію и русскому языку, сдѣлаются поборниками осмысленнаго просвѣщенія и не станутъ говорить, что во время свадьбы грѣхъ пѣть церковныя пѣсни и не грѣшно воздавать хвалу какому нибудь Пелюхсе, Кебе или Вадышу.

Да, пора намъ взяться за этотъ вопросъ и начать дѣйствовать на основаніяхъ здраваго разума. Пора убѣдиться, что буквальное пониманіе славянскихъ истинъ, было хорошо при забвеніи системы Кирилла и Меѳодія, которые просвѣщая славянъ не толковали имъ по гречески, но по славянски,—а мы слѣдуя по этому благодатному пути, должны толковать по инородчески и перейти потомъ не спѣша, къ русскому

14 октября, 1869 года.

Хотя вотяки и мордва, составляютъ самую незначительную частицу населенія казанской губерніи, тѣмъ не менѣе, было намѣреніе и ихъ разработать этнографически, на столько же подробно, какъ предъидущіе отдѣлы. Между тѣмъ другія обязанности не допускаютъ меня до этого и потому я вынужденъ ограничиться краткимъ этнографическимъ описаніемъ вотяковъ и такимъ же,-мордвы.

Еслибъ все то, что составляетъ наклонность человѣка къ какому бы то не было занятію, совмѣщалось бы со всѣми его требованіями жизни, какъ послѣдняя была бы легка и пріятна!

Но желаніямъ человѣка нѣтъ конца, тѣмъ болѣе, что такая наклонность, какъ описаніе народовъ по нынѣ была безбезполезна, какъ можетъ быть и настоящій трудъ. Оно дѣйствительно безполезно, если не понимаютъ пользу, какъ напримѣръ вотякъ въ простотѣ своего сердца, вполнѣ увѣренъ, что ему безполезно заводиться хорошимъ домомъ, потому что рано или поздно, для него непремѣнно наступитъ черный день, когда онъ принужденъ будетъ спустить все свое добро [1].

ВОТЯКИ

Вотяки нынѣ живутъ въ казанской губерніи, въ числѣ 7717 д. об. пола, въ казанскомъ и мамадышскомъ уѣздахъ. Для вящаго свѣдѣнія мы помѣщаемъ здѣсь перечень поселеній, занятыхъ вотяками:

КАЗАНСКАГО УѢЗДА:

1) деревня малыя Лызи
2) починъ Князбашъ
3) деревня Ярокъ-Чурма
4) деревня Гондырева

---

(1) Вятскія губернскія вѣдомости.

МАМАДЫШСКАГО УѢЗДА:

5) деревня новый Каинсаръ (Исакъ)
6) деревня Лыя-Поикина
7) деревня нижняя Уча
8) деревня новая Уча
9) деревня старая Уча
10) деревня Важешуръ (Бужа)
11) починокъ Сутерь (Біерь)
12) деревня старый Каинсаръ
13) деревня новый Каинсаръ
15) деревня верхніе Шуни (Шумбашъ)

Изъ нихъ 5245 д. об. пол. крещеныхъ; а 199 д. об. п. въ казанскомъ уѣздѣ и 2260 д. об. п. мамадышскаго уѣзда, всего 2459 д. об. п., некрещеныхъ.

Народъ этотъ, какъ уже выше было сказано, пришелъ изъ Сибири, но какъ намъ кажется не вдругъ весь, а постепенно, съ движеніемъ другихъ соплеменныхъ имъ финновъ и впослѣдствіи повторявшихся, со стороны монголовъ, натисковъ. Судя по наружности, по языку и нравамъ, вотяки болѣе всего подходятъ къ чистымъ финнамъ, къ той води (чуди), которая по Кеппену составляетъ часть финско-чудскаго племени и имъ описана подробно, на основаніи историческихъ показаній. Эта водь жила прежде въ новгородской и петербургской губерніяхъ и двинулась раньше чрезъ Уралъ, какъ ближайшая къ ливамъ, эстамъ и чуди. Часть ея осталась назади и переселилась уже въ позднѣйшее время въ вятскую и казанскую губерніи, вслѣдъ за черемисами. Намѣкаетъ на это также и самое покореніе Вятки въ 1174 году, при В. К. Андреѣ Боголюбскомъ (¹). Карамзинъ говоритъ, что нѣкоторые новгородцы, наскучивъ внутренними раздорами, отправились для поселенія на Каму. Покоривъ много вотяцкихъ населеній, они дошли до рѣки Вятки и увидѣли въ 15 верстахъ отъ нынѣшняго губернскаго города, красивый городокъ, окруженный валомъ и рвомъ. Это укрѣпленное населеніе было взято, а остатки его до нынѣ извѣстны подъ названіемъ городка Чудь-Болвановскаго, названнаго такъ вѣроятно отъ бывшаго тамъ ка-

(¹) Вятскія губ. Вѣдомости.

пища. Русскіе въ немъ поселились и дали своему населенію пазваніе Никулицина, построивъ церковъ Бориса и Глѣба.

Такое характеристичное названіе, Чудь-Болвановская прямо указываетъ, что тутъ были болваны и неудивительно если они были точно такіе же, какъ встрѣчаются на Алтаѣ, и въ другихъ мѣстахъ южной Россіи т. е. каменныя бабы. А такъ какъ вотяки сами себя называютъ Утъ, Отъ, а русскіе еще до нынѣ ихъ заутъ Вотъ, то и приходимъ къ тому, съ чего начали, т. е. что нынѣшніе вотяки, по всѣмъ соображеніямъ прежняя водь, чудь бѣлоглазая, которая могла исчезнуть въ обрусѣвшихъ губерніяхъ, по для сего пе было достаточно причинъ, какъ въ вятской, такъ и въ казанской губерніяхъ, гдѣ ихъ еще слишкомъ довольно и гдѣ они сохранили вполнѣ свои особенности, во многомъ отличные отъ другихъ, сосѣдственныхъ народовъ.

Возвращаясь къ прежнему показанію о черемисахъ, которые по пришествіи на Волгу, разселились южнѣе, чѣмъ вообще нынѣ живутъ и принимая во вниманіе то, что вотяки до нынѣ остались въ сѣверовосточной части казанской губерніи, между тѣмъ какъ въ царевококшайскомъ уѣздѣ сохранились названія селеній Ари (Нелейторъ) и Арино (Рождественское), а также городъ Арскъ, названія подходящія къ тому, которымъ татары зовутъ вотяковъ—Ари, можно придти къ тому заключенію, что они до прихода буртасъ и до движенія мари и мэри съ правой стороны Волги и отъ Костромы къ Царевококшайску,—жили гораздо южнѣе, занимая все полукружіе сѣверо-восточной части казанской губерніи, до города Арска и Царевококшайска. Съ движеніемъ буртасъ въ VII столѣтіи къ сѣверу и мэри въ XI столѣтіи къ востоку, вотяки, уступая шагъ за шагомъ свои земли, перешли въ вятскую губернію, удержавъ нынѣ за собою въ казанской, 14 поселеній.

Вотяки роста ниже средняго, сравнительно съ татарами и русскими. Тѣло ихъ тощее, они нѣсколько сутуловаты, походка ихъ тяжелая. Цвѣтъ лица смугловато-красный, щеки впалыя, нѣсколько выдающіяся скулы; лобъ малый и опрокинутый назадъ. Маленькій короткій разрѣзъ глазъ съ маленькими голубыми или свѣтлосѣрыми глазами. Ротъ большой, носъ курносый-небольшой, подбородокъ острый, борода и волосы рыжеватые; первая рѣдкая, вторые вѣчно нечесанные, иногда курчавые, торчащіе или падающіе на лобъ. Женщины еще безобразнѣе.

Всѣ они очень нечистоплотны, а умственное ихъ развитіе стоитъ ниже черемисъ и чувашъ. Ихъ однообразная жизнь, скудныя физическія силы, отсутствіе всякаго стремленія, ихъ робость, соединенная съ нѣкоторою хитростію и упорствомъ, отпечатываютъ вотяка съ точки зрѣнія самаго низкаго развитія, на измѣненіе чего и христіанство не имѣло ни малѣйшаго вліянія; но нельзя отвергнуть, чтобы они лишены были способности, перенимать отъ другихъ. Вотяки проживая постоянно въ сосѣдствѣ черемисъ, переняли отъ нихъ способъ построенія избъ и многое изъ ихъ жизни. Народомъ этимъ никто не занимался, онъ вѣчно былъ въ угнетеніи и потому неудивительно, что не подвинулся впередъ ни на шагъ съ тѣхъ поръ, какъ усвоилъ себѣ способность выражаться. Разъ установившіяся понятія переходили отъ отца къ сыну безъ всякихъ усовершенствованій и потому жизнь ихъ, вращается въ еще болѣе узкой рамкѣ, сравнительно съ другими народами казанской губерніи. Нѣкоторыя изъ уголовныхъ дѣлъ, весьма хорошо обрисовываютъ характеръ и нравъ вотяковъ. Такъ годовъ 30 тому назадъ было такое дѣло, гдѣ нѣсколько татаръ агрызской волости вятской губерніи, ограбили среди бѣлаго дня вотскую деревню, въ присутствіи населенія въ нѣсколько сотъ душъ. Когда уже и слѣдъ воровъ простылъ, деревня сознала, что ее обокрали. Поѣхала погоня, но уже было поздно. Другіе дѣла возникали, когда вотякъ, съ досады на сосѣда, распарывалъ себѣ брюхо, у него на дворѣ. Такое дѣйствіе называется тащить сухую бѣду и встрѣчается до нынѣ.

Вотяки чрезвычайно и наиболѣе суевѣрный народъ казанской губерніи, вслѣдствіе чего цѣлые дни и извѣстные часы дня проводятъ они въ бездѣятельности, считая за особенный грѣхъ работать въ это время, что очень вредитъ ихъ зажиточности. Отношенія ихъ другъ къ другу большею частію дружественны и миролюбивы. Преступленія у нихъ бываютъ какъ вездѣ, но и тутъ это болѣе привитое отъ сосѣдей татаръ, которые на нихъ вообще имѣли и имѣютъ большое вліяніе и дѣйствуютъ на столько съ нравственно превосходными силами, на сколько вотяки смиренны, глупы и тише татаръ. Къ особенностямъ ихъ обычаевъ слѣдуетъ отнести тотъ, который установился при прощаніяхъ. Уѣзжающій или уходящій въ солдаты, простившись со всѣми, вколачиваетъ въ знакъ памяти, по четыремъ угламъ стола, че-

тыре мѣдныя монеты, въ воспоминаніе о себѣ, во время трапезы домашнихъ. Присяги совершались еще очень недавно особымъ способомъ. Нарѣзывали кусочки хлѣба, посыпали солью и подавали ихъ остріемъ ножа чрезъ лукошку присягавшему, который въ это время стоялъ на колѣняхъ. Показанія подъ такою присягою всегда были вѣрны и обстоятельны. При переправѣ вотяка чрезъ рѣку, онъ непремѣнно бросаетъ горсть травы Шайтану приговаривая: не держи меня.

Одежда вотяковъ гораздо проще вышеописанныхъ другихъ народовъ. Мущины носятъ родъ сѣраго армяка до колѣнъ, подпоясанный ремнемъ или шерстянымъ кушакомъ. Къ ремню прикрѣпляются ножны, для ножа въ 6 вершковъ длины и желѣзная скоба для вкладыванія топора. Исподнее платье: холщевая бѣлая рубашка и шаравары. На ногахъ сапоги, а обыкновенно онучи и лапти, съ заостренными носками. Послѣднее довольно характеристично, какъ и вообще особенное обращеніе ими вниманія, на содержаніе въ чистомъ видѣ исключительно ногъ и обуви, въ противуположность тѣла и одежды. На головѣ они носятъ разныя шапки: войлочную, какъ татары или отороченную мѣхомъ или наконецъ какой то отрѣзокъ отъ рукава, надѣтый на голову и сверху зашитый, безъ козырька и околыша.

Зимою они носятъ подъ армякомъ овчинный полушубокъ и обертываютъ шею короткимъ чернымъ полотенцемъ.

Женщины одѣваются въ родѣ лѣсныхъ, луговыхъ черемисокъ, обшивая зипунъ по подолу и на концѣ рукавовъ красною лентою. Непремѣнною принадлежностью ихъ наряда,—передникъ ярко-краснаго цвѣта съ разными болѣе или менѣе прихотливыми рисунками. На шею они надѣваютъ ожерелье, изъ крупныхъ монетъ; серьги подобные черемисскимъ. Вообще же у вотяковъ менѣе металлическихъ украшеній, нежели у другихъ казанскихъ народовъ. На головѣ, вотяки носятъ, что то въ родѣ тохьи или тюбетейки, либо платокъ повязанный передними и задними концами назадъ или наконецъ надѣваютъ родъ шишака подъ названіемъ айшонъ, вышиною въ $^3/_4$ аршина, унизанный спереди и сзади мелкою серебряною монетою, либо оловянными бляхами. Еще замѣчательно, что онѣ волосы на вискахъ завиваютъ буклями, спуская ихъ по бокамъ въ видѣ гирекъ.

Вотяцкія деревни, величиною не болѣе 50 дворовъ, построены кучею, безъ всякой правильности. Дома каждаго

двора расположены какъ попало, какъ упало первое бревно, такъ что нѣкоторые углы надворныхъ строеній, упираются въ средину стѣны сосѣдняго дома. Каждый домъ раздѣляется на двѣ половины, съ сѣнями по срединѣ. Въ одной изъ половинъ они проводятъ зиму. Въ домахъ большею частію по одному окну со стеклами; другіе если есть, то волоковыя, т. е. закрывающіяся подвижною внутреннею ставнею или же они затянуты пузыремъ. Въ теплой половинѣ избы, устроены нары аршина два съ половиною въ поперечникѣ и на нихъ лежатъ подушки, перины, войлокъ и прочая постельная и всегда грязная принадлежность. Кругомъ по стѣнамъ лавки. Въ одномъ изъ угловъ стоитъ столъ, на немъ лежитъ всегда хлѣбъ завернутый въ грязную скатерть и жбанъ съ ковшомъ. Каждый приходящій можетъ ѣсть и пить, сколько кому угодно. Зимою всѣ спятъ въ повалку на полу, при самой удушливой атмосферѣ, среди телятъ, козлятъ, птицъ и всякой твари. Грязь, нечистота и смрадъ поразительны, въ особенности если все это помѣщается кромѣ того въ курныхъ избахъ, но не въ бѣлыхъ, которыхъ весьма мало. Съ другой стороны сѣней, находится подобная же комната, холодная половина, для храненія разнаго скарба. Дворъ обнесенъ заборомъ подъ названіемъ озборъ. Внутри его ставятся, по мѣрѣ необходимости, шалаши подъ названіемъ чумъ; число ихъ по потребности семейства, увеличивается до тѣхъ поръ, пока есть мѣсто внутри и потому такой дворъ, озборъ, представляетъ одинаковый безпорядокъ расположенія построекъ, какъ и самая деревня.

Главная отрасль занятій вотяковъ состоитъ въ земледѣліи и въ этомъ отношеніи они мало уступаютъ чувашамъ, по своей усидчивости и неустанности къ этой работѣ. Вотякъ до тѣхъ поръ не покоенъ, пока не сдѣлаетъ все что нужно, пока не убиретъ хлѣбъ, но его физическія силы нейдутъ въ ровень съ чувашскими и потому сколько бы онъ не трудился съ ранняго утра, до поздней ночи, онъ не въ состояніи выработать и сдѣлать столько, какъ чувашинъ. Главный ихъ посѣвъ состоитъ изъ ржи, овса и ячменя, но по причинѣ дурной почвы и незнанія болѣе раціональнаго хозяйства, не смотря на все стараніе и бережливость, вотяку не удается достигать благопріятной жатвы. Скотоводство у нихъ на второмъ планѣ. Болѣе усовершенствовано пчеловодство и то большею частію бортовое, причемъ воскъ и медъ они сбываютъ въ Казани.

Нищета вотяцкая вынуждаетъ его беречь каждую копѣйку, ее прятать па черный день. Не довѣряя чужимъ, гнушаясь другихъ племенъ, вотякъ избѣгаетъ имѣть прямыя съ кѣмъ нибудь сношенія и потому пріѣзжающіе купцы въ весьма рѣдкихъ случаяхъ могутъ покупать товаръ на мѣстѣ производства. Вотякъ на все отвѣчаетъ: наша ничаво нѣтъ.

Пищу ихъ составляетъ: неквашенный, зольный, дурновыпеченный ржаной хлѣбъ, рѣдька, дурное молоко нечистое, сушеный и искрошенный гусь, векша и кобыла. Обыкновенное питье—сюкасъ, солено-водянистый квасъ, а по праздникамъ пиво и кумышка, родъ пригорѣлаго и довольно противнаго, но хмѣльнаго вина. По праздникамъ ее пьютъ по нѣсколько дней сряду, до безобразпаго опьяненія.

Лучшая кумышка приготовляется дѣвицами, во время подчиванія молодыхъ людей, при разныхъ случаяхъ.

Религія вотяковъ, а также понятіе ихъ о твореніи человѣка, о будущей жизни, со всѣми обрядами какъ то поминки и жертвоприношенія, мало рознятся отъ черемисскихъ. Встрѣчаются разнообразія, на которыхъ мы и остановимся, считая излишнимъ повторять въ остальномъ одно и тоже нѣсколько разъ. Доброе начало у вотяковъ называется Инмаръ, которое живетъ на солнцѣ, вмѣстѣ со своею матерью Мумукольциною. Злое начало Шайтанъ или Вумортъ (водяной человѣкъ) живетъ на днѣ воды. Первый человѣкъ по понятіямъ вотяковъ сотворенъ изъ красной глины и потому у нихъ повѣріе, что покойника непремѣнно слѣдуетъ хоронить въ красной глинѣ, а за неимѣніемъ ея онъ считаетъ обязанностію ее отыскать и привести, хотя бы малое количество. Кереметь у нихъ также младшій братъ Инмара, который не столько причиняетъ зло, сколько мучитъ человѣка. По ихъ понятіямъ, уромъ, первый человѣкъ, другъ бога, по сотвореніи былъ очень скученъ, не смотря на то что постоянно пилъ кумышку, о чемъ каждодневно доносилъ Кереметь Инмару. Послѣдній не повѣрилъ и разсердился на Кереметь и съ этихъ поръ началась ихъ вражда, которая обнаруживается въ Кереметп всегда тѣмъ, что онъ постоянно смѣется надъ Инмаромъ. Такимъ образомъ, когда Инмаръ узналъ причину грусти урома, что нѣтъ у него жены, то тотчасъ же сотворилъ ее, но Кереметь испортилъ женщину, сдѣлавъ ее любопытною и прозорливою. Это послѣднее свойство женщины, поставило ее въ глазахъ семьи очень высоко и ни одно важное дѣло не рѣшается безъ ея приговора.

Изгнаніе изъ рая и самую смерть, вотяки приписываютъ также Кереметп слѣдующимъ образомъ. Инмаръ не приказалъ урому и его женѣ открывать нарочно поставленную чашку съ кумышкою, но они не послушали его и выпили кумышку, которая была осквернена Кереметью. Съ тѣхъ поръ урома изгнали изъ рая и люди начали умирать.

Охраненіе людей, сотворенныхъ во второй разъ, было довѣрено черному псу, что похоже на черемисское повѣрье. Съ этихъ поръ собака составляетъ непремѣнную принадлежность вотяцкаго двора, для его охраненія и спокойствія. Также они полагаютъ, что послѣ этого у нихъ уже нѣтъ грѣховъ, а если и бываютъ, то Инмаръ по добротѣ своей не обращаетъ на это вниманіе. Впрочемъ среди такой неприхотливой жизни, вѣчныхъ трудовъ и занятіяхъ, и черезъ чуръ ограниченныхъ желаніяхъ, вотяки на столько же грѣшны, какъ каждая безсознательно дѣйствующая тварь и это подходитъ къ ихъ понятіямъ о безгрѣшности.

О загробной жизни у вотяковъ такое же понятіе, какъ у черемисъ съ прибавленіемъ того, что каждый изъ нихъ будетъ имѣть на томъ свѣтѣ нѣсколько женъ. Покойнику кладутъ въ гробъ вещи, но считая его принадлежностью Шайтана, стараются не прикасаться къ мертвецу.

Поминки совершаются исключительно вслѣдствіи сновидѣнья. Для сего приготавливаютъ кумышку и блины. Послѣ молитвы, въ которой просятъ объ успокоеніи умершаго, старшій въ семействѣ беретъ блины, обмакиваетъ въ кумышку и подаетъ собакѣ. Если она ихъ съѣстъ, то значитъ покойнику хорошо, въ противномъ случаѣ, жизнь его на томъ свѣтѣ тяжела.

Ихъ моленіе совершаются въ кереметяхъ или дуплахъ и во всемъ сходно съ черемискимъ, такъ точно какъ и самый обрядъ. Но при этомъ замѣчательно, что вознося молитвы къ Инмару, его матери и другимъ побочнымъ богамъ, они ставятъ предъ собою деревяннаго идола изъ дерева, самой безобразной формы, изображающаго именно то животное, которое приносится въ жертву. Идолъ этотъ окутывается такою шерстью, какого цвѣта должно было бы быть жертвуемое животное, по большой части рыжаго цвѣта.

Праздники съ моленьями, очень схожи съ черемисскими и бываютъ почти въ одно время съ тѣми. Такъ передъ посѣвомъ яроваго, предъ сѣнокосомъ, по уборкѣ хлѣба, также на страстной недѣлѣ въ четвергъ, выгоняютъ Шайтана верхами, какъ у черемисъ.

У вотяковъ, какъ и у другихъ подобныхъ имъ народовъ есть свои жрецы, которые играютъ весьма важную роль. За нѣсколько дней до моленія собирается сходка, рѣшить какое животное принести въ жертву. Вопросъ этотъ разрѣшается всегда жрецомъ, который уходитъ въ лѣсъ узнать желаніе Инмара или Кереметя. Возвратившись оттуда, сходка узнаетъ волю своего бога, отъ жреца. Назначенное для жертвоприношенія животное, извѣстной шерсти, возможно купить исключительно у жреца, который такимъ образомъ, кромѣ подаяпія и платы за службу, получаетъ еще большое вознагражденіе за покупаемое у него животное, безъ всякаго торга и уступки.

Весьма интересны ихъ молитвы, при разныхъ случаяхъ, такъ напр. предъ посѣвомъ хлѣба: Господи благослови и утверди корень, чтобы отъ одного зерна было семьдесятъ семь колосьевъ; чтобы на семь составовъ они дѣлились; чтобы солома была толста, какъ камышъ. Дай Господи, чтобы зерно уродилось столько же велико, какъ куриное яйцо.

Кабалистическое число 77 очень замѣчательно и объ немъ говорилось, какъ при разборѣ чувашъ, такъ и черемисъ.

При выходѣ на сѣнокосъ: Дай Господи, чтобы трава, когда я три раза ударю косою собиралась пластами; чтобы между копнами, были копны и между зародами стояли бы зароды.

Вотяки начинаютъ эту работу очень поздно и потому ихъ трава, какъ у чувашъ, жестка и не вкусна.

При выходѣ на жатву: Дай Господи, чтобы между снопами стояли снопы; между суслонами, стояли суслоны.

Предъ кладкою хлѣба:

Дай Господи, чтобы кладуха была также велика, какъ велико небо.

Когда приносятъ въ жертву быка: Господи, отпущенный въ полѣ скотъ, да будетъ въ большой прибыли, мы отдаемъ его тебѣ въ жертву съ золотою шерстью.

На случай звѣроловства:

Когда нападетъ снѣгъ, дай Господи хорошой погоды. Помоги въ лѣсъ зайти и обратно выйти. Чтобы звѣрь показался лицемъ и шерстью. Ежели пойдемъ на рѣку, то пусть въ рѣкѣ будетъ рыба. Пусть попадаются бобры и ловятся выдры. Когда случится идти мимо берлоги, то увидѣть бы медвѣдя, а при

первомъ выстрѣлѣ изъ ружья, текла бы изъ него кровь и былъ бы шерсти хорошъ. По возвращеніи домой, дай Господи похвалиться удачею; съ покупателями также дай счастья быть знакомымъ и торговаться. Великому Государю, пособи Господи подать заплатить.

Подати уплачиваются вотяками довольно исправно, хотя судя по слухамъ хуже чувашъ и русскихъ. Звѣриная ловля у вотяковъ не составляетъ такаго преимущественнаго занятія какъ у черемисъ, тѣмъ не менѣе, зимою и въ свободное отъ земледѣлія время, они ею занимаются съ охотою какъ подспорье своему хозяйству, почему и упоминается въ молитвѣ о податяхъ, уплачиваемыхъ иногда, отчасти при дурномъ урожаѣ, на счетъ всякой звѣриной ловли. Какъ она трудно достается и на сколько зависитъ отъ разныхъ условій, говоритъ молитва. Весьма замѣчательно, что настоящіе вотяки охотники, а въ особенности черемисы, ихъ сосѣди, стрѣляютъ необыкновенно мѣтко, въ голову бѣлки или рябчика, чтобы не портить дичь и его шерсть. Также достойно вниманія, какимъ образомъ эти два народа умѣютъ оріентироваться въ лѣсу, сообразуясь съ чащею, съ запахомъ, съ просвѣтомъ, толщиною деревьевъ, признаки только извѣстныя подобнымъ народамъ, тогда какъ для насъ, для незнакомыхъ съ этимъ краемъ, казанско-вятскіе лѣса на столько же опасны, какъ открытое море или степь, за то съ провожатымъ изъ вотяковъ или черемисъ, лѣсъ становится понятнымъ, какъ бы говорящимъ, возбуждая удивленіе своимъ величіемъ.

Крещеные вотяки очень оригинальны по исполненію церковныхъ обрядовъ. Такъ пишутъ въ вятскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ, они постоянно переставляютъ свѣчи отъ одного образа къ другому и не дозволяютъ вынимать огарки, а уносятъ ихъ съ собою, для другаго раза.

Во время праздниковъ, вотяки возвращаясь изъ церкви или съ моленья, ѣдятъ семьею и потомъ отправляются въ гости, отъ одного сосѣда къ другому, въ полупьяномъ видѣ, вовсе забывая свой домъ, который остается безъ присмотра иногда цѣлую недѣлю.

При семейной ѣдѣ, въ праздникъ соблюдаются также нѣкоторые обряды. На столѣ стоитъ каравай хлѣба, пиво и кумышка. Хозяинъ садится на завѣтный стулъ, единственный въ домѣ, изготовленный имъ для себя до бракосочетанія. За тѣмъ онъ отрѣзываетъ верхушку каравая себѣ, а

всѣмъ остальнымъ семьи по тоненькому кружечку. Также отливаетъ въ каждую деревянную чашку, кумышку. Послѣ того хозяинъ беретъ любимаго члена семейства подъ руку и съ хлѣбомъ и съ чашкою, выходитъ изъ избы помолиться Инмару. По возвращеніи его назадъ, онъ снова садится и тогда всѣ имѣютъ право ѣсть и пить. Угощая друзей, послѣдніе пьютъ не раньше, какъ послѣ того, какъ хозяинъ нѣсколько отопьетъ. Тоже затѣмъ дѣлаетъ гость и такъ по маленьку, какъ бы пробуя вкусъ, допивается чашка съ той и съ другой стороны до конца и снова наполняется. Тоже повторяетъ хозяинъ со всякимъ гостемъ и потому подъ конецъ угощенія, не слѣдуетъ удивляться его безобразію и безпамятству.

Какъ свадьба, такъ и самый бракъ вотяковъ, имѣютъ свой особый оттѣнокъ и достойны полнѣйшаго вниманія по характеристичности взгляда вотяковъ на этотъ предметъ. Выдавая замужъ дочь, либо вводя въ домъ невѣстку, та и другая причиняютъ вотяку и горе и радость. На приданое дочери и на угощеніе нужны расходы, въ наименьшемъ размѣрѣ до 20 р. с. Если сынъ женится, то это стоитъ еще дороже, такъ какъ калымъ доходитъ до 60 р. с. Тутъ однакожъ та выгода, что въ семью вступаетъ лишняя работница, чему нельзя не радоваться вотяку; но скудныя средства не всегда дозволяютъ копить столько, сколько потребно для совершенія брака. Кромѣ того вотяки слишкомъ дорожатъ исключительно такими женщинами, которыя способ ы къ дѣторожденію, мало уважая бездѣтныхъ. Такъ какъ они такую способность почитаютъ за главную въ женѣ, то не рѣдко живутъ съ дѣвицами до брака и женятся лишь тогда, когда она дѣлается беременною. Разумѣется, что этому препятствуютъ какъ духовныя, такъ и полицейскія власти, но вотяки того убѣжденія, что гораздо было бы выгоднѣе лучше и проще, украсть жену безъ калыма и жить съ нею безъ всякаго брака. Способная къ дѣторожденію женщина, почитается у вотяковъ одинаково какъ у чувашъ. Она имѣетъ голосъ, помогаетъ мужу во всѣхъ работахъ, смотритъ за скотиною и воспитываетъ дѣтей. На послѣднее обстоятельство мужья обращаютъ особенное вниманіе, обвиняя во всемъ мать, если дѣти къ работѣ лѣнивы. Уже съ пяти лѣтъ ихъ заставляютъ помогать отцу. Бывали случаи, что вотяки бросали своихъ женъ, изъ за лѣнности дѣтей. Такое утилитарное направленіе

вотяка ясно обрисовываетъ все къ чему онъ стремится, чего онъ желаетъ, что думаетъ и какъ смотритъ вообще на человѣка и свое семейство.

Свадьба совершается похищеніемъ или сговоромъ. Въ первомъ случаѣ женихъ, сговорившись заранѣе съ невѣстою, назначаетъ день, часъ и мѣсто. Въ этотъ день, угостивъ всю свою родню до пьяна кумышкою, онъ въ сопровожденіи всѣхъ наличныхъ мущинъ отправляется верхомъ за невѣстою. Пріѣхавъ, сажаетъ ее какъ у чувашъ верхомъ и ведетъ подъ поводья къ себѣ домой. Невѣста во время дороги весела и спокойна, но подъѣзжая къ дому своего будущаго мужа начинаетъ плакать, выть, проситъ отпустить ее, обращаясь то къ жениху, то къ поѣзжанамъ. Войдя въ избу, повторяется тоже самое: она кидается во всѣ стороны, умоляетъ защитить ее, пока не угомонившись нѣсколько и угостившись кумышкою, ее запираютъ въ анбаръ или чумъ. Родители ее, узнавъ о похищеніи, верхами пріѣзжаютъ въ деревню, вламываются съ шумомъ и съ полнѣйшимъ неудовольствіемъ въ избу, причемъ начинается общій переполохъ, кончающійся тѣмъ, что родня невѣсты узнаетъ, гдѣ она сидитъ. Тогда отецъ ее подходитъ къ двери чума и спрашиваетъ, желаетъ ли она остаться тутъ и хорошо ли ей жить. Невѣста отвѣчаетъ, хотя и не совсѣмъ хорошо, но для милаго она готова остаться. Тогда начинается мировая, угощеніе кумышкою, сговоръ о калымѣ и приданомъ.

Если сватовство дѣлается не насильственно, то сватъ ѣдетъ къ отцу невѣсты и уже возвращается не раньше, какъ сосватавъ невѣсту. Когда всѣ уговоры кончены, то невѣста подаетъ кумышку и двѣ чашки, которыя выпиваются отцомъ и сватомъ до половины. Потомъ обѣ оставшіяся половины кумышки въ чашкахъ, сливаютъ въ одну и все подносится невѣстѣ, которая въ знакъ согласія выпиваетъ ее залпомъ. Сосватавъ, женихъ ѣздитъ каждый день къ невѣстѣ и привозитъ ей подарки въ родѣ полотенца, рубашки, краснаго платка.

Свадьбы бываютъ въ свободное отъ занятій время, большею частью за недѣлю до масляницы, одна за другою. Въ этотъ день собираются всѣ поѣзжане въ домъ жениха, разукрасивъ своихъ лошадей лентами, привѣсивъ бубенчики и шаркуны. Дабы лошади во время свадьбы не дремали, что почитается за дурной знакъ, ихъ въ этотъ день не кормятъ. Верхами, въ кибиткахъ и въ другихъ повозкахъ, отправляются

всѣ къ невѣстѣ. Но при этомъ вся послѣдующая церемонія только въ такомъ случаѣ бываетъ при женихѣ, если невѣста не украдена, иначе ее привозятъ къ жениху, въ сопровожденіи свахи и дружки. Подъѣзжая ко двору невѣсты, дружка спрашиваетъ дома ли она и получивъ отрицательный отвѣтъ, отъѣзжаетъ со всѣми обратно. Не доѣзжая до деревни жениха, поворачиваютъ назадъ въ предположеніи, что невѣста гдѣ нибудь спряталась. Въѣхавъ на дворъ невѣсты, всѣ начинаютъ ее искать и наконецъ выводятъ по среди двора, гдѣ начинается нескончаемый плачь и вой. Тогда подходитъ къ ней женихъ, даритъ чѣмъ нибудь, либо обѣщаетъ купить на передникъ, головной уборъ и т. п. Но невѣста не успокоивается и на всѣ доводы отвѣчаетъ однимъ плачемъ. Потомъ она начинаетъ прощаться со всякою вещью, со всякимъ предметомъ, который увидитъ или вспомнитъ, благодаритъ отцовскихъ лошад-й за хорошую ѣзду, корову за молоко и т. д. Если это прощанье и завыванье продолжается слишкомъ долго, то женихъ вмѣстѣ съ дружкою кладутъ невѣсту лицемъ къ землѣ, покрываютъ ее подушкою и стягаютъ по ней возжами, что и укрощаетъ эту печально-смѣшную сцѣну. Послѣ того она входитъ въ избу, женихъ наливаетъ въ чашку кумышку и подаетъ ее ей, вмѣстѣ съ подарками, которые принимаетъ невѣста на колѣняхъ. За тѣмъ запрягается тройка и женихъ съ невѣстою въ сопровожденіи поѣзжанъ, объѣзжаютъ всю деревню. На другой день, а большею частію вечеромъ, бываетъ свадьба. Передъ отправленіемъ въ церковь, либо въ деревню жениха, у дѣвицъ вотячекъ обыкновеніе дарить невѣсту разными предметами. Иногда послѣ этого слѣдуетъ вколачиваніе монетъ по четыремъ угламъ стола. У крещеныхъ благословеніе родителей сопровождается иконою, а у некрещеныхъ мать кладетъ руки на голову и воетъ надъ дочерью нестерпимо долго. Потомъ дочь садится на лавку, поплачетъ, поклонится всѣмъ, выходя изъ избы садится на порогъ, также плачетъ, тоже повторяется на крыльцѣ, послѣ чего снова перецѣловавъ всѣхъ и простившись со всѣми, усаживаютъ ее въ повозку и везутъ къ жениху.

По пріѣздѣ въ домъ жениха начинается пиръ, состоящій въ угощеніи главнымъ образомъ въ пивѣ и кумышкѣ и въ сопровожденіи доморощенной музыки: гармоніи, балалайки и пузыря. Въ это время поютъ разныя нескладныя пѣсни въ родѣ слѣдующей:

Мы взяли красную манишку,
А сами оставили черную.
Мы отдали со шляпу,
А взяли съ цѣлый сундукъ.
Мы отдали съ сундукъ,
А взяли съ цѣлый анбаръ.
Мы пріѣхали по рябчиковой дудочкѣ,
Мы прибыли по тропинкѣ векшей.
Мы прибыли сюда по таковаяю глухаря
Мы внизъ спустились на маленькой лодкѣ,
А къ верху поднялись на большой.
Войной пришли и взяли!
Цѣлыхъ десять недѣль ѣздили;
Ѣздили да свое взяли!
Весь городъ тамъ былъ,
Весь базаръ тамъ стоялъ,
А мы только семеро, пришли и взяли.

Вмѣстѣ съ тѣмъ танцуютъ по своему, кружась, прищелкивая и шумя до буйства и драки.

На третій день молодые ѣздятъ къ родителямъ невѣсты, привозятъ имъ подарки въ видѣ холста или лаптей, если бѣдны, причемъ установлено обычаемъ, чтобы молодая была какъ можно развязнѣе и бойчее.

Сравнивая характеръ, нравъ, обычаи чувашъ, черемисъ и вотяковъ, нельзя не признать въ нихъ большаго сходства, происходящаго по нашему мнѣнію не столько отъ сосѣдства настоящаго ихъ мѣста жительства, какъ отъ прежняго. Черемисы, почти вѣчные сосѣди чувашъ, хотя бы и разнаго племени, могли одинъ отъ другаго заимствовать многое. Вотяки, жившіе по дальше къ сѣверу, также присвоили себѣ общія черты разныхъ обычаевъ, но какъ въ исчисленіяхъ, вкравшаяся при этомъ ошибка, хотя бы наименьшей величины, увеличивается прогрессивно и съ постепеннымъ удаленіемъ отъ основнаго исчисленія, такъ и эти народы, смотря по близости ихъ мѣста жительства отъ исходной точки извѣстной цивилизаціи, отдалялись незамѣтно отъ ея настоящаго значенія. Ученіе Зороастра, нѣкогда обнявшее всю среднюю Азію, служитъ лучшимъ доказательствомъ, постепенности своего искаженія, до фетишизма черемисъ и идолопоклонства у вотяковъ.

Вотяцкій языкъ, какъ усматривается изъ прилагаемаго краткаго сравнительнаго словаря, болѣе всего схожъ съ зырянскимъ, черемисскимъ и мордовскимъ, составляя однакожь совершенно особое нарѣчіе, финскаго корня. Послѣдній въ особенности замѣтенъ въ числахъ. Большое сходство вотяцкаго языка съ зырянскимъ легко объясняется еще тѣмъ, что какъ до прихода русскихъ въ угрскую землю, такъ еще долго послѣ сего они были сосѣдями,—какими можетъ быть были и на Алтаѣ, до движенія вогуль на сѣверъ. Въ языкѣ вотяковъ замѣчается также нѣсколько нарѣчій, разныхъ мѣстностей. Нынѣ считаютъ, что такихъ поднарѣчій въ вятской губерніи два: глазовское и елабужское. На первомъ изъ нихъ говорятъ также казанскіе вотяки, но съ примѣсью татарскихъ словъ и оборотовъ. Что же касается до чувашскаго языка, то онъ не имѣетъ ничего общаго съ вотяцкимъ.

Мы не могли пріобрѣсти свѣдѣнія о черепахъ вотяковъ, хотя нѣтъ сомнѣній, что они скорѣе будутъ подходить къ черемисскимъ. Кромѣ того интересно было бы знать ихъ отношеніе къ мордвѣ и чувашамъ, какъ крайнихъ по размѣрамъ череповъ народовъ казанской губерніи. Во всякомъ случаѣ маленькій лобъ и нѣсколько опрокинутый назадъ, указываетъ на близость съ черемисами и русскими казанской губерніи. Смѣсь этихъ трехъ племенъ, въ періодѣ съ XII столѣтія могла произойти, какъ въ вятской, такъ и въ казанской губерніяхъ, впослѣдствіи набѣговъ, а въ новѣйшее время, по смѣшенію браковъ не по національности, а по религіи: русскихъ православныхъ съ православными вотяками.

МОРДВА.

Если есть нѣкоторые признаки переселенія алтайской расы въ европейскую Россію, если это доказывается намеками греческихъ и римскихъ писателей и исторіею позднѣйшаго времени, археологическими и филологическими изысканіями, то въ противуположность этому, у насъ вовсе нѣтъ доказательствъ, откуда пришла мордва, когда произошло это заселеніе и есть ли возможность, не гадательно, относить это племя къ финнамъ.

По языку это такъ, хотя во многомъ, мордовское нарѣчіе рѣзко отличается отъ другихъ финскихъ нарѣчій. Размѣры ихъ черепа, правильность лба и лицеваго угла, а также нѣжность и тонкость лица, на многое отдаляетъ мордву отъ финнъ. Кромѣ того ихъ способность къ воспріятію всего чужаго и быстрому изученію языковъ приводитъ между ними и финнами рѣзкую черту, причемъ мерещется предположеніе, что все финское въ мордвѣ, есть не болѣе какъ позаимствованное, покрывшее мордовскую народность такимъ толстымъ слоемъ непроницаемости, за избыткомъ протекшаго времени, что мы волею неволею причисляемъ этотъ народъ къ тому племени, къ которому онъ въ настоящее время наиболѣе подходящъ, въ особенности по языку.

Припоминая отдѣлъ о наслоеніи народностей, мы уже признали мордву, за аборигеновъ казанской губерніи, по правой сторонѣ Волги. Френъ также признаетъ мордву, за одинъ изъ древнихъ народовъ Россіи. Онъ говоритъ что Іорнандъ (552 г.) причисляетъ ихъ къ народамъ, которыхъ готскій король Эрманарикъ покорилъ въ IV столѣтіи (¹). Въ это время она было извѣстна подъ названіемъ Merdens. Кон-

---

(¹) Френъ,—Ибнъ-Фосланъ. стр. 164.

стантинъ порфирородный (943 г.) упоминаетъ о странѣ μορδια, лежащей въ 10 дняхъ ѣзды отъ печенѣговъ. Несторъ, перечисляя народы, также говоритъ о мордвѣ, платившей дань Россіи и жившей въ то время около Оки (1), слѣдовательно въ срединѣ Россіи. Въ 1228 и 1233 году, воевалъ съ мордвою В. К. Юрій Всеволодовичъ съ союзниками (2). Къ этому времени можетъ относиться то, что говоритъ г. Барминскій, объ уступкѣ мордовскихъ земель русскимъ, въ его медико-топографическомъ описаніи саратовской губерніи: „было время, когда племя мордовское, живя въ сосѣдствѣ съ русскими не зависило отъ нихъ. Но пришла пора и русскому понадобилась земля мордовская и сталъ онъ просить у народнаго вождя или князя мордовскаго, чтобы онъ по старой дружбѣ и по сосѣдству, уступилъ нѣсколько земли и именно столько, сколько можно охватить пеньковою ниткою, обмотанной нѣсколько разъ вокругъ человѣческой головы. Мордовскій инязарь согласился на просьбу своего сосѣда, который выбравъ изъ своего племени, что ни на есть дюжаго парня, обмоталъ вокругъ его головы такую безконечно длинную нить, что голова стала цѣлою горою и нить будучи размотана, охватила всю мордовскую землю. Спохватился инязарь, да уже поздно и ушелъ за море, уступивъ добровольно свою землю„. Далѣе г. Барминскій указываетъ на сходство этой легенды съ дидоно-кареагеновскою и намѣкаетъ, на происхожденіе мордвы, если не прямо изъ Тира и Сидона, однако принимая во вниманіе большую развитость и способность мордвы сравнительно съ другими племенами — на противуположное съ финнами происхожденіе.

Въ 1256 году, мордву покорилъ Батый. Рубриквисъ разсказываетъ, что по ту сторону Дона, къ сѣверу, въ чащѣ лѣсовъ живутъ два народа, изъ коихъ одинъ моксель, долженъ былъ примкнуть къ монгольскимъ ордамъ, во время ихъ нашествія на Венгрію, Польшу и Силезію и тамъ погибъ большею частію, со своими князьями. Тутъ не совсѣмъ ясно что подразумѣвалось подъ опредѣленіемъ: по ту сторону Дона. Намъ кажется, что мѣстность эта примыкала так-

---

(1) Френъ, Ибнъ-Фосланъ стр. 164. Schlözers Nestor II, 24, 106.
(2) Ewers Geschichte Russl. T. I. S. 145.

же и къ Окѣ и потому эта помянутая моксель жила въ воронежской и тамбовской губерніяхъ и вѣроятно далѣе на западъ къ орловской губерніи; къ Окѣ и вотъ часть этихъ то земель и покорилъ В. К. Юрій Всеволодовичъ. Другой народъ, Merdas или Merclas по Рубриквису занималъ пространство до Волги т. е. нынѣшнія пензенскую и симбирскую губерніи, гдѣ онъ сохранился до настоящаго времени, въ числѣ 250/т. д. об. пола согласно Кеппену и нарощенія % населенія. Эта мордва по нашему мнѣнію была подвластна хозарамъ, вплоть до X столѣтія и жила въ сосѣдствѣ прежнихъ буртасъ, нынѣшнихъ чувашъ.

Такое прежнее мѣстожительство мордвы, въ срединѣ Россіи указываетъ какъ бы на то, что мордва не могла переселиться изъ Алтая, а большая разница типа, языка, нравовъ, обычаевъ, съ тюркскими народами, недопускаетъ также предположеніе, о прежнемъ ихъ мѣстожительствѣ въ средней Азіи. Правдоподобнѣе допустить это переселеніе мордвы въ Россію, чрезъ Кавказъ и если не прямо изъ Финикіи, то изъ малой Азіи или Персіи. Послѣдующія филологическія, антропологическія и этнографическія изысканія, приведутъ насъ къ истинѣ, къ открытію настоящаго источника. Аделунгъ въ своемъ обзорѣ всѣхъ языковъ, причисляетъ мордву къ смѣшаннымъ нарѣчіямъ, пограничныхъ Азіи и Европы. На какомъ основаніи онъ причислилъ сюда мордву мнѣ непонятно, такъ какъ присутствіе ее до Аделунга, въ средней Азіи никѣмъ не доказано. Что же касается до настоящаго мѣстажительства, то ему вѣроятно было извѣстно, что мордва живетъ далеко отъ азіятскихъ границъ; проживающіе же въ самарской губерніи и вообще по лѣвой сторонѣ Волги, переселенцы позднѣйшаго и новѣйшаго времени. Одинаково неосновательно изобрѣтеніе г. Кеппеномъ новаго причисленія мордвы къ волжскимъ и болгарскимъ народамъ, о чемъ уже было сказано мною выше. Такое географическое подраздѣленіе племенъ слишкомъ поверхностно и ровно ничего не доказываетъ.

Мордва казанская большею частію эрза, остатки аорсовъ и той эрзы, которая обитала по правому берегу Волги у Тетюшъ, Курмыша и Буинска, до прихода черемисъ и потомъ буртасъ. Между нею встрѣчается также мокша. Оба нарѣчія теперь слились впослѣдствіи искуственнаго заселенія заволжскаго края по чертамъ и линіямъ, около городищъ, вышекъ и вообще укрѣпленныхъ мѣстъ. Мордва въ числѣ

18405 душъ живетъ въ казанской губерніи, только въ трехъ уѣздахъ: въ тетюшскомъ, спасскомъ и чистопольскомъ. Изъ нихъ живущіе въ тетюшсскомъ уѣздѣ, по всему вѣроятію, древнѣйшіе жители казанской губерніи, приперты къ углу другими народами, въ видѣ ливовъ у Домеснеса и устья западной Двины. Кромѣ искуственнаго заселенія спасскаго и тетюшскаго уѣздовъ были также и произвольныя съ правой стороны Волги, вслѣдствіи притѣсненія, введенія христіанства и т. д. Такъ мордва села Ямашей, разсказываетъ, что она пришла съ праваго берега тайкомъ и жила безизвѣстно долгое время, пока межевщики не открыли ее.

Мордва очень склонна къ сліянію съ другими народами, что доказывается многими фактами, но при этомъ она не всегда уступаетъ въ языкѣ, подчиняя иногда себѣ другую народность. Такъ урочище бывшей д. Юмралки въ дачахъ села Урюма по Волгѣ тетюшскаго уѣзда, было прежде заселено чувашами, о которыхъ только сохранилось преданіе, такъ какъ типъ, языкъ и нравы совершенно подчинились и слились съ мордовскими. Противуположный примѣръ замѣченъ по лѣвому берегу Волги въ деревнѣ Арчиловкѣ. Здѣшніе крестьяне всѣ изъ мордвы, но они до того обрусѣли, что потеряли свой языкъ, нравы и обычаи. Еще выше лежитъ село Рождественское-Каратай, населенное мордвою, платившею ясакъ царямъ казанскимъ, до покоренія царства. Эта мордва совершенно отатарилась. Такой же случай въ деревнѣ малыхъ Каратаяхъ, также платившей ясякъ татарамъ, до покоренія Казани русскими. Эта мордва совершенно утратила свои нравы, обычаи и языкъ. Между тѣмъ какъ тѣ, такъ и другіе православные со временъ основанія свіяжской конторы новокрещенскихъ дѣлъ, при Аннѣ Іоанновнѣ (1).

Какъ въ казанской губерніи, такъ и въ другихъ, гдѣ проживаетъ мордва, она вездѣ одинакова способна къ изученію языковъ. Встрѣтить мордвина, говорящаго на русскомъ, татарскомъ, чувашскомъ и на своемъ языкѣ не рѣдкость и это знакомство и изученіе чужихъ языковъ начинается уже съ дѣтства, дѣлается не насильственно, а такъ шутя, среди игръ, занятій и сношеній.

---

(1) Памятная книга казанской губерніи 1866—67 стр. 4, 12, 25, 32.

Другая замѣчательная сторона, гораздо болѣе важная, это нравственная, доходящая до удивленія. Такъ изъ отчета о дѣйствіяхъ казанскаго губернскаго статистическаго комитета за 1867 годъ, стр. 21, мы узнаемъ, что въ томъ году на 18381 д. мордвы — об. п. совершено всего 2 преступленія или по 1 на 9190 человѣкъ. Если бы это число и увеличилось въ 10 разъ, то оно и тогда представляло бы разительный примѣръ добронравія, сравнительно со всѣми другими народами губерніи.

Вся мордва казанской губерніи, за исключеніемъ весьма малаго числа, значительно обрусѣла, давно уже православная, во многихъ мѣстахъ позабыла даже свой языкъ или его особенности, присвоивъ себѣ жизнь, нравы, обычаи и пѣсни русскихъ. Ихъ физіономія, съ нѣсколько выдающимися скулами, особое имъ свойственное русское нарѣчіе, нѣсколько тяжеловатое, а также ихъ порядочность въ хозяйствѣ, любовь къ земледѣлію и потому большая обезпеченность въ домашнемъ быту, отличають ее отъ русскихъ крестьянъ.

Деревни мордовскія построены на русскій ладъ. Одежда ихъ русская, въ особенности мущинъ. Женщины отличаются своимъ головнымъ уборомъ, очень похожимъ на наши кичьки, однакожъ унизанныя монетами и бляхами. Остальныя принадлежности ихъ одежды, представляютъ какую то смѣсь русско-малороссійскаго костюма, весьма похожаго на тотъ, который употребляется крестьянками липецкаго уѣзда тамбовской губерніи. Дѣвушки заплетаютъ нѣсколько косъ и убираютъ ихъ лентами.

Народъ этотъ въ общей сложности сильный и красивый, въ особенности женщины, которыхъ профиль отличается какою то изящностью и пріятнымъ очертаніемъ. Мущины высокаго роста, плотные, широкоплечіе, мускулистые. Ихъ добродушное лицо выражаетъ здоровье и крѣпость. Руки и грудь весьма широкія. Все это способствуетъ плодотворности ихъ занятій въ особенности земледѣліемъ и бурлачествомъ, чѣмъ заняты не мало прибрежныхъ къ Волгѣ мордвинъ. Но и кромѣ этихъ занятій, они способны ко всякимъ другимъ, гдѣ не только нужна сила, но и нѣкоторая смышленость, которой идетъ на встрѣчу, предпріимчивость и способность къ торговлѣ. Въ мордовскихъ селахъ не рѣдкость найти разныя сельскія промыслы въ видѣ плотничнаго, столярнаго, кузнечнаго, слесарнаго; работаютъ телѣги, дуги, ободья и всякіе предметы, столь необходимые простолюдину.

Обращаю при этомъ особенное вниманіе на способность мордвы къ плотничному дѣлу и къ производству разныхъ саперныхъ работъ.

Во время войны 18 $^{53}/_{56}$ годовъ мнѣ случилось завѣдывать командою саперъ, только что сформированною и вѣроятно случайно, большею частію изъ мордвы. Полагаю, что въ то время не обращали еще вниманіе на наклонность человѣка къ тому или другому занятію, а прямо писали мѣломъ: быть тебѣ въ гвардіи, а тебѣ въ артиллеріи и т д. смотря какъ покажется рекрутъ, какъ понималъ дѣло выбирающій. На мое счастіе, эта молодая команда оказалась примѣрной нравственности, исполнительности и смѣтливости. Вязка хворостa въ разнообразнѣйшихъ видахъ, гидротехническія, земляныя и плотничныя работы, усвоивались этими людьми необыкновенно быстро, причемъ мордва постоянно брала верхъ надъ людьми другихъ націй по своей понятливости къ этому дѣлу. Подъ конецъ работъ эта молодежъ, до того пріучилась ко всему практическому, что мнѣ уже не стоило большихъ трудовъ руководить работами. Поведеніе же ихъ, за все время завѣдыванія командою, было отмѣнно хорошое: ни одно замѣчаніе, ни одна непріятность за все время завѣдыванія ею

Іоаннъ Грозный, при движеніи чрезъ симбирскую и казанскую губерніи на Казань употреблялъ встрѣчную мордву съ чувашими, на прокладываніе дорогъ, постройку мостовъ, гатей и вообще на подобное производство сооруженій притомъ съ пользою.

По причинѣ обрусѣнія мордвы, довольно трудно открыть, собственно въ казанской губерніи, присутствіе ихъ прежнихъ обрядовъ и обычаевъ, тѣмъ болѣе что какъ видно, предметомъ этимъ вовсе не занимались и не обращали на него никакого вниманія. Можетъ быть впрочемъ, они совершенно исчезли, замѣнены русскими и православными обычаями и обрядами, но не исчезъ тотъ особый складъ мордовскаго ума, который по своему рисуетъ божество и судитъ про женщину на свой ладъ. Богъ и человѣкъ-женщина, стоятъ въ глазахъ мордвы гораздо выше, чѣмъ у чувашей, черемисъ, вотяковъ и въ особенности татаръ. Въ молитвахъ своихъ онъ выражается слѣдующимъ образомъ: истинный Пасъ, высокій Пасъ! Дай намъ хлѣбъ насущный, дай все что я прошу у тебя; дай лошадку, чтобы хлѣбъ пахать, аминь. Пасъ и скотину создай Господи такую,

какую тебѣ угодно; создай также такъ, чтобы могла соху возить, аминь. И создай Господи ребенка, чтобы помогалъ мнѣ пахать землю и по болѣе дѣтей. Что я прошу-создай, Господи, и паче всего хлѣба. Сохрани Господи отъ колдуна и клеветника. Аминь

Одна эта фраза: „какую тебѣ угодно" уже достаточно возвышаетъ мордвина и проводитъ рѣзкую черту между его религіозными понятіями и другими народами финскаго и тюркскаго происхожденія.

Слѣдующая сказка показываетъ положеніе мордовской женщины: жилъ былъ собака демонъ; унего было тридцать друзей разбойниковъ, а ворота были заперты. Собака разбойникъ-демонъ ударилъ въ ворота ногой и ворота въ лучину исщепалъ. Вбѣжалъ собака-демонъ съ таварищами къ Абызу на дворъ, а богатый Абызъ съ женою въ бани парился. Вышелъ Абызъ изъ бани и пришелъ въ избу; разбойники его встрѣтили и хотѣли сжечь. Абызъ началъ ихъ просить жалобно: подождите братцы жену мою, она вамъ отдастъ золотую казну. Вошла въ избу Абызыва жена, поклонилась на всѣ три стороны, на четвертую сама взошла и однимъ словомъ ихъ остановила. Разбойники всѣ стали въ пень, обезумѣли и начали на колѣняхъ просить, чтобы она ихъ отпустила, потому что день начинается и ихъ поймаютъ; ихъ выпустили изъ избы, а со двора слѣда не найдутъ. Начали разбойники Абызову жену опять просить, чтобы отпустила ихъ, обѣщали дать ей половину своего добра. Она ихъ отпустила со двора, а изъ деревни слѣда не найдутъ. Тутъ они пали передъ Абызиной женой внизъ лицемъ и отдали ей все свое добро (1).

Тамъ гдѣ жена дѣйствуетъ нераздѣльно съ мужемъ, гдѣ ей предоставляется храненіе имущества, которое значитъ незарываютъ, тамъ гдѣ женщинѣ приписываютъ такое сильное нравственное вліяніе, что она можетъ остановить разбойниковъ и демона, можетъ ихъ выпустить или поймать; а за Божествомъ оставляютъ полною свободу дѣйствій и вымаливаютъ у него только одно необходимое, тамъ народъ уже перешелъ на степень своего развитія, что неоспоримо принадлежитъ мордвѣ.

---

(1) Лаптевъ, стр. 256.

Еще намъ остается сказать нѣсколько словъ о каратаяхъ. Лепехинъ во время своего путешествія слыхалъ о третьемъ колѣнѣ мордвы-каратай, отъ котораго ко времени его путешествія сохранились въ казанскомъ уѣздѣ 3 деревни. Изъ этихъ трехъ деревень, собственно въ казанскомъ уѣздѣ теперь одна деревня каратай №: 220, съ мечетью. Другихъ я найти не могъ. Въ историческихъ и юридическихъ актахъ, собранныхъ Мельниковымъ на стр. 6 говорится о каратаевской дорогѣ, которая какъ должно полагать пролегала мимо село Рождественское-каратай, изъ Казани въ Тетюши. Тамъ же на стр. 10 сказано: что били Государю мордва-октай и другіе по поводу спора за помянутый каратай. Эти акты и указанія еще старше лепехинскаго открытія, но между тѣмъ, онъ ничего не говоритъ о томъ, чтобы каратай было особое колѣно, а лишь пріурочиваетъ мордву къ извѣстному мѣсту, которое по звукамъ этого названія похоже на тюркское каратау т е. черная гора. Можетъ быть мордву, жившую въ этихъ мѣстахъ болгары называли такъ по мѣстности, но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы каратай составляли отдѣльное колѣно, отъ эрзы и мокши. Да и нѣтъ у насъ ни одного историческаго объ этомъ акта, намека, либо подобнаго указанія. Послѣ Лепехина говоритъ объ этомъ же Аделунгъ, но безъ всякихъ поясненій, включая лишь нарѣчіе этого колѣна въ общую номенклатуру языковъ. Френъ въ своемъ переводѣ Ибнъ-Фослапа, и другихъ арабскихъ писателей не довѣряя самъ себѣ, хотѣлъ бы узнать въ арабской ортографіи, Кератіянъ (Keratijan) колѣно каратай, о которомъ упоминаетъ Лепехинъ. Это не болѣе какъ намекъ, но никакъ не предположеніе въ дѣйствительности сходства того и другаго. Г. Кеппенъ говоря о томъ же продолжаетъ: „г. Френъ счастливымъ соображеніемъ открылъ это колѣно уже въ восточныхъ писателяхъ XIV ст. именно въ Ибнъ-эль-Верди и Демешки и по той только причинѣ не упоминалъ о своемъ открытіи, что извѣстіе Лепехина не было подтверждено никакимъ другимъ свѣдѣніемъ.“ Совершенно справедливо и притомъ оно до настоящаго времени не подтверждено потому что ихъ не было, такъ точно какъ и не было особаго колѣна мордвы каратаевъ. Подобныхъ колѣнъ можно встрѣтить во всѣхъ народахъ, но чтобы каратаевцы отличались на столько отъ эрзы и мокши, сколько послѣдніе отличаются другъ отъ друга, едвали кто откроетъ теперь, еслибъ даже предположить, что это могло быть въ

XIV ст. Все это, вызываетъ протестъ противъ новаго раздробленія мордвы, которую во времена г. Кеппена вовсе не изучили до того, чтобы фактически, на основаніи языка, религіи, типа, одежды, нравовъ, обычаевъ и обрядовъ, можно было бы колѣно каратай отличитъ на столько, какъ эрзу отличаютъ отъ мокши. Что же касается до потомства каратаевъ, проживающаго среди русскихъ и именно, по показанію достопочтеннаго г. Кеппена: князей Каратаевыхъ и коломенскихъ купцовъ Каратаевыхъ, то и это подвержено сомнѣнію произошли ли они отъ мордвы? По крайней мѣрѣ факты на это, не опубликованы.

При разсмотрѣніи картъ и списка населенныхъ мѣстъ казанской губерніи, я нашелъ слѣдующее число населеній по прозванію Каратай:

КАЗАНСКАГО УѢЗДА.

1) Деревня Каратай на рѣкѣ Шошмѣ съ мечетью—267 д. об. п.

ТЕТЮШСКАГО УѢЗДА.

2) Рождественское-мордовское Каратай съ православною церковью,—955 д. об. пола.

3) Починокъ Менситовъ-Каратай, при озерѣ Менситовъ съ 252 д. об. п.

4) Село барское Каратай-Савиновка, при Безъ-имяннонъ озерѣ, съ церковью и при 250 д. об. п.

5) Деревня завражные Каратай, при озерѣ Алгамѣ, съ 912 д об. п.

6) Деревня малые Каратай-Шершаланы, при рѣчькѣ Клярѣ съ 611 д. об. п.

Этимъ мы кончаемъ наши изслѣдованія о мордвѣ, относя дальнѣйшую разработку къ настоящему ихъ мѣстужительству въ симбирской и пензенской губерніяхъ.

А. Риттихъ.

26 Октября 1869 г.
Г. Казань.

P. S. Примѣчаніе на стр. 68, ч. I, по изслѣдованію на мѣстѣ, пока еще не подтвердилось.

МОЛИТВА ГОСПОДНЯ НА ШЕСТИ ЯЗЫКАХЪ
ПЛЕМЕНЪ КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ.

На Славянскомъ.

Отче нашъ, Иже еси на небесѣхъ, да святится имя Твое; да пріидетъ царствіе Твое; да будетъ воля Твоя, яко на небеси и на земли. Хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь; и остави намъ долги наша, якоже и мы оставляемъ должникамъ нашимъ; и не введи насъ во искушеніе, но избави насъ отъ лукаваго.

По Мордовски.

Тятяй минéкъ, коná éрп мянéль лáпксо, улезе лямесъ тóить святой. Сáзо инязорокáрдимасъ тóить; улезе олясь тоить, и масторъ лáнксо, кода мянель лá[illegible]нксо. Кше минéкъ éрва чинь тукá минѣкъ тé[illegible] чисто. И кадыкъ минянекъ пáндомотъ минéкъ. [illegible]Ля сóвавта минéкъ бѣдáсъ, по вáномакъ минéкъ шайтянсто.

По Вотяцки.

Инъ вылысь А[illegible]іемы, медъ шонерцкодъ нимыдъ Тынадъ, ме[illegible]дъ лыктозъ Тынадъ кунедъ; эрикъэдно Тынадъ [illegible] медъ луозъ, инъ вылынъ кадикъ музьемъ выл[illegible]нно; нянь сетъ милемъ улыны та нуналъ понна; селыкъесъ-месъ милесьтымъ кельты, кызьи мы кельтыскомъ милэмъ уйдасіослы; энно озналт[illegible]ы милэмъесъ, шайтаньлэсьно возма.

По Черемисски.

[illegible]Мемпанъ Атя Пылъ имбалнэ ильше; святой лижѐ[illegible] Тынинъ люмъ; тòлже Тынинъ онжемашъ; лижѐ[illegible] Тынинъ эрыкъ пылыштэ имландэ-юльна; Пу [illegible]ланна тачеланъ тѐмше киндэмъ; кодэ млана [illegible] язык-шамычимъ, — кузѐ мы кодэнà вéсе шáм[illegible]ычланъ Тудынъ орлукъ-шамычимъ; есэпъ мып[illegible]ъ-шамычимъ итѐ пӱртэ; утàры мынъ-шамычимъ[illegible] кил тымáшгычинъ.

По Чувашски.

«Пири[illegible] Адій (Аттій), сюльди сют-сяндаль[illegible]кра порнаг[illegible]ан! Санын ят сарлдыр; Санын пыхн[illegible]ы кильдыр; [illegible]Санын ирик сирь-синьчэ дэ сюльди [illegible]пэгэх полды[illegible]р. Пирин колленги сюккура паянл[illegible]ых пар пирэ; пирин парымсанэ казяр пирэ, хам[illegible]ыра парым[illegible]ызанэ казярны пэгэх. Силыга п[illegible]ирэ ан-кюрть, [illegible]озал-дан сюл пирэ.

По Татарски (нарѣчіе крещеныхъ).

Эй кюктäге Атабызъ, данны булыбъ торсынъ исеменъ Синенъ, килсенъ патшалыгынъ Синенъ, јирдя дя кюктягечя булсынъ иркенъ Синенъ. Бöгöнь кöннöкь икмягебезне бирь безгя. Бурычларыбызны кичерь, безь дя безгя бурычлы булганларга кичергянь кюкь. Безне алдатырга ирекь бирмя, јаманнанъ коткаръ безпе.

НѢКОТОРЫЯ ОБЩЕ-УПОТРЕБИТЕЛЬНЫЯ СЛОВА НА 6 ЯЗЫКАХЪ ПЛЕМЕНЪ КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНІИ; НА ФИНСКОМЪ Куопіоскаго нарѣчія; НА ЗЫРЯНСКОМЪ; НА АЛТАЙСКО-ТАТАРСКОМЪ НАРѢЧІИ Бійскаго Округа И НА КИРГИЗСКОМЪ НАРѢЧІИ.

ПО РУССКИ.	ПО ФИНСКИ, (Куопіоскаго нар.)	ПО МОРДОВСКИ.	ПО ЗЫРЯНСКИ.	ПО ВОТЯЦКИ.	ПО ЧЕРЕМИССКИ.	ПО ЧУВАШСКИ.	ПО АЛТАЙСКО-ТАТАРСКИ.	ПО ТАТАРСКИ.	ПО КИРГИЗСКИ.
1. Богъ	1. Юмала	1. Пассъ	1. Іе[illegible]	1. Инмаръ	1. Юмà	1. Тора	1. Кудай	1. Тäнре, Алла, Ходай	1. Кудай
Громъ	Укконенъ	Пургинэ	Гымъ	Гудыри	Кюдурчà	Асл' Ади	Кӱкӱрт	Кӱкрäу	Кӱркрö
Небо	Тайвасъ	Мепель	Енъ-[illegible]тъ	Югудто-инмаръ	Пыл, Пиль	Пюльть	Тенгере	Кӱк	Кöк
Солнце	Аурипко	Чи, шибасъ	Шонд[illegible]	Шунды	Кече	Хвэль	Кӱн	Койаш	Кӱн
Луна	Куу	Ковъ	Тел[illegible]	Толэчь	Тыльче	Оих	Ай	Ай	Ай
5. Звѣзда	5. Теэти	5. Теще	5. Ко[illegible]ъ	5. Кизели	5. Шюдуръ	5. Сюлдыр	5. Јылдыс	5. Јондоз	5. Јолдуз
Земля	Маа	Мода	Му[illegible]	Музьемъ	Мӱлäнде, Рокъ	Сирь	Јер	Јир	Јер
Песокъ	Хіекка	Песокъ	Лыа	Луа	Ошмà	Хыир	Кум	Ком	Кум
Годъ	Вуози	Іэ	Во	Аръ	Талукъ	Сöл	Јыл	Јыл	Јыл
Ночь	Іö	Вэ	Вой	Уй	Юдъ	Сюрь	Тӱн	Тöн	Тӱн
10. День	10. Пайвэ	10. Чи, чить	10. Лунъ	10. Нуналъ	10. Кече	10. Кон	10. Кӱн	10. Кöн	10. Кӱн
Облако	Пильви	Пель	Кымерь	Пилямъ	Пилъ	Пюльть	Пулут	Болот	Булт
Дождь	Саде	Пиземэ	Зеръ	Зоръ	Юръ	Сюмур	Јамгыр	Јангыр	Јангбыр
Снѣгъ	Луми	Ловъ	Лымъ	Лыми	Лумъ	Іор	Кар	Кар	Кар
Градъ	Іээ-Саде	Царахманъ	Шеръ	Э	Шолэмъ	Пур	Мöндӱр	Боз	Муз
15. Вода	15. Вэси	15. Ведэ	15. Ва	15. Ву	15. Видъ	15. Шу, шива	15. Су	15. Су	15. Су
Изба	Мая, Тупа	Кардасъ	Керка	Коркà	Пёртъ	Пюрть	Ӱй	Öй	Ӱй
Баня	Сауна	Куда	Пылсянъ	Мынца	Мончà, Момца	Мольча	Мылча	Мунча	Мунша
Огонь	Тули	Толъ, Тòло	Би	Тылъ	Тулъ	Вот	От	Ут	От
Отецъ	Исэ	Тѣтя, Тэтэй	Бать	Атай	Атя	1, Аттэ, 2, азӳ, 3, ашше.	Ада	Ата	Ата
20. Мать	20. Аити	20. Авай	20. Мамъ	20. Мумы	20. Абà	20. 1, Анпя, 2, аму, абу, 3, амыш	20. Ене	20. Ана	20. Ана
Жена	Ваймо	Ни, Низэ	Гöтыръ	Кышно	Ватэ	Арым	Кадыт	Катын	Кајын, катын
Сынъ	Пойка	Чора	Пи	Пи	Эргэ	Ул, увыл, ивыл	Уул, угл	Ул	Ул
Дочь	Тутэръ	Тейтерь, Тетэре	Ньелъ	Ныль	Юдуръ	Хирь	Кыс	Кыз	Кыз
Человѣкъ	Ихминенъ	Ломань, Ломане	Мортъ	Адями	Айдэмъ, йинг	Син, эдем	Кіжі	Кше, äдäм	Адам, киси
25. Заяцъ	25. Янисъ	25. Нумоло	25. К[illegible]ль	25. Лутъ-кецъ	25. Мерáнге	25. Молгачь	25. Койон	25. Куйан	25. Којан
Овца	Ламмасъ	Рѣве	Ыжъ	Ышъ	Шòрыкъ	Сóрых	Кой	Сарык	Сарык
Курица	Кана	Сарасъ	Чипанъ	Курекъ	Чибэ	Чих	Така	Тауык	Тауык
Собака	Койра	Пине	Пöнъ	Пуны	Пи	Іида	Іт	Эт	Ит
Рыба	Кала	Калъ, Кала	Чери	Чарыкъ	Колъ	Пола	Палык	Балык	Балык
30. Волкъ	30. Суси	30. Вергисъ	30. Кöинъ	30. Кіэнъ	30. Пüре	30. Кáшкыр	30. Пöрӱ	30. Бӱре	30. Каскыръ, бöре
Сани	Реки	Нуртъ	Додь	Додю	Тэрь	Сонà	Чанак	Чапа	« « «
Стрѣла	Пӱли	Лѣдима	Ныль	Пукышь	Пикшъ	Уга	Ок	Ук	Ок
Голова	Пээ	Пря	Іуръ	Юръ	Вуй	Пось	Паш	Баш	Бас
Спина	Селкэ	Кутьмерэ	Гöрбъ	Кусъ	Тупъ	Сöрым	Арка	Арка	Арка
35. Грудь	35. Ринта	35. Міесте	35. Морöсъ	35. Сіуламъ	35. Онгъ	35. Кӱкур	35. Тöш, кöгӱс	35. Кӱкрäк, тӱш	35. Кöкрек
Рука	Кäзи	Кѣдь, Кеде	Ки	Суй	Кидъ	Ала, хол	Кол	Кул	Кол
Палецъ	Сорми	Суръ	Чунь	Пылы	Парня	Порнэ	Пармак	Бармак	Бармак
Животъ	Маха, Ватса	Потмо	Кыпымъ	Кётъ	Мюшкуръ	Хырым	Іч, карын	Карын	Карын
Нога	Ялка	Пульге	Кокъ	Пытъ	Елъ	Орà	Пут, айак	Айак, бут	Ајак
40. Глазъ	40. Сильмэ	40. Сельме	40. Синъ	40. Синъ	40. Шинзà	40. Кóсь	40. Кöс, карак	40. Кӱз	40. Кöз
Ухо	Корва	Пиле	Пель	Пель	Пüлишъ	Хулга	Кулак	Колак	Кулак
Носъ	Nенэ	Судо	Ныръ	Ныръ	Нэрь	Сумза	Тумчук, пурун	Борон	Мурун
Лошадь	Хевопенъ	Лишьме	Вöлъ	Валъ	Имне	Ут	Ат	Ат	Ат
Олень	Пеӱра	Олень	Кöръ	Пуджей	Пüче	План	Пулан	« « «	« « «
45. Баранъ	45. Ламмасъ	45. Баранъ	45. Межъ	45. Така	45. Тага	45. Тага	45. Куча	45. Сарык, тäкäсе	45. Кой, кушкар
Гора	Мэки	Пандо	Чой	Гуречь	Кӱрукъ	Ту	Таг, тау, ту	Тау	Тау, ту
Дубъ	Тамми	Тумо	Ту-пу	Тыпы	Тумэ	Юмàн	« « «	Имäн	« « «
Ель	Nэре	Кузъ	Козъ	Кызъ	Кòжъ	Чирыш	Тиген	Чыршы	« « «
Деревня	Кюла	Вѣле	Деревня	Гуртъ	Ялъ	Ял	Аил, улус	Ауыл	Ел, аул
50. Платье	50. Ваттеэтъ	50. Суманъ	50. Новлэнъ	50. Дисясконъ	50. Вургемъ	50. Тóмдир	50. Кіім	50. Кейем	50. Кијим
Серебро	Хопеа	Сія	Эзысь	Азъ-вёсь	Ши	Кюмель	Мöнгун, кӱмӱш	Кöмöш	Кӱмӱш
Желѣзо	Раута	Кисни	Кöртъ	Киртъ	Кюртне	Тимирь	Темір	Тимер	Тимер
Котелъ	Пада-Каттила	Ацама	Рачь	Пурты	Подъ	Хоран	Казан	Казан	Казан
Черный	Муста	Равужо	Сјöдъ	Сёдъ	Шéме	Хора	Кара	Кара	Кара
55. Бѣлый	55. Валкеа	55. Ашо	55. Еджыдъ	55. Тòдю	55. Ошо	55. Шóра	55. Ак	55. Ак	55. Ак
Синій	Сининенъ	Сень, Сэпе	Лöзъ	Лызъ	Какаргэме	Квак	Кöк	Кӱк	Кöк
Красный	Пунапенъ	Якстэре	Гöрдъ	Гортъ	Ешкарге	Хирле	Кызыл	Кызыл	Кызыл
Зеленый	Вихеріэйненъ	Пиже	Вижъ	Вожъ	Ужаргэ	Квак	Јажыл	Јашел	Јасыл
Желтый	Кельтаненъ	Тюжа	Нюдз-вижъ	Чужъ	Нáргынче	Сáра	Сары	Сары	Сары
60. Одинъ	60. Икси	60. Вейкѣ, Вэике	60. Öтикъ	60. Одыкъ	60. Иктытъ	60. Перь	60. Пір, јангыс	60. Бер	60. Бер
Два	Какси	Кавто	Кыкь	Кыкъ	Коктытъ	Икке	Екі	Ике	Еке
Три	Колме	Колмо	Куимъ	Квинь	Кӱмутъ	Виссе	Ӱч	Öч	Уш
Четыре	Нельэ	Ниле	Нэль	Ниль	Нüлитъ	Тватта	Тöрт	Дӱрт	Дюп
Пять	Виси	Вѣте	Витъ	Вить	Вüзитъ	Пилик	Пеш	Биш	Бес
65. Шесть	65. Кууси	65. Кото	65. Квайтъ	65. Кватъ	65. Кудутъ	65. Олта	65. Алты	66. Алты	65. Алты
Семь	Сейтсеменъ	Сисем	Сизимъ	Сизимъ	Шимытъ	Сичче	Јеті	Јиде	Јети
Восемь	Кадексанъ	Кавксо, Кауксо	Кöкьямысъ	Тямысъ	Кандакше	Сáккыр	Сегіс	Сигез	Секиз
Девять	Идексенъ	Вяксе, вэиксо	Öкмысъ	Укмысъ	Индэкше	Тӱххур	Тогус	Тугыз	Тогуз
Десять	Киммененъ	Кѣмень	Дасъ	Дасъ	Лу	Вóнна	Он	Ун	Он
70. Пить	70. Юода	70. Симексъ	70. Юны	70. Юоно	70. Юяшъ	70. Ись	70. Іч	70. Эч	70. Иш
Ѣсть	Сіöдэ	Ярцамксъ	Сьойны	Си	Кочкашъ	Си	Јій, ажан	Аша	Ас
Говорить	Хаастаа	Кортамксъ	Сьорпитны	Верясь-Коно	Оляшъ	Кала	Айт	Айт	Айт
Ѣхать	Ая	Ардомксъ, сывиса	Вöла-мунны	Мынано	Имнинъ-кайшъ	Кай, пыр, сюрс	Пар, јӱр	Бар, јöр	Јӱр, бар
Спать	Маата	Мадомексъ	Узьны	Изено	Малашъ	Сиврас	Уйукта	Јокла	Ујукта
75. Молчать	75. Оллавайти	75. Чачь-меньть	75. Челны	75. Дубы	75. Читашъ	75. Калас-мар	75. Упчукпа	75. Тик тор	75. Тиктор
Голодный	Nэлкэненъ	Вачо	Пöт-тöмъ	Сіемъ-потѐ	Шужмашъ	Вызе	Ач	Ач	Аш
Жаждущій	Яноненъ	Симемь-сась	Ютöмъ	Юемъ-потѐ	Юмо-Шӱшо	Изес-килегань	Суузаган	Сусаган	Сусаган
Сытый	Киллэненъ	Пемксе	Пöтъ	Китоишъ	Шужмàшдэ	Туранны	Тойу	Тук	Ток, тои
Дьяволъ	Перкале	Шайтанъ	Шайтанъ	Шайтанъ	Шайтанъ	Шайтан	Кöрмöс, кöрӱмес, айна	Шайтан	Шайтан

ПѢСНИ и МЕЛОДІИ
КАЗАНСКИХЪ ТАТАРЪ, ЧУВАШЪ и ЧЕРЕМИСЪ.

Татарскія:

Зюгра урдакъ балясы будай дынъ.

Andantino.

№ 1.

1mo 2do

Тавтелевъ.

Andantino.

№ 2.

Подклѣтная.

Allegretto.

№ 3.

Сурналикажъ.

Andante.

№ 4.

Чувашскія:

Пѣсня, которая поется хозяевами при угощеніи и провожаніи гостей.

Andante.

№ 1.

Пѣсня поется гостями при угощеніи ихъ хозяевами.

Andante.

№ 2.

Пѣсня невѣсты безъ словъ.

Andante.

№ 3.

№ 4. **Сурна.** строй скрипки.

Allegro.

Черемисскія:

Пѣсня безъ словъ.

Строй гуслей.

Andante.

№ 1.

Свадебная пѣсня.

Andante.

№ 2.

Пѣсня безъ словъ (Строй гуслей.

Andantino.

№ 3.

Гостевая пѣсня. съ голосу.

Andante.

№ 4.

Фотогр печатаніе Г Ф. ЛОККЕ въ Казани

КАЗАНСКІЕ ТАТАРЫ.

№ 1.

Фототс печаталь Г. Ф. ЛОККЕ въ Казани

КРЕЩЕНЫЕ ЧУВАШИ, НАРЯДЪ НЕВѢСТЫ.

№ 2.

Фотогр. печатаніе Г. Ф. ЛОККЕ въ Казани.

НЕКРЕЩЕНЫЕ ЧУВАШИ, КОСТЮМЪ, ХОШПА И ТОХЬЯ.

№ 3.

Фотогр. печатаніе Г. Ф. ДОККЕ въ Казани.

ГОРНЫЕ ЧЕРЕМИСЫ, КУРУКЪ-МАРИ, ТИПЪ ЖЕНЩИНЫ.

№ 4.

Фотогр печатание Г. Ф. ЛОККЕ въ Казани

ЛУГОВЫЕ ЧЕРЕМИСЫ; КОСТЮМЪ ЖЕНЩИНЫ И КАЛМЫЦКІЙ ТИПЪ МУЩИНЫ.

№ 5.

Фотогр. печатанiе Г. Ф. ЛОККЕ въ Казани.

ЛУГОВЫЕ ЧЕРЕМИСЫ, ЦЫГАНСКIЙ ТИПЪ МУЩИНЫ.

№ 6.

Фотогр печатаніе Г. Ф. ЛОККЕ въ Казани.

ВОТЯКИ.

№ 7.

Фотогр. печатаніе Г. Ф. ЛОККЕ въ Казани

МОРДВА.

№ 8.

Цѣна 2 р. 50 коп.

